

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

***РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА:***

***к двадцатилетию установления дипломатических отношений
между Россией и Республикой Корея***

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2010

УДК 327
ББК 66.4 (2Рос-5Кор)
Резу 346

Редакционная коллегия сборника:
д.э.н. А.Н. Федоровский (ответственный редактор), В.Б. Амиров,
чл.-корр. РАН В.В. Михеев
Сборник издан при содействии Корейского Фонда

Резу 346

Результаты и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества: к
двадцатилетию установления дипломатических отношений между Россией и
Республикой Корея / Ред. Коллегия – А.Н. Федоровский (отв. ред.), В.Б. Амиров,
В.В. Михеев – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 95 с.

ISBN 978-5-9535-0256-6

Предпосылки и последствия установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом рассматриваются в сборнике в контексте глубоких перемен, происходящих в России и Республике Корея в течение последних двух десятилетий, а также на фоне изменений, охвативших международные отношения в ходе преодоления последствий «холодной войны». Характеризуются этапы и последовательность сближения двух стран с конца 1980-х годов, подход к установлению дипломатических отношений со стороны Республики Корея и советского руководства во главе с М.С. Горбачевым, в т.ч. с учетом фактора КНДР. Дается оценка современной ситуации на Корейском полуострове, места Севера и Юга в российской внешней политике. Отмечается объективная потребность структурных перемен в двусторонних торгово-экономических связях России и Республики Корея в контексте повышения роли инновационной сферы, создания условий для расширения участия южнокорейских компаний в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока.

Twenty Years of Russia-ROK Diplomatic Relations: Main Results and Prospects for Bilateral Cooperation. Ed. By A. Fedorovskiy. Editorial board: V. Amirov and V. Mikheev

The publication is devoted to relative roles of the Soviet leadership under M. Gorbachev and South Korean government in establishment of diplomatic relations between Moscow and Seoul. A following development of relationship between Russia and Republic of Korea are widely discussed: key trends in evaluation from bilateral cooperation to strategic partnership. It is stated that improvement of relations between Russia and the ROK is an important factor in Russia's policy towards the Korean peninsula. It has also significance for political situation in Northeast Asia. Authors analyze a changing mode of relations between Moscow and Pyongyang due to some new developments at the beginning of XXI century. Close bilateral cooperation in high-tech industries, joint programs of economic development of the Russian Far East are the main factors for successful expansion of Russia-South Korean economic relations in the long-run prospects. Authors pay an attention to possible role of the Russian Federation in inter-Korean economic cooperation.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0256-6

© ИМЭМО РАН, 2010

Содержание

Дынкин А.А. Пример реального перехода от конфронтации к партнерству	4
Раздел I. Исторический аспект установления официальных дипломатических отношений	
Лукин В.П. К двадцатилетию установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом (интервью)	8
Кунадзе Г.Ф. Нормализация отношений СССР с Республикой Корея	11
Левченко Г.Я. История и современное состояние торгово-экономических связей между Россией и Республикой Корея	24
Раздел II. Российско-корейские отношения в начале XXI века	
Михеев В.В. 20 лет установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом: взгляд в будущее	34
Федоровский А.Н. Двустороннее экономическое сотрудничество: достижения, проблемы, перспективы	44
Полевой Л.Л. Корейский полуостров и интересы России	54
Ларин В.Л. Дальневосточный плацдарм современных российско-корейских отношений	67
Амиров В.Б. Проблемы региональной безопасности и российско-корейские отношения...	83
Заключение	92

ДЫНКИН А.А. ПРИМЕР РЕАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ПАРТНЕРСТВУ

Установление двадцать лет назад дипломатических отношений между Москвой и Сеулом стало событием, во многом символизировавшим начало поворота ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе от противостояния времен «холодной войны» к преодолению накопившихся реальных (а, подчас, и мнимых) противоречий и недоверия в пользу международного сотрудничества и диалога. Поворот этот произошел по мере размыwania идеологических догм и стереотипов, ослабления военного противостояния и расширения возможностей для экономического сотрудничества.

Хотя сближение СССР и Республики Корея было порождено объективными процессами, происходившими в двух соседних странах в 1980-е годы (демократизация общества, отказ от ярлыков и отживших схем во внешней политике, стремление диверсифицировать внешнеэкономические связи), темпы и характер этого процесса определялись теми усилиями, которые предпринимали конкретные люди и институты.

В СССР еще в самом начале 1980-х годов директор ИМЭМО академик Иноземцев Н.Н. поставил перед коллективом Института задачу непредвзятого изучения «новых индустриальных стран», успехи которых в тот период олицетворяла в том числе Республика Корея¹. На фоне доминирования в гуманитарных науках замшелой ортодоксии это высказывание видного ученого и общественного деятеля явилось смелым шагом. В то же время оно отвечало тем принципам, которым со дня основания Института стремились следовать его сотрудники.

Преемники Иноземцева Н.Н. на посту директора ИМЭМО академики Яковлев А.Н. и Примаков Е.М. продолжали поддерживать проведение объективных исследований ситуации на Корейском полуострове. А, перейдя в пору «перестройки» в сферу большой политики, они стали активно продвигать идею «наведения мостов» между Москвой и Сеулом, убеждая в необходимости этого шага М.С. Горбачева, которому пришлось принимать окончательное решение.

Неудивительно, что, когда советское руководство перешло к практическим шагам по налаживанию контактов с южнокорейскими партнерами, ИМЭМО, во главе которого встал академик Мартынов В.А., оказался одним из важных звеньев цепочки, связавшей кабинеты лидеров двух стран.

В тот период ИМЭМО посетили и выступали с докладами представители политической и академической элиты Республики Корея, в том числе видный южнокорейский общественный деятель Ким Ен Сам, позднее занявший президентский пост.

Для руководства СССР готовились аналитические записки и справочные материалы, отражавшие результаты научных исследований, проводимых в Институте, в том числе и авторами представленного сборника. Вместе с тем, было бы несправедливым не вспомнить вклад наших коллег, уже ушедших из жизни. Среди которых, в первую очередь, заслуживают упоминания Рю Ю.М. (Рю Хакку) и Ковалев А.В. Их идеи, наряду с выводами других сотрудников ИМЭМО, давали веские основания считать назревшей необходимостью снятие всех преград для начала прямого и широкого по своей тематике российско-южнокорейского диалога.

Установление дипломатических отношений между Москвой и Сеулом придало мощный импульс развитию связей ученых ИМЭМО с южнокорейскими коллегами. Академик Мартынов В.А. внес в это процесс большой личный вклад, всемерно поддерживая российско-южнокорейские контакты, регулярно принимая в них активное личное участие.

Сложившиеся за прошедшие два десятилетия тесные связи ИМЭМО с Корейским Фондом (the Korea Foundation), Институтом внешней политики и национальной безопасности (Institute of Foreign Affairs & National Security), Корейским институтом национального объединения (Korea Institute of National Unification), Корейским институтом внешнеэкономической политики (Korea Institute for International Economic Policy) нашли свое выражение в десятках совместных конференций и семинаров, а также в подготовленных монографиях, научных сборниках, статьях и публичных лекциях.

Ученые ИМЭМО вот уже два десятилетия постоянно выступают в российских и южнокорейских СМИ, доводя до общественности двух стран свою точку зрения об актуальных вопросах двусторонних отношений, о развитии ситуации на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии. Совместными усилиями российских и южнокорейских ученых был внесен существенный вклад в решение застарелой и все еще актуальной проблемы двусторонних отношений – дефицита объективной информации о наших странах, о реальном потенциале взаимного и многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии.

За прошедшие годы развитие двусторонних российско-южнокорейских отношений переживало периоды подъема и спада, что представляется вполне закономерным. После первого периода эйфории и завышенных ожиданий стороны приступили к последовательному расширению взаимодействия в различных областях, все более реалистично оценивая интересы и возможности партнера.

Россия и Республика Корея сумели выйти на высокий уровень экономического взаимодействия, доведя объем двусторонней торговли накануне нынешнего глобального финансово-экономического кризиса почти до 20 млрд. долл. При этом о прочности взаимных связей свидетельствует быстрый восстановительный рост товарообмена в начале 2010 г. (в первом квартале 2010 г. прирост к аналогичному периоду 2009 г. составил около 80%).

До последнего времени менее успешно развивалось инвестиционное сотрудничество. Российские инвестиции в Республике Корея все еще крайне незначительны. Южнокорейские капиталовложения также длительное время были невелики. Однако в самый последний период наметилась позитивная тенденция. Прежде всего, это касается южнокорейских капиталовложений, вкладываемых в автомобилестроение, производство потребительской техники, гостиничный бизнес и ряд других отраслей.

Вместе с тем и России, и Республике Корея нужно сделать еще немало для формирования условий устойчивого роста двусторонних экономических связей. Это касается вопросов создания надлежащего инвестиционного климата, обеспечения информационной и правовой поддержки инвесторов, содействия расширению научно-технического сотрудничества, без чего дальнейшее поступательное развитие наших связей может натолкнуться на весьма существенные препятствия.

Разительные перемены за два десятилетия произошли в сфере политики. Консультации между лидерами двух стран по широкому кругу вопросов стали регулярными, при этом двусторонний политический диалог превратился в важный элемент дипломатии России и Республики Корея. На своей встрече в Москве в 2008 г. президенты Медведев Д.А. и Ли Мен Бак провозгласили переход отношений двух стран в стадию стратегического партнерства. Хотя Москве и Сеулу еще предстоит пройти немалый путь, дабы наполнить его адекватным содержанием.

Принципиальные подходы России и Республики Корея к вопросам, связанным с поддержанием мира и стабильности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии,

совпадают или близки. Не в последнюю очередь российскую политику на корейском направлении характеризует тот факт, что Москва всецело поддерживает идею Объединенной Кореи, рассчитывая видеть в ней мирного, предсказуемого соседа и мощного экономического партнера. В связи с этим Россия позитивно относится к политическому диалогу двух корейских государств, а также к расширению межкорейских экономических связей, в рамках которых могут создаваться условия для перспективных многосторонних проектов, в том числе с российским участием.

Сохранение общественного интереса в России к состоянию двусторонних отношений связано не только с тем, что Республика Корея достигла выдающихся результатов в сферах экономики, науки и культуры. В ходе развития их отношений и Россия, и Республика Корея соприкасаются с вопросами, решение которых выходит за рамки национальной проблематики и связано с региональными и глобальными процессами. Среди них – поиск путей обеспечения международной безопасности, вопросы нераспространения ядерного оружия и оружия массового поражения, пути преодоления кризисных явлений в мировой экономике, формы и механизмы реализации интеграционных проектов.

Двадцатилетие двусторонних дипломатических отношений дает основание еще раз взвешено оценить весь спектр российской политики на Корейском полуострове, в первую очередь подвести итоги развития двусторонних связей между Россией и Республикой Корея. Материалы данного сборника, в котором отражена точка зрения экспертов, давно изучающих весь комплекс российско-корейских отношений, позволяют отметить достижения и увидеть еще нерешенные проблемы. Объективный анализ реальности – залог дальнейшего успешного развития всей гаммы двусторонних связей и раскрытия потенциала стратегического партнерства.

Примечания

¹Иноземцев Н.Н. XXVI съезд и наши задачи // МЭ и МО, 1981 г. № 3, стр. 4-24.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТАНОВЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

**ЛУКИН В.П. К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ МОСКВОЙ И СЕУЛОМ (ИНТЕРВЬЮ)**

В конце 80-х годов Вы занимали ответственные посты в Министерстве иностранных дел СССР, а позднее – в законодательных органах власти, были в центре тогдашних бурных политических дискуссий. Что на Ваш взгляд побудило советское руководство начать процесс российско-южнокорейского сближения?

Во-первых, внести коррективы во внешнеполитический курс страны заставил процесс деидеологизации внешней политики СССР, начавшийся с 1985 г. и резко усилившийся на рубеже 1980-1990-х годов. Последствия этого процесса проявились повсеместно, но особенно зримо они дали о себе знать на корейском направлении. В результате, в считанные месяцы две Кореи в сознании советской политической элиты «поменялись знаками»: плюс стал минусом и наоборот. В этих условиях действия руководства СССР по созданию правового фундамента российско-южнокорейских отношений лежали в русле объективных процессов.

Во-вторых, внутри нашей страны лидеры КНДР явно делали ставку на так называемых «красно-коричневых», что, естественно, не нравилось тогдашним советским политическим лидерам. Северокорейское руководство оказалось неспособным учесть возникшие в СССР новые политические реалии. Поэтому политические предпочтения Пхеньяна не содействовали расширению круга друзей Северной Кореи в Москве из числа представителей политической элиты, связывающей будущее страны с отказом от коммунистических догм и развитием демократических процессов.

В-третьих, Москве по зарез нужны были деньги в кредит. Тогда на первом плане стояли текущие экономические вопросы: ощущалась острая потребность в насыщении внутреннего рынка продовольственными и потребительскими товарами, для чего срочно требовалось привлечь внешнее финансирование. Сеул был готов оперативно дать эти деньги.

Но уже в тот период в политических и экономических кругах советского руководства существовало понимание, что в лице Республики Корея страна приобретает партнера, сотрудничество с которым отвечает не только сиюминутным, но и долгосрочным интересам оптимизации развития внешнеэкономических связей, в том числе на Дальнем Востоке.

Представители каких руководящих кругов и институтов выступали за новый курс на корейском направлении?

Наиболее активно за развитие всесторонних связей между двумя странами выступали ученые-международники из Академии наук (из Института мировой экономики и международных отношений, Института США и Канады...). Именно они писали соответствующие предложения «наверх». В немалой степени восприимчивости высказываемых рекомендаций способствовало выдвижение в период перестройки в верхние руководящие слои (аппарат ЦК КПСС, Совет министров, депутатский корпус) представителей академических кругов, понимавших и поддержавших нестандартные внешнеполитические шаги, в том числе идею о сближении с Республикой Корея. МИД в принципе был не против пересмотра внешнеполитических приоритетов на Корейском полуострове, но на первых порах осторожничал.

В какой мере учитывался фактор КНДР при выработке окончательного решения?

Какое-то время в советском руководстве сохранялось стремление подвинуть КНДР на путь реформ, указывая им на китайский пример. Но из этого ничего не вышло. В отличие от китайской и вьетнамской моделей северокорейская модель (в том числе система организации хозяйственного комплекса и механизмы функционирования экономики) так и не смогла адаптироваться к новым внешним условиям и найти свой путь к выживанию и развитию. Потребность в такой задаче так и не была осознана властями Северной Кореи. И на них в Кремле просто махнули рукой.

Были ли противники нормализации двусторонних отношений с Республикой Корея в политических, военных и академических кругах? Как они аргументировали свою позицию?

Были. Их аргументация была тесно связана с консервативными внутриполитическими позициями: лучше синица в руке, чем журавль в небе. Синицы-то правда уже давно в руке не было. КНДР ни по каким параметрам не отвечала критерию не только внешнеполитического союзника, но и сколько-нибудь солидного и предсказуемого партнера СССР в Азиатско-тихоокеанском регионе. В отличие от распространенных стереотипов Москва, по крайней мере в послесталинский период, никогда не обладала возможностью оказать на северокорейские власти решающего влияния. Это был как раз тот случай, когда «хвост вертел собакой». Поэтому аргументация противников сближения с Республикой Кореи выглядела неубедительной и не была воспринята «наверху».

Как виделся тогда процесс принятия решений и переговоры о признании Москвой Сеулом?

Процесс был обычным – борьба за ухо главного начальника (Горбачева). Думаю, что МИД сыграл наибольшую роль. Советская дипломатия к тому времени уже достаточно отчетливо обозначила линию на усиление позиций страны в Азиатско-тихоокеанском регионе. Полноформатные связи с Сеулом, включая установление дипломатических отношений и развитие прямых торгово-экономических и гуманитарных обменов, отвечали проводимому тогда в АТР заявленному советской дипломатией курсу.

Как было воспринято советско-южнокорейское сближение США, Японией и Китаем?

С осторожностью и некоторой подозрительностью. Но в Вашингтоне, Токио и Пекине достаточно быстро осознали, что новая политика Москвы на Корейском полуострове строится исходя из сугубо прагматических соображений, и не грозит их стратегическим интересам. Более того, Пекин вскоре последовал примеру Москвы и сам вступил на путь установления официальных дипломатических отношений с Сеулом. В целом, особых проблем для советской внешней политики здесь не было.

Какие последствия имело установление дипломатических отношений с Республикой Кореей для внешней политики страны на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.

Ясно положительные. Мы ничего не потеряли. А приобрели кредит, крайне нужный тогда и полезного партнера на длительную перспективу. А с Пхеньяном терять в то время было практически нечего. Свои бомбы и ракеты они строили бы в любом случае. С Китаем-то они не ссорились в открытую. А игрушки свои строили.

Россия же получила возможность проводить на Корейском полуострове гибкую политику, доводя свою точку зрения до всех заинтересованных партнеров и участвуя в обсуждении ключевых вопросов корейского урегулирования. Учитывая, что обеспечение стабильности на Корейском полуострове является одним из ключевых вопросов сохранения безопасности и расширения сотрудничества в Северо-Восточной Азии, следует признать решения Москвы двадцатилетней давности оправданными и результативными.

Какие надежды двадцатилетней давности в конечном итоге оправдались, а какие нет?

Оценивая баланс российско-корейских отношений следует отметить, что позитивный характер и динамика развития двусторонних связей дают, безусловно, положительную оценку установлению официальных дипломатических отношений. У нас нет больших проблем с Сеулом. А с Пхеньяном – повторяюсь – они были бы в любом случае. Это – специфический клиент для всех без исключения. Мы-то знаем это хорошо: сами его и породили по своему тогдашнему образу и подобию. Так что надежды в целом оправдались.

С чем связаны возможности дальнейшего развития российско-южнокорейских отношений?

С нашими экономическими и технологическими возможностями. По геополитическим причинам мы важны и интересны для этой страны в любом случае. Но экономика и технологии – вопросы открытые. Наверно есть еще немало возможностей для расширения российско-корейского сотрудничества в энергетике, а также в совместном освоении сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Однако содержание двусторонних отношений во многом будет определяться тем, насколько обе стороны окажутся способными развивать взаимодействие в сфере науки и развития инновационных отраслей. Все зависит только от нас.

КУНАДЗЕ Г.Ф. НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СССР С РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

В пропагандистской мифологии сегодняшней России внешняя политика последнего советского руководства во главе с М. Горбачевым по умолчанию оценивается как провальная. Что, конечно, не соответствует действительности. Новаторская внешняя политика М. Горбачева имела немало реальных достижений, одним из которых стала нормализация межгосударственных отношений СССР с Республикой Корея. Высокую оценку этого события в контексте как интересов Советского Союза, так и общемирового процесса преодоления последствий «холодной войны» отнюдь не умаляет тот факт, что действия советской дипломатии носили отчасти вынужденный характер, не были тактически безошибочными, а их немедленный результат оказался чуть меньше, чем можно было рассчитывать.

Внешняя политика СССР к середине 1980-х годов

Мировая история не знает примеров добровольного отказа от успешной внешней политики. В этом смысле пересмотр внешней политики любого государства не может не быть следствием неудач, то есть шагом вынужденным. Другое дело, что не всякое государственное руководство способно в полной мере осознать масштабы неудачи и тем более найти в себе мужество сделать из нее правильные выводы. Администрация М. Горбачева оказалась на это способна.

Тяжелый кризис экономики СССР сделал объективно невозможным слепое продолжение прежней внешней политики – конфронтационной, идеологически зашоренной и высоко затратной. Новой внешней политике предстояло отучиться от паранойи, а взамен научиться экономить деньги и создавать условия для того, чтобы их зарабатывать. Приоритетными для советской внешней политики стали отчасти взаимосвязанные задачи: выход из тотальной конфронтации с Западом и поиск новых торгово-экономических партнеров.

В глубоком кризисе находились и союзники СССР по так называемому «лагерю социализма». Их политические и экономические системы были весьма близки к исчерпанию своей жизнеспособности. Коммунистические ортодоксы в странах «народной демократии» видели выход в ужесточении режимов. Либералы, наоборот, добивались их смягчения. И те, и другие, однако, с опаской оглядывались на Москву. Первые – ждали от него моральной и материальной поддержки. Вторые – не исключали вмешательства по «венгерскому», «чехословацкому» или чуть более «мягкому» «польскому» сценариям. Практическая же проблема для Советского Союза состояла в том, что любая из этих двух ожидавшихся реакций была чревата усилением конфронтации с Западом. В новом советском руководстве оказалось немало вменяемых людей, способных это понять и сделать единственно правильный вывод. (А кто-то, возможно, был против вмешательства во внутренние дела сателлитов и по морально-нравственным соображениям.)

От своих престарелых предшественников новое руководство страны во главе с М. Горбачевым унаследовало:

★ в отношениях с США – глухой тупик по вопросу о ракетах средней и меньшей дальности; доведенную до абсолютного абсурда игру с нулевой суммой; в целом, наивысший за всю историю уровень взаимного недоверия и враждебности;

☀ в отношениях с другими странами Запада – ограничения, которые налагала на них «дисциплина холодной войны»;

☀ в отношениях с КНДР – нерешенность пограничных и военных проблем; накопившееся за десятилетия конфронтации взаимное недоверие, сохранявшуюся опасность блокирования КНДР с Западом против СССР;

☀ в отношениях с социалистическими и развивающимися странами – бремя идеологически мотивированных политических, экономических и военных обязательств, переставших приносить хоть какую-то практическую отдачу.

При таком незавидном внешнеполитическом багаже нормализация отношений с Республикой Корея никак не могла стать ни приоритетной, ни, тем более, первоочередной задачей новой советской администрации. Пересмотра и неотложного «ремонта» требовали все главные направления внешней политики, среди которых Корейский полуостров поначалу не фигурировал.

Разумеется, особого удовлетворения положением дел в этом районе мира у советского руководства не было уже давно. Время от времени отдельные действия Пхеньяна, наподобие предпринятой в 1968 г. отрядом северокорейских диверсантов попытки штурма резиденции южнокорейского президента в Сеуле, вызывали в Москве беспокойство чисто практического свойства. Ведь такие действия могли спровоцировать военный конфликт, в который так или иначе оказался бы вовлечен СССР.

Впрочем, после того как очередной кризис «рассасывался», КНДР возвращалась на периферию советской внешней политики, где чувствовала себя вполне комфортно. В Советском Союзе же, надо сказать, к такому положению все привыкли: по-другому, казалось, и быть не могло.

Так, наверное, продолжалось бы еще долго, если бы не судьбоносный, как выяснилось впоследствии, вопрос участия СССР в Олимпийских играх 1988 г. в Сеуле. Отказ от участия в еще одном олимпийском цикле (в 1984 г. Советский Союз бойкотировал Олимпийские игры в Лос-Анджелесе в ответ на бойкот Московской Олимпиады 1980г.) был крайне нежелателен, а с учетом новых анти-конфронтационных установок советской внешней политики – контр-продуктивен. В январе 1988 г. Москва официально подтвердила свое намерение принять участие в Олимпийских играх в Сеуле¹.

В таком контексте СССР, наконец, приступил к «инвентаризации» своей политики на Корейском полуострове.

Северокорейский капкан

К немалому, надо полагать, удивлению нового советского руководства выяснилось, что ничего более нелепого и архаичного, чем позиция по проблемам Корейского полуострова во внешней политике Советского Союза практически не осталось. Жесткая ориентация на КНДР и фактическое отрицание даже самого существования Республики Корея не поддавались рациональному объяснению. При этом отношения СССР с КНДР были весьма натянутыми, экономически обременительными и политически компрометирующими. По сути дела Москва содержала и оберегала своенравный и недружественный тоталитарный режим, не получая взамен ничего, кроме ритуальных заверений в дружбе и идейной близости. Вопрос о том, почему так получилось, заслуживал внимания.

Прежде всего, конечно, пришлось вспомнить об обстоятельствах, в которых зарождалась «корейская» политика СССР. Завершившаяся хрупким перемирием Корейская

война превратила КНДР в своего рода «передний край» противоборства двух мировых систем. Соответственно поддержка Северной Кореи стала для Советского Союза, лидера одной из этих систем, делом принципа и стратегической целесообразности, мало связанными с «потребительскими свойствами» самого северокорейского режима.

Не менее важно и то, что, по крайней мере, в 50-е годы XX века северокорейский режим по своей жестокости и неэффективности в целом мало отличался от соседних азиатских режимов – китайского, тайваньского, вьетнамского, южнокорейского и др., и в этом смысле никак не выглядел аномалией. В примитивной логике «холодной войны» все эти режимы подразделялись на «наших сукиных сынов» и «сукиных сынов» главного противника.

Начатая Н. Хрущевым во второй половине 1950-х годов кампания осуждения сталинизма откровенно напугала выстроенный по примитивным сталинистским лекалам северокорейский режим, побудив его дистанцироваться от СССР. Это, впрочем, не помешало КНДР летом 1961 г. подписать с Советским Союзом Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Недели позже точно такой же договор Северная Корея подписала и с Китаем. Оба документа содержали положение об оказании КНДР военной помощи в случае, если она станет объектом вооруженной агрессии. Подписание идентичных союзных договоров с СССР и КНР стало без преувеличения огромным успехом северокорейской внешней политики, свидетельством ее способности предвидеть изменения международной обстановки, извлекая из этого максимальные выгоды с минимальными затратами.

В начале 1960-х годов, как известно, в советско-китайских отношениях наметились трения. С одной стороны, сам этот факт объективно снизил вероятность совместных попыток Москвы и Пекина оказать давление на Пхеньян, подобных той, что имела место в 1956 г.² С другой стороны, то обстоятельство, что советско-китайские трения на первых порах носили характер «товарищеской полемики», позволил Северной Корее документально зафиксировать равноудаленность от двух главных союзников без ущерба для своих отношений с каждым из них.

В результате, когда к концу 1960-х годов советско-китайские трения переросли в острую конфронтацию, КНДР оказалась в уникально выигрышном положении: каждый из двух союзников «платил» ей за то, чтобы она не встала на сторону другого. Успешная торговля «воздухом» позволила Пхеньяну почти два десятилетия добиваться от Москвы и Пекина максимальных уступок, фактически ничего не отдавая взамен.

Одна из таких уступок состояла как раз в том, что в СССР не смели даже задуматься об установлении каких-либо постоянных связей с Республикой Корея. А Северная Корея, в свою очередь, ревниво отслеживала даже мимолетные контакты советских представителей с южными корейцами, регулярно заявляя по этому поводу опереточные протесты.

Процесс пошел

Бесспорная заслуга М. Горбачева и его соратников состояла в том, что удалось в кратчайшие сроки осуществить «ремонт» отношений с США и КНР. Это, в свою очередь, объективно расширило возможности для маневра на других направлениях советской внешней политики.

В новых условиях символическое значение КНДР как пресловутого «переднего края» противоборства двух мировых систем начало неуклонно снижаться. А все менее приемлемый для Москвы риск спровоцированного Пхеньяном вооруженного конфликта на

Корейском полуострове, наоборот, возрастать. Тем более что в 1980-е годы две подобные провокации северные корейцы организовали: в 1983 г., совершив покушение на жизнь президента Республики Корея, в результате которого погибли члены его делегации, а в 1987 г., взорвав южнокорейский авиалайнер. В общем контексте внешней политики нового советского руководства необходимость дистанцироваться от КНДР была очевидна.

В мае 1989 г. состоялся исторический визит М. Горбачева в КНР, совпавший по времени с началом массовых выступлений сторонников демократии на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Сразу после отъезда советского лидера из Пекина китайские власти жестоко подавили эти выступления ценой ухудшения отношений со странами Запада и, в первую очередь, с Соединенными Штатами.

Со своей стороны, Москва воздержалась от осуждения действий китайских властей. В итоге, угроза американо-китайского сговора против Советского Союза исчезла окончательно, что привело к резкой девальвации «стоимости» северокорейской равноудаленности от СССР и КНР. Впервые за долгие годы Северная Корея лишилась возможности шантажировать своих союзников угрозой «выбрать» кого-то одного из них в ущерб другому. Иных рычагов влияния у находившейся в глубоком системном кризисе страны не нашлось.

Таким образом, к лету 1989 г. у Советского Союза оказались развязаны руки в вопросе о связях с Республикой Корея. Строго говоря, к этому времени необходимость их установления уже полгода как не вызывала сомнений. Здравый смысл подсказывал, что игнорирование столь динамичного и вполне состоявшегося государства не отвечало ни политическим, ни экономическим интересам СССР.

Беспрецедентно теплый прием, оказанный советской спортивной делегации на Олимпийских играх в Сеуле, усиливал в советском обществе чувство интереса и симпатии к южным корейцам. На фоне динамично развивающегося Юга еще мрачнее и нелепее выглядел Север Корейского полуострова, олицетворявший, как раз, тот казарменный социализм, преодоление пережитков которого было очевидной целью советской перестройки.

С учетом всех отмеченных обстоятельств, установление связей с Республикой Корея из вопроса стратегического выбора превратилось для СССР фактически в вопрос тактики: когда, как, в какой форме и до каких пределов. В сентябре 1988 г. М. Горбачев в своей знаменитой речи в Красноярске впервые упомянул о возможности экономических связей с Южной Кореей. Несколько днями позже в кулуарах Олимпиады члены советской «олимпийской» делегации начали обсуждать с представителями Корейской ассоциации содействия внешней торговле (КОТРА) вопрос об обмене «неофициальными» торговыми представительствами.

В ноябре 1988 г. ЦК КПСС одобрил курс на развитие прямых торговых, культурных и научных связей с Южной Кореей на неправительственной основе. А уже в апреле 1989 г. в Сеуле открылось «неправительственное» торговое представительство СССР, а в июле того же года аналогичное южнокорейское представительство заработало в Москве.

Как нетрудно заметить, на начальном этапе советско-южнокорейских связей была использована схема, апробированная в отношениях США и других развитых стран с Тайванем. При этом, правда, в случае с Тайванем «неправительственные» представительства, равно как и вся структура неофициальных отношений по умолчанию рассматривались всеми его партнерами как постоянные и максимально возможные с учетом известной позиции КНР.

Напротив, в случае с Республикой Корея речь со всей очевидностью шла о формате временном, переходном к нормальным дипломатическим отношениям. Было понятно, что в новой системе координат советской внешней политики полномасштабное признание Республики Корея стало бы совершенно естественным шагом. Впрочем, в 1989 г. решение об этом советским руководством принято не было: вопрос как бы «завис». Причины задержки оказались сколь прозаическими, столь и типичными для эпохи перемен, в которую вступил СССР.

Идейно-бюрократические лабиринты

Внешняя политика Советского Союза при М. Горбачеве не возникла в одночасье на основе какой-то целостной новой доктрины. Философия этой политики формировалась постепенно методом проб и ошибок, в процессе идейно-бюрократической борьбы в советском руководстве. Логика процесса состояла в том, что каждый следующий шаг, привнося в политику все более радикальные перемены, вступал в растущее противоречие с догматами старой политики и архаичными представлениями о мире. (Нелишне заметить, что во внутренних советских документах северные корейцы еще по старинке именовались «друзьями»).

Задним числом М. Горбачева принято обвинять в непоследовательности и чуть ли не в коварстве. Что крайне несправедливо. Дело, как представляется, совсем в другом: М. Горбачев, как, впрочем, и большинство его соратников, при всех своих незаурядных качествах был слишком советским руководителем для того, чтобы сходу осознать глубину требовавшихся перемен.

Применительно к вопросу о нормализации отношений с Республикой Корея, отмеченная закономерность породила весьма двусмысленную ситуацию. Находившийся в центре событий тех лет видный российский эксперт по Корее В. Ткаченко вспоминает, как в октябре 1986 г. М. Горбачев лично пообещал Ким Ир Сёну, что СССР «не будет иметь никаких дел с Южной Кореей»³. В декабре 1988 г., когда советское руководство в принципе уже не исключало возможности дипломатического признания Южной Кореи, министр иностранных дел Э. Шеварднадзе ни с того, ни с сего дал северным корейцам «слово коммуниста» в том, что Советский Союз на установление с ней дипломатических отношений не пойдет⁴.

Никаких официальных решений или директивных документов, на которые опирались столь опрометчивые и дипломатически обременительные обещания, как будто, не существует. Остается только предположить, что упомянутые советские руководители давали эти обещания спонтанно, желая успокоить северокорейских «друзей». И, видимо, искренне веря в то, что говорили. «На выходе» же получалось, что хотели как лучше, а получалось даже не как всегда, а просто хуже. Советско-южнокорейская нормализация немотивированно, то есть без особой выгоды для СССР, тормозилась, а подозрения Пхеньяна в отношении Москвы все равно росли.

В типично советской стилистике решение Советского Союза о признании Республики Корея порой и сегодня объясняют демократизацией южнокорейской политической системы⁵. Потому, дескать, не торопились, что эту самую демократизацию ожидали. В подтексте такой версии намек на то, что, не начнись в Южной Корее демократизация, СССР ни за что не согласился бы ее признать. Это, конечно, демагогия. История советской внешней политики знает примеры дружбы с антидемократическими, а то и просто людоедскими режимами. Забегая вперед, следует, кстати, напомнить и о том, что Советский Союз установил

дипломатические отношения с Республикой Корея, когда у власти там находился отнюдь не незапятнанный гражданский политик.

На самом деле, процесс нормализации советско-южнокорейских отношений тормозился по причине отсутствия у советской стороны четкого графика действий, равно как и перечня практических вопросов, которые следовало решить в увязке с нормализацией. В итоге, как ни парадоксально, вышло так, что, запоздав примерно на год, нормализация двусторонних отношений оказалась плохо подготовленной, а значит – преждевременной.

Отчасти это было обусловлено позицией МИД СССР и целого ряда советских экспертов по корейским проблемам. В данном случае дело не только в консерватизме, присущем внешнеполитическому ведомству в любой стране. За «корейское» направление в советском МИДе и профильных подразделениях других государственных ведомств отвечали люди, выросшие на догматах старой политики однобокой ориентации на КНДР, хорошо знавшие и любившие именно эту страну со всеми ее нелепыми причудами, языческим обожествлением вождя и казарменной дисциплиной.

Напротив, Южную Корею они знали совсем не так хорошо и, что еще хуже, нередко воспринимали с предубеждением, а то и просто через призму северокорейской пропаганды. Приспособиться к установкам новой внешней политики многим из них оказалось нелегко. (По понятным причинам примерно с такой же проблемой самоидентификации в те же годы столкнулись и советские эксперты по Ближнему Востоку, воспитанные на установках однобокой ориентации на арабские страны.)

Отнюдь не случайно, поэтому, МИД СССР не сыграл заметной роли на начальных этапах советско-южнокорейской нормализации, а впоследствии ее продвижению помогал мало, считая едва ли не каждый следующий шаг преждевременным. Было бы верхом нелепости подозревать советское внешнеполитическое ведомство в саботаже установок политического руководства страны. Хотя бы потому, что и само руководство в своих намерениях долго путалось. Бесспорно, однако, что по всем вопросам отношений с Республикой Корея советский МИД вполне осознанно не проявлял ни особого энтузиазма, ни тем более инициативы.

На финишной прямой

В связи с этим закономерно возросла роль правительственных экспертов в области международных отношений, ранее не занимавшихся корейскими делами и потому не имевших особого почтения к догматам старой советской политики на полуострове. Одной из их важных инициатив стало приглашение в Советский Союз видного деятеля южнокорейской оппозиции Ким Ен Сама. Идея этого приглашения окончательно оформилась в ИМЭМО АН СССР весной 1989 г., вскоре после того, как в Сеуле открылось советское «неправительственное» торговое представительство.

Отправной точкой в рассуждениях экспертов стала мысль о том, что процесс нормализации остро нуждался в поступательном развитии в условиях, когда Советский Союз уже установил неофициальные деловые отношения с Республикой Корея, но в силу разных причин еще не был готов к ее официальному признанию. С учетом этого требовался открытый политический контакт на высоком, но не на правительственном уровне. Приглашение в СССР одного из лидеров южнокорейской оппозиции условиям поставленной задачи вполне соответствовало.

С самого начала было ясно, что в качестве кандидатов на приглашение могли рассматриваться только два оппозиционных политика – Ким Ен Сам и Ким Дэ Чжун. Оба

пользовались высокой популярностью в обществе, ничем себя не скомпрометировали в прошлом и имели неплохие перспективы в южнокорейской политике. В итоге непростой выбор был сделан в пользу Ким Ен Сама как более системного и умеренного политика, не вызывавшего аллергии у действующей власти и способного потому найти с ней общий язык в надпартийном по своей сути вопросе о нормализации отношений с Советским Союзом.

При молчаливом неодобрении МИДа инициатива ИМЭМО была поддержана в ЦК КПСС и реализована в июне 1989 г. Визит Ким Ен Сама по приглашению ИМЭМО (приглашение такого деятеля не могло быть сделано по правительственной линии, чтобы не вызвать ревность или раздражение официального Сеула, а заодно и не «напрячь» раньше времени Пхеньян) оказался чрезвычайно продуктивным.

Южнокорейский политик превосходно справился с ролью посла доброй воли, продвинув двусторонние отношения и подготовив почву для первых межправительственных контактов. В ходе своего пребывания в Москве Ким Ен Сам встретился с видным северокорейским деятелем Хо Дамом, по стечению обстоятельств (!?) оказавшимся в советской столице в то же время. Из самой встречи ничего путного не вышло, но сам факт ее проведения продемонстрировал намерение Москвы вести дела с Сеулом не в ущерб Пхеньяну.

Не менее важно было и то, что визит Ким Ен Сама укрепил его внутривнутриполитические позиции, причем в качестве влиятельного партнера, а не противника администрации Ро Дэ У. Задним числом южнокорейский наблюдатель со ссылкой на анонимные советские источники утверждал, что Ким Ен Сама пригласили в СССР, увидев в нем следующего президента Республики Корея⁶. Версия о столь невероятной прозорливости советской стороны была, конечно, не более чем выдумкой корейского автора. Бесспорно, однако, что эта успешная миссия в какой-то мере действительно помогла Ким Ен Саму впоследствии занять высокий пост.

С июня 1989 г. интенсивность советско-южнокорейских контактов возросла, а вектор советской политики был объективно и, скорее всего, осознанно направлен на признание Республики Корея. Показателен в этой связи следующий эпизод. В начале сентября вторая по значению советская газета «Известия», в отличие от наших дней имевшая тогда репутацию либеральной, опубликовала статью видного эксперта по корейским проблемам Ф. Шабшиной. Автор предлагала всерьез подумать о признании Республики Корея в одностороннем порядке или в рамках формулы так называемого «перекрестного признания» двух корейских государств великими державами⁷.

Понятно, что оба предложенных варианта были заведомо неприемлемы для северных корейцев. Первый – по определению. Второй – в силу традиционной позиции КНДР, настаивавшей на том, что «перекрестное признание» увековечит раскол Кореи.

Очевидное различие между указанными выше вариантами состояло в том, что осуществление первого из них было вне контроля Северной Кореи. С учетом этого статья Ф. Шабшиной выглядела как уведомление Пхеньяна о том, что, отказавшись принять формулу «перекрестного признания», он не оставил Москве иного выбора, кроме одностороннего признания Южной Кореи.

На следующий день после появления статьи Ф. Шабшиной заместитель министра иностранных дел СССР И. Рогачев дежурно назвал ее предложения «личным мнением автора», отнюдь не отражающим официальную советскую позицию⁸. Сути дела это, однако, не изменило: советско-южнокорейские контакты неуклонно шли по нарастающей. А президент Республики Корея Ро Дэ У провозгласил курс на полную нормализацию отношений с Советским Союзом.

В ноябре 1989 г. состоялся ответный визит делегации ИМЭМО в Южную Корею, а в декабре того же года министерства иностранных дел СССР и Республики Корея договорились открыть консульские отделы при «неправительственных» торговых представительствах двух стран, соответственно в Сеуле и Москве.

В марте 1990 г. Ким Ен Сам вновь посетил Москву, на этот раз уже как председатель объединенной правящей партии и вероятный преемник Ро Дэ У на посту президента Республики Корея⁹. По сообщению корейских источников, комментируя визит Ким Ен Сама, один из руководителей Международного отдела ЦК КПСС К. Брутенц сказал: «Мы собирались сначала расширить с Сеулом экономическое сотрудничество и лишь потом попробовать нормализовать политические отношения. Но разве приезд Ким Ен Сама в СССР и его посещение ЦК КПСС не означает политический контакт?»¹⁰.

В конце марта 1990 г. между Москвой и Сеулом открылось прямое воздушное сообщение.

В целом, таким образом, СССР вплотную подошел к признанию Республики Корея. Вопрос фактически состоял лишь в том, когда именно сделать последний шаг. Простой ответ на этот вопрос сводился к тому, что смысла откладывать признание Республики Корея уже не было. Такой несколько легковесный ответ вполне олицетворял романтику нового политического мышления, присущее ему стремление, не откладывая в долгий ящик, отказаться от наиболее одиозных установок старой внешней политики. Более сложный ответ сводился к тому, что в данном случае сроки принятия политического решения – вторичны. Первичным же было согласование с Республикой Корея деталей нормализации на основе извечной формулы *give and take* (дать и взять).

В конечном счете, нормализация межгосударственных отношений не могла не стать для Республики Корея огромным стратегическим приобретением. А СССР это событие каких-либо очевидных и тем более быстрых стратегических выгод не сулило, и было скорее сопряжено с некоторыми проблемами. Тем самым Москва могла и должна была рассчитывать на то, что Сеул в большей степени пойдет ей навстречу в приоритетных для советской внешней политики вопросах.

Первым среди них был, естественно, вопрос об оказании финансового и экономического содействия преобразованиям в стране, проводившей перестройку. Существовал также и вопрос о реквизируемой южнокорейскими властями в 1970 г. советской земельной собственности в Сеуле, на которой до 1946 г. располагалось Генконсульство СССР. Упомянутая земельная собственность, очевидно, подлежала возврату, причем вопрос об этом имел важное для престижа Советского Союза значение.

Политические приоритеты СССР, производные от нормализации отношений с Республикой Корея, были несколько расплывчаты. Главный из них состоял в том, чтобы исключить возможность возникновения военного конфликта двух корейских государств. Такой конфликт поставил бы Москву в крайне затруднительное положение, заставив выбирать между оказанием помощи КНДР в соответствии с договором 1961 г. и сохранением только что установленных отношений с Республикой Корея.

В новых условиях было бы, видимо, уместно в какой-то форме получить обещание от Южной Кореи, что она не использует свое укрепившееся положение для давления на Северную Корею. Не помешала бы и приуроченная к нормализации какая-либо декларация Юга о добрых намерениях в отношении Севера.

Все перечисленные вопросы нуждались в серьезной проработке с участием профильных министерств и ведомств. На практике же такая во многом рутинная и

бюрократическая, но крайне важная работа оказалась подменена чисто «президентской дипломатией».

Издержки поспешности

В мае 1990 г. в обстановке большой секретности Сеул посетил А. Добрынин, советник президента СССР М. Горбачева. Цель поездки – организация советско-южнокорейской встречи на высшем уровне. Уже 3 июня два президента встретились в Сан-Франциско. Итогом переговоров стала договоренность о форсированной нормализации межгосударственных отношений.

Едва ли не все в этой истории было совершенно беспрецедентно, по крайней мере, для советской внешней политики: полная отстраненность советского МИДа от подготовки встречи на высшем уровне; скорость, с которой она была организована; факт прямого контакта высшего должностного лица СССР с главой еще непризнанного государства; наконец, без преувеличения исторический результат этого контакта.

После Сан-Франциско события развивались стремительно. Президент Ро Дэ У направил М. Горбачеву письмо с предложением о встрече министров иностранных дел. В ответном послании советский лидер высказался за то, чтобы предварить такую встречу переговорами по вопросам экономического сотрудничества. Искомые переговоры стартовали в начале августа в Москве, а уже 30 сентября, не дожидаясь их завершения, министры иностранных дел СССР и Республики Корея подписали в Нью-Йорке протокол о немедленном установлении дипломатических отношений.

В ретроспективе действия советской стороны в период с мая по сентябрь 1990 г. выглядят поспешными, плохо подготовленными и в целом труднообъяснимыми с позиций нормальной логики.

Понятно, что положение, в котором оказался Советский Союз в 1990 г. было бесконечно далеко от нормального: экономика страны летела в пропасть, едва ли не каждый день приносил советскому руководству сообщения о все новых напастьях¹¹. С учетом форсмажорных обстоятельств, нормализация отношений с Сеулом, сулившая немалые по меркам тех дней кредиты, вероятно, выглядела для Москвы одной из соломинок, за которую хотели ухватиться. Приняв такое объяснение, можно предположить, что высшее советское руководство, вполне осознанно принесло соображения тактики и процедуры в жертву требованиям текущего момента.

Нельзя, однако, не упомянуть о том, что предварительно согласованная дата нормализации – 1 января 1991 г. – была перенесена на 30 сентября 1990 г. по предложению министра иностранных дел Э. Шеварднадзе. Судя по многим признакам, решение об этом Э. Шеварднадзе принял лично прямо на переговорах в Нью-Йорке. Могло ли такое случиться на самом деле, не вполне понятно. Впрочем, как вспоминает помощник М. Горбачева – А. Черняев, с лета 1990 г. президент СССР «уделял внимание внешним делам лишь на самых главных направлениях»¹².

Вероятно, нормализация отношений с Сеулом, принципиальное решение о которой было принято почти четыре месяца назад, в сентябре 1990 г. уже не находилась в фокусе внимания М. Горбачева.

Так или иначе, кто бы ни принял спонтанное решение об ускорении нормализации на целых три месяца, оно оказалось ничем не объяснимой и очень серьезной ошибкой. Ведь по состоянию на 30 сентября 1990 г. были очень далеки от завершения экономические переговоры. К урегулированию вопроса о советской земельной собственности в Сеуле

стороны вообще приступить не успели. (К немалой, надо полагать радости Сеула, Москва оказалась не готовой разговаривать на эту тему.) Возможные политические последствия нормализации в общем контексте обстановки на Корейском полуострове и в целом в Северо-Восточной Азии обсуждать тоже не начали.

С опережением графика установив дипломатические отношения с СССР, южнокорейская сторона, естественно, утратила мотивацию к каким-либо уступкам на переговорах по всем указанным вопросам. В итоге, договоренности о предоставлении Москве южнокорейских кредитов были со скрипом достигнуты только в январе 1991 г. При этом общая сумма кредитов составила лишь 3 млрд. долл., а не 5-6 млрд. долл., о которых шла речь ранее. Условия предоставления кредитов также оказались далеко не идеальные. (Реально же из согласованной суммы кредитов в 3 млрд. долл. СССР получил чуть меньше половины.)

Вопрос о возвращении советской земельной собственности в Сеуле и вовсе оказался в глухом тупике. Торопясь с нормализацией отношений, советская сторона то ли забыла, то ли не сочла нужным разыскать в архивах документы, подтверждавшие ее права на эту собственность. Когда уже после 30 сентября 1990 г. такие поиски все же были предприняты, выяснилось, что главные документы утрачены, а те немногие, что сохранились, подтверждали советские права собственности лишь косвенно и юридической ценности не имели. Больше того, оказалось, что в 1970 г., перед тем как реквизировать советскую земельную собственность, южные корейцы по конфиденциальным каналам пытались выйти на контакт с СССР, но были отвергнуты.

Задним числом в Москве поняли, что вопрос о возвращении советской собственности следовало ставить как политический в ходе подготовки к нормализации отношений. Проще говоря, нормализация отношений могла и должна была быть жестко увязана с возвращением указанной собственности или выплатой за нее компенсации по текущим рыночным ценам.

Не поспев на ушедший раньше времени «поезд» нормализации, вопрос о советской земельной собственности грозил превратиться в затяжную юридическую тяжбу. Так, собственно, и случилось с немалым ущербом для престижа СССР.

Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что, не сумев добиться решения этого частного, но символически важного вопроса, Советский Союз в какой-то мере «потерял лицо». В Корее, как, впрочем, и всюду в Азии, это имеет большое значение. (К слову сказать, в похожей ситуации китайская дипломатия такой ошибки не допустила. Роскошный комплекс тайваньского посольства в Сеуле был передан КНР сразу после нормализации китайско-южнокорейских отношений в августе 1992 г.)¹³.

Нормализация отношений Москвы с Сеулом не лучшим образом сказалась на ее отношениях с Пхеньяном. В какой-то мере это было, конечно, неизбежно. Однако трудностей советской стороне добавил тот факт, что, фактически скомкав последний этап подготовки к нормализации, она так и не успела ни сформулировать, ни внятно изложить новые принципы своей политики на Корейском полуострове.

По логике вещей эта политика отныне состояла в параллельном и не взаимосвязанном развитии отношений с обоими корейскими государствами в соответствии с интересами СССР и реальной готовности (в сочетании с возможностями) каждого из них к сотрудничеству.

В рамках такой политики ни одно из корейских государств, очевидно, не могло ни диктовать, ни даже просто подсказывать Советскому Союзу пределы его отношений с другим корейским государством. На деле, как известно, едва установив отношения с СССР, Республика Корея стала всеми способами добиваться ограничения его отношений с КНДР.

При этом винить южнокорейцев в некорректности не приходится. Уместно, скорее, пожалеть о том, что Москва загодя не потребовала от них понимания будущих правил игры.

В середине декабря 1990 г. Ро Дэ У прибыл в СССР с официальным визитом. Поскольку дипломатические отношения на уровне послов были к этому времени уже установлены, президенты двух стран ограничились подписанием Декларации об общих принципах отношений. Еще одна, последняя их встреча состоялась весной следующего, 1991 г. в Южной Корее, на курортном острове Чечжу. На этой мажорной ноте завершился первый, самый важный этап нормализации межгосударственных отношений между СССР и Республикой Корея.

Заключение

Оценивая сегодня это историческое событие, следует подчеркнуть его закономерный характер. Иными словами, в конкретных исторических условиях, возникших в конце 80-х годов XX в., нормализация советско-южнокорейских отношений не могла не состояться. Была ли она поспешной или, наоборот, запоздалой? Ответ парадоксален только на первый взгляд. Нормализация отношений была запоздалой, поскольку объективные условия для нее сложились уже к концу 1989 г. Но она была и поспешной, поскольку подготовка к ней в 1990 г. велась хаотично, с упущениями, о которых говорилось выше. Впрочем, с учетом всех внутренних обстоятельств последних лет существования СССР, нельзя не признать, что нормализация отношений с Республикой Корея оказалась крайне своевременной.

Но строить новые отношения с Республикой Корея выпало уже России. Процесс оказался противоречивым и нелегким: бедность и болезненные реформы в экономике, перегруженность внутривластными проблемами, а также глубокий кризис национальной идентичности объективно не оставляли российскому руководству особых возможностей для активной внешней политики.

Республика Корея была, похоже, обескуражена таким поворотом: новый партнер, на отношения с которым возлагались немалые надежды, вдруг оказался не сверхдержавой¹⁴. Но с конца 1990-х годов двусторонние отношения стабилизировались, а с начала XXI в. успешно развиваются. Причем во многом на новой основе: разбогатев на экспорте энергоносителей, Россия стала важным торгово-экономическим партнером Республики Корея.

От нормализации советско-южнокорейских отношений выиграла поначалу и Северная Корея. В поисках усиления своих пошатнувшихся позиций в декабре 1991 г. она подписала с Южной Кореей беспрецедентное Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обмене. (Точно по такой же логике в 1972 г. северные корейцы отреагировали на американо-китайское сближение, тайно пригласив в Пхеньян высокого представителя Южной Кореи, а затем подписав с ней совместное межправительственное заявление.)

В октябре 1994 г. КНДР подписала с США так называемые «рамочные договоренности» об урегулировании первого ядерного кризиса. Впервые за всю ее историю у Северной Кореи появилась возможность приступить к реформам, опираясь на помощь и добрую волю своих бывших врагов. Этой возможностью Пхеньян, как известно, распорядился бездарно, загнав себя в тупик изоляции теперь уже, похоже, окончательно.

Между тем процесс «вставания России с колен» привел к обострению ее бесконечного кризиса национальной идентичности. В таких условиях оживилась полемика по вопросам политики нашей страны на Корейском полуострове, в том числе и вокруг случившейся двадцать лет назад нормализации советско-южнокорейских отношений. Появились

непонятные (или, наоборот, слишком понятные) рассуждения о том, что Россия якобы «добровольно сдала свои позиции» в Северной Корее (какие? – Г.К.), «ошибочно приняла чужие ценности (какие? – Г.К.) за собственные интересы» (какие? – Г.К.)¹⁵.

Подобные оценки воскрешают в памяти классическое определение России как страны с непредсказуемым прошлым. Это, впрочем, уже совсем другая история.

Примечания

¹В ноябре 1984 г. председатель Спорткомитета (министр спорта) СССР М. Грамов заявил группе японских парламентариев о том, что Южная Корея была неподходящим местом для проведения Олимпийских игр ввиду большой активности ЦРУ США в этой стране (*Far Eastern Economic Review*, 11.04.1985, р. 17). В декабре 1987 г. в ходе советско-американской встречи на высшем уровне М. Горбачев и Р. Рейган выразили надежду на успех Олимпийских игр в Сеуле. Через пару недель после этого заявления в Сеул прибыла делегация Национального Олимпийского комитета СССР.

²Советско-китайская делегация во главе с А. Микояном и Пэн Дэхуаем участвовала в работе сентябрьского (1956 г.) пленума Трудовой партии Кореи в Пхеньяне. Под давлением советско-китайской делегации в ТПК были восстановлены ранее исключенные из нее оппоненты Ким Ир Сена. (Подробнее см.: А.Н. Ланьков, *Северная Корея: вчера и сегодня*, М., «Восточная литература», 1995 г., стр. 155 – 186).

³В.П. Ткаченко, *Корейский полуостров и интересы России*, М., «Восточная литература», 2000 г., стр. 66.

⁴Don Oberdofer, *The Two Koreas, A Contemporary History*, Basic Books, 1997, p. 204.

⁵В.П. Ткаченко, например, утверждает, что, в 60-е и 70-е годы, с советской точки зрения, одним из препятствий для признания Республики Корея была проблема соблюдения в этой стране прав человека. (Ткаченко, цит. соч., стр. 56). Зато в середине 80-х годов, витиевато пишет далее Ткаченко, «...политический спектр корейского общества приобретал уверенную тенденцию к демократизации общественной жизни страны» (Ткаченко, цит. соч., стр. 67).

⁶Seung-Ho Joo, *Soviet Policy on Seoul-Moscow Normalization*, in «Comparative Strategy», *An International Journal*, Burgess Science Press, England, Vol. 13, № 4, 1994, p.443.

⁷«Известия», 3 сентября 1989 г.

⁸ТАСС, 4 сентября 1989 г.

⁹В январе 1990 г. правящая Демократическая партия справедливости президента Ро Дэ У объединилась с двумя оппозиционными – Демократической партией за объединение (Кореи) Ким Ен Сама и Новой демократической республиканской партией. Во главе новой правящей Демократической либеральной партии встал Ким Ен Сам.

¹⁰Seung-Ho Joo, *op.cit.*, p. 435.

¹¹Убедительное описание критического положения экономики СССР в те месяцы, когда с советской стороны в отношении Республики Корея осуществлялась прямая «президентская дипломатия», можно найти в: Егор Гайдар. *Гибель империи*, Москва, «Росспэн», 2006 г., стр. 303-318.

¹²А.С. Черняев, *Шесть лет с Горбачевым*, М. «Прогресс», 1993 г., стр. 359.

¹³Впоследствии южнокорейская сторона после долгих проволочек согласилась компенсировать утрату советской земельной собственности, выплатив за нее компенсацию. Но лишь по ценам 1970 г., когда советская собственность была реквизирована – в сумме 3,4 млн. долл. Потребовалось почти пять лет усилий уже российской дипломатии для того,

чтобы добиться увеличения суммы компенсации до минимально приемлемых 27,5 млн. долл. Эти средства были использованы для строительства в Сеуле комплекса российского посольства на участке по соседству с утраченным. Равноценный участок был предоставлен южнокорейской стороне для строительства своего посольства в Москве. – Из архива автора.

¹⁴Robert A. Scalapino, Korea and the Changing International Scene, in «Asian Perspective», A Journal of the Institute for Far Eastern Studies at Kyungnam University, Vol. 16, № 2, 1992, p. 7.

¹⁵Ткаченко, цит. соч., стр. 163.

ЛЕВЧЕНКО Г.Я. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

Российско-южнокорейское взаимодействие в самых разных сферах межгосударственных отношений после многих лет взаимного отчуждения насчитывает уже третий десяток лет своего развития. Делая краткий экскурс в его историю, прежде всего, представляется необходимым сказать следующее. Сближение Советского Союза, а затем его преемника — России с Южной Кореей на рубеже XX-XXI столетий представляло собой объективный процесс, обусловленный во многом хозяйственными интересами обеих стран. Закономерно, что начало ему было положено формированием контактов в торгово-экономической сфере.

Успешный процесс модернизации («экономическое чудо») Южной Кореи явился результатом стратегического курса ее руководства на самое активное вовлечение страны в мирохозяйственные связи и, в первую очередь, на всемерное поощрение ее экспорта как ключевого элемента стимулирования экономического роста в целом.

Существенная диверсификация внешнеэкономических связей Южной Кореи в начале 80-х годов прошлого столетия, вовлечение в их географию стран Восточной Европы в условиях общего потепления политического климата и падения тоталитарных режимов в этом регионе, наконец, перестройка в СССР как нельзя лучше отвечали реализации поставленных задач. В сложившихся условиях практическое проявление южнокорейскими деловыми кругами острого интереса к освоению новых и достаточно емких рынков не заставило себя долго ждать.

Начало торговых контактов

Первые деловые операции представителей южнокорейского бизнеса с заинтересованными советскими коммерческими фирмами и организациями начались в 1982 г; тогда они осуществлялись в ограниченном режиме, при посредничестве третьей стороны — Японии, Гонконга, США, без упоминания Южной Кореи как страны-производителя и экспортера/импортера товаров. Но уже с ноября 1988г. Советский Союз приступил к переходу к прямым торговым операциям между партнерами. Подписание соглашения о сотрудничестве между Торгово-Промышленной Палатой СССР (ТПП СССР) и Корейской корпорацией содействия торговле (КОТРА), открытие в 1989 г. представительств ТПП СССР в Сеуле и представительства КОТРА в Москве заложили первоначальные юридические основы торгово-экономического сотрудничества, ставшего определяющей областью приложения интересов обеих сторон. В развитие вышеупомянутого соглашения в 1989-1990 гг. в Москве при ТПП СССР были аккредитованы представительства восьми южнокорейских фирм, в Сеуле — группы советских внешнеторговых организаций.

Взаимное тяготение СССР/России и Республики Корея к установлению и развитию деловых связей было предопределено рядом объективных, специфических моментов.

Республика Корея в определенной степени нуждается в расширении связей с регионами Сибири и Дальнего Востока в силу ряда объективных факторов, прежде всего, таких как географическая близость и очевидная взаимодополняемость экономических комплексов обеих стран. Практическое отсутствие в Южной Корее собственных природных ресурсов делает ее заинтересованной в получении из России важнейших видов энергоносителей (газа, нефти и нефтепродуктов, угля, ядерного топлива), сырья и

материалов (черных и цветных металлов, древесины, сырья для химической промышленности), морепродуктов.

В свою очередь, Россия может получать из Республики Корея качественную продукцию нефтехимии, изделия электроники, бытовой техники и т.д. Одновременно представляется возможной реализация совместных проектов на российских территориях с привлечением южнокорейских инвестиций.

Получив необходимые стимулы и первоначальные юридические и организационные основы, **товарооборот** между обеими странами стал быстро расти.

Таблица 1. Товарооборот между СССР и Республикой Корея (млн. долл.)

	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Экспорт	23	23	62	67	97	178	391	370
Импорт	25	26	60	69	67	100	208	519
Товарооборот	48	49	122	136	164	278	599	889

Источник: Статистические данные КОТРА за соответствующие годы

Динамичность товаропоставок отражает естественный экстенсивный характер роста объемов торговли на первых порах.

Как и следовало ожидать, в первую очередь стали расти закупки южнокорейских компаний в СССР пиломатериалов, целлюлозы, химической продукции, проката черных металлов, алюминия, асбеста, энергетического и коксующегося угля, нефти и т.д. Взамен поставлялись электронные и электротехнические изделия широкой номенклатуры, товары широкого потребления, текстильная и трикотажная продукция, а также некоторые технологии.

Установление 30 сентября 1990 г. дипломатических отношений между двумя государствами решающим образом закрепило политические гарантии торгово-экономического и научно-технического взаимодействия. В ходе состоявшегося вслед за этим (14-15 декабря того же года) первого визита в СССР президента Республики Корея Ро Дэ У был рассмотрен ряд важных вопросов двустороннего сотрудничества, подписаны Декларация об общих принципах отношений между СССР и Республикой Корея, ряд международных документов, регулирующих вопросы двусторонних торгово-экономических и научно-технических связей. Лидеры обеих стран поддержали взаимное стремление к углублению сотрудничества в развитии торговли, транспортной инфраструктуры, расширения обмена инвестициями, передовыми технологиями и научными достижениями, внедрения новых современных форм связей.

14 декабря 1990г. было заключено *Торговое соглашение между Правительствами СССР и Республики Корея, служащее и по настоящее время правовой базой торговли товарами и услугами.*

На новом этапе развития отношений

На встрече Президентов РФ и РК после саммита АТЭС (ноябрь 2005 г.) было заявлено, что обе стороны в качестве ближайшей задачи определили достижение к 2010 г. объема

товарооборота в 10 млрд. долл., что позволило бы обеим странам стать друг для друга приоритетными партнерами в экономической сфере.

Как видно из приведенных ниже статистических данных Федеральной таможенной службы России, эта задача была с лихвой перевыполнена. В первом десятилетии 2000-х годов динамика товарооборота заметно ускорилась.

Таблица 2. Торговля между Россией и Республикой Корея (млрд. долл.)

	2001г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Экспорт	1,11	1,2	1,32	1,96	2,36	2,74	6,16	7,79	5,7
Импорт	0,72	0,9	1,33	2,03	4,0	6,78	8,84	10,52	4,9
Товарооборот	1,83	2,1	2,65	3,99	6,36	9,52	15,0	18,31	10,6
Сальдо	0,39	0,3	-0,01	-0,07	-1,64	-4,04	-2,68	-2,73	0,8

Источник: Данные ФТС России за соответствующие годы.

В период 2001-2008 гг. объем двустороннего товарооборота увеличился в 10 раз, в том числе российский экспорт – в 7 раз, а импорт — в 14,6 раза.

Республика Корея – третий по значению (после Китая и Японии) торговый партнер России в Восточной Азии. В свою очередь, Россия входит в десятку ведущих торговых партнеров Южной Кореи. Резкое снижение двусторонней торговли в 2009 г. явление временное и стало прямым следствием мирового финансово-экономического кризиса.

Наращивание объемов взаимного товарооборота сопровождалось ростом дефицита России в торговле с Южной Кореей. Качественный состав российского экспорта продолжает оставаться сырьевым, что категорически не устраивает российскую сторону.

К примеру, в 2009 г. 65,5% его общего объема пришлось на поставки минерального сырья, нефти и нефтепродуктов, 12,9% – на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, 11,9% – на металлы и изделия из них, 4,7% – на продукцию химической промышленности и лишь 2,6% – на машины, оборудование и транспортные средства.

В импорте же из Южной Кореи преобладали поставки машин, оборудования и транспортных средств – 73,2%, доля продукции химической промышленности — 13,1%, металлов и изделий из них – 5,2%, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – 2,4%, текстильной продукции и обуви – 2,2%.

Очевидная непреодолимость (по крайней мере, на ближайшие годы) сырьевой направленности российского экспорта в Южную Корею превратилась в своеобразный тормоз на пути повышения уровня сотрудничества в целом, качество которого далеко не отвечает общепринятым требованиям к осуществлению современных мирохозяйственных связей.

В силу таких обстоятельств доля российско-южнокорейского товарооборота, несмотря на его заметный и в целом устойчивый рост, остается относительно скромной величиной в общем объеме внешней торговли Республики Корея (в пределах 1,9-2,3%).

Перспективы наращивания объемов российско-южнокорейской торговли, выправления ее качественной стороны, обеспечение сбалансированности и диверсификации не могут не увязываться с вовлечением в российский экспорт в Южную Корею новейших видов продукции машиностроения за счет кардинального повышения уровня взаимодействия в машиностроении, в области высоких технологий и т.п. Без этого трудно представить нормальные торгово-экономические отношения развитых стран.

Этому же способствовала бы во многом реализация крупных совместных проектов, прежде всего в приоритетных областях сотрудничества на территории России с возможностью последующего экспорта высокотехнологичной продукции создаваемых предприятий.

Пока же Россия для Республики Корея остается в большей степени рынком сбыта, нежели полноценным экономическим партнером.

Положение могла бы изменить активизация *инвестиционного сотрудничества*. Оно осуществляется на основе двустороннего соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 25 декабря 1990 г.

Обращаясь к истории вопроса, следует сказать, что уровень инвестиционной деятельности южнокорейских компаний и фирм в России довольно долгое время оставался достаточно низким и далеко не отвечал имеющимся в этой области у обеих сторон интересам и возможностям.

Россия с самого начала двусторонних деловых контактов была настроена на привлечение своего нового, южнокорейского партнера к широкому сотрудничеству в инвестиционной сфере. На первом этапе речь шла о создании в ряде российских регионов инфраструктуры туристического бизнеса (сооружение гостиниц, ресторанов и т.д.). Позднее – о развитии транспортных коммуникаций (в том числе для осуществления транзитных операций), средств связи (включая самые современные, например, оптико-волоконную связь), производств по выпуску продукции потребительского назначения самого широкого профиля – электроники и электротехнических изделий, медицинской техники, а также одежды, обуви и т.д.

Однако об адекватной активности южнокорейской стороны говорить не приходилось, и особого продвижения на этом направлении не было. Но в то время такая ситуация была вполне объяснима. Инвестиционный климат в России оставался не достаточно благоприятным для потенциальных южнокорейских партнеров, отсутствовала и адекватная информация о его состоянии.

Естественно, подходы представителей южнокорейского бизнеса к вложению своего капитала в бывшем СССР отличались большой сдержанностью и осторожностью. Занятая инвесторами выжидательная позиция диктовалась нестабильностью политической обстановки в новой России, серьезными внутрихозяйственными проблемами, несформированностью юридической базы для осуществления внешнеэкономической деятельности. Многие из этих проблем актуальны и до сих пор.

Тем не менее, складывающиеся ныне в российской экономике положительные тенденции все в большей мере приобретают черты, достаточные для преодоления недоверчивости, пассивности со стороны зарубежных, в их числе южнокорейских инвесторов и их перехода к более активным действиям.

На протяжении первого десятилетия XXI в. шел непрерывный процесс формирования и расширения правовых основ двустороннего экономического сотрудничества.

В дополнение к первоначально полученным основополагающим юридическим гарантиям, о которых речь шла выше, положительную роль здесь сыграли достижение договоренностей сторон по долговой проблеме и подписание в Москве 18 сентября 2003 г. *Межправительственного соглашения об урегулировании российской задолженности Республике Корея* по ранее предоставленным государственным кредитам бывшему СССР.

Успешное решение одного из центральных и принципиальных вопросов двусторонних связей объективно способствовало обеспечению более благоприятных условий для продуктивного расширения делового партнерства, в первую очередь,

инвестиционного сотрудничества и приданию ему в итоге долговременного, стратегического характера.

Обобщающей основой дальнейшего продвижения экономических взаимоотношений двух стран на перспективу стал разработанный сторонами т.н. *Российско-Корейский совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества*, подписанный 19 ноября 2005 г. в рамках состоявшегося тогда в южнокорейском городе Пусане саммита АТЭС.

Принятие и реализация этого документа нацелены на достижение качественно нового уровня двусторонних экономических связей — отношений многогранного, доверительного партнерства. Его содержание охватывает перечень конкретных действий по широкому кругу ключевых направлений, а именно меры по стимулированию взаимной торговли и инвестирования, сотрудничества в энергетике, промышленности, малом и среднем бизнесе, на транспорте, в области рыболовства, а также меры по налаживанию многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

В дополнение к упомянутому Плану действий 16-18 октября 2006 г. в ходе визита в Республику Корея тогдашнего Председателя Правительства РФ Фрадкова М.Е. был подписан ряд документов по направлениям сотрудничества в области газовой промышленности, о мерах по охране технологий в связи с сотрудничеством в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между Федеральным агентством по управлению особыми экономическими зонами (РосОЭЗ) и КОТРА, Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области лесного хозяйства между Федеральным агентством лесного хозяйства и Лесной администрацией Республики Корея.

Ко всему вышесказанному можно добавить, что в 2005 г. Республика Корея официально признала Россию страной с рыночной экономикой.

В 2006-2010 гг. обоюдная заинтересованность сторон в непрерывном наращивании и совершенствовании экономического взаимодействия неоднократно подтверждалась в ходе имевших место официальных контактов и встреч глав государств и правительств двух стран (визиты в Республику Корея президента России Путина В.В. в октябре 2006 г. и феврале 2008 г., встречи президента России Медведева Д.А. с вновь избранным президентом Республики Корея Ли Мён Баком на саммите АТЭС на японском острове Хоккайдо в июле 2008 г. и в ходе официального визита Ли Мён Бака в Москву в сентябре того же года).

Проделанная на сегодня политиками, производственниками, бизнесменами, представителями научно-технических кругов обеих стран совместная работа уже начинает приносить заметные практические результаты.

Ниже приводимые статистические данные объективно свидетельствуют в пользу происходящих положительных перемен в подходах южнокорейского бизнеса к реализации совместных инвестиционных проектов.

По данным Росстата, *общий объем накопленных корейских инвестиций* в российскую экономику на конец 2009 г. достиг 2,021 млрд. долл., что на 64,2% превысило его размеры на конец 2008 г. Из этой суммы 1,129 млрд. долл. — прямые инвестиции.

К наиболее крупным инвестиционным проектам, реализованным или осуществляемым ныне южнокорейскими компаниями в России следует причислить:

■ многофункциональный гостинично-торговый комплекс «Лоттэ», включающий торговый центр, гостиницу, центр досуга и офисы (начало его строительства группой компаний «Lotte» в 2003 г. стало первым положительным сдвигом в части привлечения

южнокорейских инвестиций в российскую экономику; пока является самым крупным совместным объектом с объемом капиталовложений в 260 млн. долл.;

- завод по производству бытовой техники в г. Руза Московской области с объемом инвестиций до 100 млн. долл. (LG Electronics);
- завод по производству бытовой техники в Калужской области с объемом инвестиций в 137 млн. долл. (Samsung Electronics);
- автосборочное предприятие в Санкт-Петербурге (объем инвестиций — 400 млн. долл., производственная мощность — 100 тыс. автомобилей в год, Hyundai Motors);
- предприятие по производству полиэтилентерефталата и терефталевой кислоты на территории Особой экономической зоны «Елабуга» в Татарстане (объем инвестиций — 135 млн. долл., KP Chemical).

Четко обозначились приоритетные сферы для корейских инвестиций в России: лесоразработка, развитие месторождений энергоносителей и других полезных ископаемых, добыча и переработка морепродуктов, легкая, пищевая и химическая промышленность, телекоммуникации, сборка электробытовых приборов.

Расширяется география корейских капиталовложений в России. Она постепенно охватывает не только Москву и Санкт-Петербург, но и другие российские города и регионы: Татарстан (нефтехимия, автосборочное производство), Хабаровск (нефтепереработка), Таганрог, Ульяновск, Нижний Новгород и Калининград (автомобилестроение), Калужская область (производство бытовой электроники), Кемеровская область (электроэнергетика).

Одновременно российская сторона, принимая во внимание большой опыт государственных и деловых кругов Республики Корея в строительстве крупных спортивных объектов, положительно относится к стремлению южнокорейских фирм к участию в тендерах на сооружение таких объектов в г. Сочи в рамках подготовки к проведению Зимних Олимпийских игр 2014 г.

Рассматривая широкий круг вопросов российско-южнокорейского взаимодействия, с учетом некоторых особенностей его географического характера, представляется необходимым отдельно остановиться на *межрегиональных связях* — заметной составляющей всего комплекса двусторонних отношений, тем более что позиции обеих стран здесь полностью совпадают.

Южнокорейские деловые круги объективно проявляют особую заинтересованность в освоении природных ресурсов российского Дальнего Востока и Сибири, в том числе в разработке месторождений угля, нефти и газа, строительства соответствующих производственных и инфраструктурных объектов, в кооперировании в земледелии, рыболовстве, морском промысле и т.д.

Корейская сторона склонна видеть дальневосточные регионы в качестве наиболее перспективных и выгодных для нее экономических партнеров. Определенную роль при этом играет также фактор концентрированного проживания здесь этнических корейцев.

На начальном этапе такого направления сотрудничества основная часть проектов была связана с базовым для российских регионов промышленным производством (в основном, в лесной, металлургической, легкой и пищевой отраслях). В последующем активность южнокорейских компаний стала перемещаться в те сферы хозяйствования (сосредоточенные, как правило, на Дальнем Востоке или в Москве), где гарантировалась бы быстрая окупаемость при незначительных капиталовложениях (туризм, средства связи и коммуникаций, сфера обслуживания).

В последние годы Южная Корея стабильно занимает первое место в импорте Дальнего Востока и Сибири и второе (после Китая) место в общем объеме товарооборота этих субъектов Российской Федерации с ведущими странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Общеизвестно, что российский Дальний Восток остро нуждается в капиталовложениях и взаимодействии с южнокорейскими соседями призвано наилучшим образом способствовать решению многих задач развития его экономики.

На корейском направлении традиционно активны Приморский и Хабаровский края, Сахалинская и Иркутская области, а также Республика Саха (Якутия) и Бурятия. Из других российских регионов можно отметить Москву, Калининградскую и Ростовскую области.

Сотрудничество в экономическом развитии регионов строится на основе межправительственных соглашений, заключаемых между Россией и Республикой Корея. Действует также отдельное соглашение о сотрудничестве в экономическом развитии Республики Саха (Якутия) от 27 февраля 1995 г.

В рамках региональных программ прорабатываются проекты комплексного освоения и переработки океанического сырья, строительства объектов соцкультбыта, транспорта, другой инфраструктуры и т.п.

В связи с масштабностью задач, возлагаемых на межрегиональные связи, повышается роль образованного в 2001 г. в структуре российско-южнокорейской Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству и активно действующего Российско-Корейского комитета по Дальнему Востоку и Сибири.

Дальнейшему развитию отношений на региональном уровне должно способствовать помимо прочего расширяющееся в последние годы взаимодействие в области малого и среднего бизнеса, поскольку перспективы российско-южнокорейских торгово-инвестиционных связей в решающей степени связаны с вовлечением в них широкого круга малых и средних фирм обеих стран.

Многозначным, но и весьма проблематичным вопросом взаимодействия двух стран остается *развитие и использование транспортного потенциала России*.

Республика Корея стремится укрепиться в роли логистического центра всего региона Северо-Восточной Азии. Она заинтересована в установлении прямого железнодорожного сообщения, позволяющего доставлять грузы и пассажиров напрямую из Кореи в Россию и более того — далее в страны Европы. Реализация проекта воссоединения железных дорог Севера и Юга Кореи и создание таким образом Транскорейской железной дороги (ТКЖД) с последующим подключением ее к Транссибирской магистрали (ТСМ) имело бы огромный экономический эффект на долгосрочную перспективу, обеспечив существенную экономию времени и снижение стоимости перевозок из Азии в Европу с использованием имеющихся железнодорожных маршрутов.

Российская сторона готова предоставить корейской стороне качественно новые возможности для транспортировки грузов по Транссибу.

Надо сказать, что в первом десятилетии XXI в. был проведен первоначальный, но весьма значительный объем работ по проекту (разработка программы транзитных перевозок, в соответствии с которой снижены тарифы, упрощены пограничные и таможенные процедуры, решены вопросы сохранности грузов, обследован северокорейский участок пути, подготовлена необходимая для его реконструкции техническая документация и т.д.).

Но новые обстоятельства политического характера, а именно резко обострившееся противостояние Севера и Юга Кореи, состояние повышенной напряженности на Корейском

полуострове в целом стали серьезным препятствием для продолжения этих работ, и какие-либо прогнозы в данной ситуации пока представляются преждевременными.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

► достигнутый на сегодня уровень российско-южнокорейского торгово-экономического сотрудничества не соответствует располагаемому двумя странами потенциалу;

► в долгосрочной перспективе необходим переход к новой, более совершенной модели экономических взаимоотношений, которая отвечала бы реальным потребностям и производственным возможностям национальных экономических комплексов обоих партнеров.

К факторам, благоприятствующим достижению этой цели, можно отнести следующее:

Для России сотрудничество с Южной Кореей является составной частью общенационального интереса к иностранному капиталу, имея в виду привлечение последнего к решению ряда внутриэкономических задач по развитию обрабатывающих отраслей, реализации технической реконструкции отечественной промышленности, насыщению внутреннего рынка и т.д.

Соответственно *позиции России* в данном конкретном случае могут определяться:

► наличием в Республике Корея емкого рынка потребления минеральных ресурсов, включая углеводородное сырье;

► заинтересованностью Республики Корея в получении высокотехнологичной готовой продукции, в производстве которой Россия традиционно сильна (авиационная техника и др.);

► возможностями создания трансконтинентального коридора из Восточной Азии в Европу с использованием Транссибирской магистрали;

► близким географическим расположением Республики Корея по отношению к регионам российского Дальнего Востока и Сибири, обладающим потенциальными возможностями инвестиционного сотрудничества с корейскими деловыми кругами и фирмами.

Активизации сотрудничества должны также способствовать:

⊗ отсутствие серьезных проблем в политической сфере двусторонних отношений;

⊗ урегулирование наиболее болезненной проблемы погашения задолженности по предоставленным ранее кредитам;

⊗ практическая заинтересованность Республики Корея в реализации совместных инвестиционных проектов на российской территории и в дальнейшем освоении и использовании природных ресурсов России;

⊗ стремление южнокорейского партнера диверсифицировать источники поступления углеводородов, в числе которых потенциально рассматривается и Россия.

Разумеется, при этом нельзя упускать из виду и *наличие некоторых факторов сдерживания взаимоотношений в этой сфере*, к числу которых можно отнести:

⇒ неурегулированность ядерной проблемы на Корейском полуострове и, как уже сказано выше, резкое обострение межкорейских отношений из-за имевшего место инцидента

на море к концу первого полугодия 2010 г., незамедлительно повлекшее существенное усиление напряженности в этом регионе;

- ⇒ возрастающую степень привязки Южной Кореи к экономике Китая;
- ⇒ наличие отдельных барьеров в продвижении товаров и услуг российских компаний на южнокорейский рынок.

Но в любом случае уже представляется неоспоримым тот факт, что экономическое взаимодействие России и Республики Корея имеет значительные, далеко не использованные возможности. Возрастающий интерес южнокорейского партнера к деловым отношениям с Россией, динамичный рост товарооборота, реализация совместных проектов должны способствовать дальнейшему сближению позиций двух стран в вопросах торгового, промышленного, научно-технического сотрудничества.

Наиболее выгодными и перспективными для обеих сторон конкретными направлениями экономического взаимодействия выглядят деловые связи в:

- ⇒ топливно-энергетическом комплексе (совместное освоение месторождений энергоносителей в Сибири и на Дальнем Востоке, включая, помимо природного газа в Иркутской области, разработку угля в Якутии и Бурятии, нефтегазовых запасов на о. Сахалин и шельфе Охотского моря);
- ⇒ автомобилестроении (сборка автомобилей на предприятиях южнокорейских компаний в Санкт-Петербурге, Таганроге и др.);
- ⇒ области космоса (создание Корейского ракетно-космического комплекса, производство жидкостных ракетных двигателей, оказание услуг по запускам. 8 апреля 2008 г. с космодрома Байконур к Международной космической станции — МКС был запущен космический корабль «Союз» с экипажем, в состав которого вошла первый южнокорейский космонавт Ли Со Ён;
- ⇒ судостроении (создание совместного предприятия по сооружению судостроительного завода в Приморском крае и некоторых других).

РАЗДЕЛ II

РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

МИХЕЕВ В.В. 20 ЛЕТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ МОСКВОЙ И СЕУЛОМ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Оглядываясь в прошлое, хочется думать о будущем.

В этом году ИМЭМО РАН подготовил большое исследование, посвященное прогнозу мирового развития на предстоящие 20 лет – до 2030 г. Там есть один сюжет: сопоставление прошедшего двадцатилетия с предстоящим.

Интересным образом, впрочем, на деле вполне логичным, случилось так, что отношения между Россией и Республикой Кореей были установлены именно 20 лет назад, когда начался новый отсчет мировой истории. И сейчас, оглядываясь в те, не столь уж и далекие, дни, мне хотелось бы порассуждать о будущем, тоже, пожалуй, не столь уж и далеком.

В данной работе будут затронуты три темы:

- ◆ динамика российского стратегического мышления в отношении Кореи,
- ◆ будущее Кореи в двадцатилетней перспективе,
- ◆ и, поскольку такое будущее связано с неизбежными радикальными трансформациями пхеньянского режима, стратегически значимые тенденции внутривнутриполитического развития Северной Кореи.

Стратегическое мышление

На рубеже 1970-х – 1980-х годов произошли качественные изменения в стратегическом восприятии Москвой Северной и Южной Кореи. В их основе два главных фактора:

- ✓ *расслоение бывшей мировой социалистической системы*
- ✓ *и изменение соотношения экономических сил между Северной и Южной Кореей.*

Неоднозначность процессов внутри «мировой системы социализма» и советско-китайские противоречия не позволяли ЦК КПСС проводить единую политическую линию по отношению:

- к социалистическим странам Европы,
- к Китаю
- и к так называемым «неевропейским» социалистическим странам.

В качестве идеологического обоснования разноудаленного подхода Москвы к тем или иным членам мировой системы социализма в середине 1970-х годов была выдвинута концепция «ядра» мировой социалистической системы, или так называемого «социалистического содружества», под которым понимались страны-члены Варшавского Договора плюс Монголия.

Вьетнам и Куба относились к числу «неевропейских стран-членов СЭВ (Совет Экономической Взаимопомощи)». Югославия и Албания, с которой бывший СССР не поддерживал дипотношений с начала 1960-х годов, оставались вне рамок «социалистического содружества».

Китай считался враждебной «социал-империалистической» державой.

КНДР также рассматривалась как страна *вне рамок «социалистического содружества»*, и, более того, с прокитайским, «маоистским» уклоном.

В практической политике от Северной Кореи требовалось определиться: с кем она – с Москвой или Пекином. Пхеньян же продолжал маневрировать между СССР и КНР, видя в этом главный шанс обеспечения безопасности правящего режима Ким Ир Сена.

Переструктурирование *мировой социалистической системы* имело реальные политические и экономические последствия. Поддерживая Пхеньян политически, Москва в то же время воздерживалась от широкого военно-технического сотрудничества и давала понять северокорейскому руководству, что не встанет на его сторону, если КНДР предпримет военные действия против Южной Кореи.

В экономической сфере на рубеже 1970-х – 1980-х годов бывший СССР ужесточил подход к КНДР. Москва стала строго требовать от Пхеньяна выполнения торговых обязательств перед советской стороной. В ответ на задержки северокорейских поставок российская сторона грозила сокращением экспорта нефти. И нередко выполняла угрозу.

Южную Корею официальная Москва *не рассматривала в качестве суверенного государства*, считая ее «сателлитом» США и не полноценной «страной», а лишь «территорией».

Вместе с тем, на рубеже 1970-х – 1980-х годов в Москве был сделан вывод о том, что, начиная с *середины 1970-х годов, Северная Корея стала отставать в экономическом развитии от Южной Кореи*.

На Южную Корею СССР начал смотреть как на потенциального *экономического* партнера, способного внести вклад в развитие дальневосточной экономики России. В политическом плане Москва обратила внимание на то, что Южная Корея может иметь *свои собственные* внешнеполитические интересы, не всегда совпадающие с интересами США. В этом контексте в российских научных и политических кругах рассматривалась идея использования «собственных южнокорейских интересов» для того, чтобы как-то противодействовать усиливавшемуся влиянию Соединенных Штатов в СВА.

Поворотной точкой подхода бывшего СССР к корейской ситуации мог стать короткий период правления Андропова (1982-1983 гг.). В тот момент советская военная элита, стремясь найти ответ на усиливавшееся военно-политическое сотрудничество США, Японии и Южной Кореи, начала всерьез смотреть на КНДР как на часть единой системы обороны дальневосточных границ России.

В этом контексте Советский Союз был готов усилить военное сотрудничество с Северной Кореей. Пхеньян, со своей стороны, во встречном порядке, настоятельно требовал от Москвы помощи в модернизации северокорейских вооруженных сил в ответ на проходившую тогда модернизацию южнокорейской армии при помощи Соединенных Штатов.

Однако новая концепция военно-политического партнерства СССР и КНДР сработала бы только *в случае реальной лояльности Пхеньяна Москве*.

У советского же руководства были серьезные подозрения, что Пхеньян, получив крупную военную помощь, продолжит тактику «сидения на двух стульях» – российском и китайском. Для того чтобы прояснить ситуацию Андропов принял решение лично встретиться с Ким Ир Сеном и жестко поставить вопрос, с кем вместе все же хочет оказаться Северная Корея – с Москвой или Пекином. А Пекин тогда для Советского Союза был враг номер 2 после США.

В качестве рычага давления на Пхеньян была разыграна южнокорейская карта. С одной стороны, в 1983 г. СССР ввел жесткие запреты не только на прямые контакты, которых на деле не было, но и на непрямую торговлю с Южной Кореей, т.е. торговлю через третьи страны. А с другой – готовился начать экономический диалог с Сеулом. Москва планировал направить советскую делегацию на 70-ю сессию Межпарламентского Союза, которая была запланирована на начало октября 1983 г. Делегация предполагала привезти с собой серьезные торгово-экономические предложения Южной Кореи.

Однако о дипломатическом признании в этот момент речь не шла.

Вместе с СССР в Сеул собирались послать делегации все европейские социалистические страны. Пхеньян воспринял готовившееся мероприятие как серьезную угрозу прорыва международной изоляции Южной Кореи и, следовательно, собственной безопасности. В начале августа северокорейское руководство предприняло отчаянные попытки надавить на восточноевропейских партнеров и заставить их не ездить в Сеул. Ответ из всех восточноевропейских столиц был отрицательным. София, Прага и Варшава сослались на то, что в Сеул едет советская делегация, и они не могут не поехать вместе с «русскими братьями». Берлин же сослался на то, что не мог пропустить мероприятие, коль скоро в нем участвовал Бонн. Будапешт жестко заявил, что это его внутреннее дело и Пхеньян не должен вмешиваться. А Бухарест предложил Пхеньяну тоже поехать в Сеул и вместе бороться против «американского империализма»¹.

Трагедия с южнокорейским В-747 в самом конце августа 1983 г. обострила обстановку в регионе, и вопрос о поездке в Сеул советской делегации, как и делегаций других социалистических стран, отпал сам собой.

Вскоре Андропов умер. Визит Ким Ир Сена в Москву все же состоялся в – 1984 г. Советское руководство во главе с Черненко мягко «пожурило» северокорейцев за прокитайские позиции, однако дало понять, что готово идти на развитие военного сотрудничества в целях включения КНДР в дальневосточную дугу противодействия американскому влиянию в США.

Представившимися возможностями Пхеньян воспользовался уже *при Горбачеве* в 1985-1986 гг. Северной Кореи удалось сыграть на прежнем подходе военного руководства СССР, желавшего видеть КНДР частью дальневосточного военного форпоста в противовес, как тогда писали, «треугольнику Вашингтон-Сеул-Токио». В 1986-1990 гг. Северная Корея получила от Советского Союза беспрецедентную за все послевоенное время военную помощь. Плюс к этому – обязательства по строительству АЭС в Северной Кореи.

«Мягкий» горбачевский стиль лишил «делку» изначальной логики: *в обмен на военную помощь и помощь в развитии атомной энергетики Пхеньян не дал никаких конкретных обещаний «порвать» с Пекином* и занять однозначные пророссийские и антикитайские позиции.

Масштабное расширение военного сотрудничества между СССР и КНДР в «горбачевский период» противоречило общему курсу Москвы на разрядку в отношениях с Вашингтоном и диалог по вопросам разоружения.

Однако, на мой взгляд, было бы не правильно видеть в этом несоответствии какое-либо «коварство» Кремля. Речь скорее идет об отсутствии адекватного стратегического видения советскими властями Северной Кореи. Этим воспользовалось политическое руководство Пхеньяна, усилив партийно-бюрократический нажим на Москву в целях получения доступа к военным технологиям и атомной электростанции. Такой нажим совпал с интересами советской военной элиты, продолжавшей по «инерции начала 1980-х»

смотреть на КНДР как на военный форпост против американского военного присутствия в США.

Что касается АЭС, то Москва понимала риски сотрудничества с КНДР в ядерной области. Поэтому в качестве предварительного условия Пхеньян должен был принять на себя соответствующие типовые обязательства в рамках МАГАТЭ и ДНЯО. Что и было сделано.

Несмотря на прорыв конца 1980-х, Москва продолжала с недоверием относиться к Пхеньяну, подозревать его в сотрудничестве с Пекином против интересов СССР. «Горбачевское руководство» сильно раздражало и неприятие советской «перестройки» северокаорейскими властями, развернувшими активную внутреннюю пропаганду против «нового мышления» и «гласности».

Пхеньян увидел в «реформах» Горбачева угрозу социализму не только в СССР, но и в самой КНДР. Отсюда и ограничения (*Северной Кореи передавались не самые новые технологии*), которые Москва ввела на военную кооперацию с Северной Кореей. И – медлительность в работах по АЭС, которые в итоге закончились лишь выбором площадки для строительства станции.

Вместе с тем **«новое мышление» Горбачева позволило** части советской академической и политико-бюрократической элиты шире и весьма **прагматично посмотреть на Южную Корею** – уже тогда мощного потенциального экономического партнера. Решающим внешним стимулом стала Сеульская Олимпиада 1988 г.

Южнокорейские политики и функционеры, готовившие Олимпиаду, внесли, пожалуй, решающий вклад в нормализацию наших отношений.

Бойкот Олимпиады Москвой, а вслед за ней всем «социалистическим содружеством», нанес бы мощнейший удар по олимпийскому движению на фоне бойкотов двух предыдущих Олимпиад в СССР (1980 г.) и США (1984 г.). А это уже противоречило общему курсу Горбачева на «разрядку».

В период обсуждения решения об участии в Олимпиаде в Сеуле Кремль подвергся активнейшему политическому давлению со стороны северных корейцев. Пхеньян был готов к различного рода провокациям.

Летом 1988 г. Пхеньян организовал утечку информации о том, что Северная Корея может использовать ядерное сотрудничество с СССР в военных целях. И хотя советские проверки не подтвердили факт ведения Пхеньяном ядерных военных разработок, сама такая возможность вызвала раздражение Москвы. Кремль увидел в действиях Северной Кореи угрозу собственному диалогу с США по вопросам ядерного разоружения, в рамках которого Северная Корея негласно относилась к зоне «советского влияния».

Во время подготовки к Сеульской Олимпиаде Москва видела угрозу личной безопасности своих спортсменов во время пребывания в Южной Корее со стороны именно северокаорейцев, продолжавших работать на бойкот Олимпиады социалистическими странами.

Восприятие Пхеньяна как, хотя и не явной, но все же **угрозы интересам Москвы** создало благоприятную атмосферу для продвижения идеи нормализации отношений с Южной Кореей и ослабило позиции тех в СССР, кто выступал против официального признания Сеула Москвой. Отказ Горбачева от поездки в Пхеньян летом 1989 г. – одно из проявлений «нового мышления» на корейском направлении.

В конце 1989 г. и сам Пхеньян пришел к выводу, что установление дипотношений между Москвой и Сеулом не предотвратит. И не стал наращивать давление на Москву.

Такой ситуацией эффективно воспользовался Сеул, фактически обменяв в 1990 г. 3 млрд. долл. торговых и экономических кредитов на дипломатическое признание Южной Кореи Москвой.

Итак, **20 лет назад**, накануне установления дипломатических отношений с Сеулом Москва воспринимала Северную Корею по-прежнему как «социалистического партнера», но «плохого» – не принявшего «перестройку» и доставлявшего проблемы в области безопасности и «разрядки». А Южную Корею – как потенциального экономического донора, что, впрочем, породило известные сверхожидания в отношении экономического сотрудничества с Сеулом, обернувшиеся в 1990-е годы серьезным разочарованием.

Будущее Кореи

Мой **главный тезис** состоит в том, что в ближайшие **20 лет Корея станет объединенной страной**. И наши отношения будут развиваться в формате РФ – Единая Корея.

Северокорейский тоталитарный политический режим и командно-административная закрытая экономическая система не имеют исторической перспективы. В стране нарастает разбалансировка репрессивной системы управления обществом. Угроза голодной смерти является реальной для многих миллионов северокорейских рабочих и служащих.

Политические перемены после смерти высшего северокорейского лидера возможны уже в конце следующего десятилетия.

20 лет назад автор данной работы оспаривал мнение тех, кто ожидал быстрых перемен после смерти тогдашнего лидера Северной Кореи Ким Ир Сена. И оказался прав – режим просуществовал еще 20 лет.

Однако сегодня ситуация иная.

Тогда Ким Ир Сен в течение 20 лет готовил северокорейскую политическую и военную элиту и все общество к приходу к власти наследника, своего старшего сына Ким Чен Ира. Сейчас этого нет. Ким Чен Ир не спешит с выбором преемника. Это создает неопределенность в верхах северокорейского общества.

Слухи о том, будет ли следующим лидером Ким Чен Ын или кто-то другой, будут оставаться либо догадками, либо специально вброшенной противоборствующими силовыми структурами информации – пока не произойдет официального назначения Ким Чен Ына на важный политический пост.

Возможны два сценария объединения

Первый – прагматический и постепенный. В течение определенного времени продолжают существовать две Кореи. Между ними устанавливаются дипломатические отношения. Северная Корея учится «ловить рыбу» в условиях рынка и открытости. Репрессивный аппарат адаптируется к новой ситуации, сохраняя над ней контроль. И, тем самым, предотвращая превращение Северной Кореи в территорию хаоса и беззакония.

Через какое-то время происходит поглощение Севера Южной Кореей.

Второй – эмоциональный и стремительный. Объединение происходит сразу после смерти Ким Чен Ира и победы «службистов». В этом случае Южная Корея идет на огромные

и быстрые финансовые вливания в полную перестройку Северной Кореи. Стремительно накапливаются социально-психологические проблемы, как следствие все более широких контактов *«мало знающих о Юге северокорейцев»* и *«плохо представляющих реальную жизнь на Севере южнокорейцев»*. Нашествие дешевой северокорейской рабочей силы на Юг приводит к протестным выступлениям южнокорейских рабочих. В политической жизни обостряется кризис между старыми северокорейскими органами власти и новыми, насаждаемыми Южной Кореей. Последние воспринимаются как «оккупанты». И так далее.

Второй вариант представляется менее эффективным. Но – более вероятным. Учитывая эмоционально-политические настроения южан в пользу скорейшего объединения.

Однако, в любом случае к 2030 г. мир столкнется с новой политической реальностью – ***Объединенной Кореей***.

Издержки объединения сначала нанесут урон корейской экономике. Объективно уменьшат базу потенциального сотрудничества с Россией. Однако уже в среднесрочной перспективе Северная часть Объединенной Кореи превратится в источник мощного инвестиционного спроса. А впоследствии – и источником платежеспособного спроса населения.

Чем скорее произойдет объединение, тем скорее заработает дополнительный фактор внутреннего спроса в обеспечении роста ВВП единой Кореи.

Объединение Кореи на рыночно-демократической основе автоматически решит ядерную проблему Пхеньяна. Объединение не приведет к конфликту с Китаем или Японией – также заинтересованных в том, чтобы Северная Корея не мешала нормальному развитию региона. Объединение, наконец, создаст дополнительный мотив для углубления интеграционного взаимодействия стран СВА.

Все это будет означать появление в предстоящие 20 лет новых основ для укрепления, развития и углубления взаимодействия Москвы и Сеула по самым разным направлениям сотрудничества в двустороннем и многостороннем форматах.

Это будет означать наступление Новой Эры российско-корейского партнерства.

Внутренняя ситуация в КНДР

Мой главный тезис состоит в том, что Северная Корея находится ***на грани радикальных перемен***. У этого есть свои экономические, социальные, внутри- и внешнеполитические причины.

Экономика страны находится в глубоком системном кризисе.

Кризис охватывает все **четыре сегмента экономики КНДР**:

☀ (1) традиционную промышленную базу приоритетного ***военного строительства***. Нехватка топливно-энергетических ресурсов и остановка работы во многих смежных секторах – парализуют военную промышленность, на которую приходится не менее 70% всей экономики КНДР;

☀ (2) традиционную ***распределительную систему*** в сфере снабжения населения. Углубляется кризис – вследствие дефицита продовольствия и предметов широкого потребления;

☀ (3) хаотичную ***полулегальную теневую торговлю*** на уровне частных лиц (*челночная торговля с Китаем*), домашних хозяйств, сельхозкооперативов и невоенной

промышленности (*натуральный обмен «излишками», продовольствие на уголь, например*). Наивная и изначально бесперспективная финансовая «реформа» 2010-го года существенно подорвала стихийно сложившиеся связи;

☀ (4) Выживает изолированный от остальной экономики *сегмент, связанный с внешним миром:*

внешняя торговля,
помощь из-за рубежа,
экономика зоны Кэсон,
иностранные предприятия и т.п.

Однако ужесточение подхода Сеула к Пхеньяну, в дополнение к прекращению американской помощи и минимизации связей с Японией, ухудило в состоянии этого сегмента примерно *в полтора раза*.

Нарастает напряженность в социальных отношениях.

В ухудшающихся экономических условиях *обостряются социальные противоречия по следующим направлениям:*

⇒ *высшая* военно-партийная элита, для которой сохраняется привилегированный режим снабжения, «—» и другие, *более низкие* эшелоны власти, в отношении которых урезаются пайки;

⇒ *Полулегальные торговцы «—» чиновничество и правоохранительные органы*. Последние за взятки разрешают нелегальную индивидуальную экономическую активность. Тем самым разгоняют коррупцию и обируют граждан.

⇒ *Элиты, имеющие выход за рубеж, около 4-5% населения, «—» остальная масса населения*, живущая исключительно или в основном (*плюс теневая торговля*) за счет выходящей из строя все явственнее и чувствительнее для населения распределительной системы.

Последняя так называемая финансовая «реформа» вызвала всплеск раздражения и злобы по отношению к властям у значительной части населения.

Во внутренней политике – ситуация накануне *паралича власти*.

Общая обстановка. Тезис о том, что в Северной Корее система государственного управления имеет прочную основу и позволяет властям осуществлять полный контроль над обществом – сегодня неправилен.

На деле власть не в состоянии справиться с процессами, которые практически не наблюдались лет 10-15 назад:

*теневая экономика,
повсеместное воровство,
коррупция во всех эшелонах власти,
бандитизм,
бытовая преступность.*

По существу, правящая верхушка отстранилась от решения любых текущих вопросов, кроме самых критичных, т.е. тех, что напрямую связаны с задачами физического выживания существующего режима.

Внутри страны – это недопущение инакомыслия, открытых проявлений

недовольства, отсечение населения от любых источников объективной информации.

На внешней арене – это поддержание изолированности страны, постоянное разыгрывание ракетно-ядерной карты и карты провокаций в ДМЗ как средства удержания кого-либо от попыток силового вмешательства в северокорейские дела и смены режима.

Реальная власть – характеризуется скрытым противоборством между:

*руководством ТПК,
армейской верхушкой,
гражданской бюрократией
и, наконец, многочисленными спецслужбами.*

Венчает эту сложную структуру – **Государственный комитет обороны**. Его функции – *по мере все возрастающей «нефункциональности» партийной и гражданской бюрократии* – на протяжении последних лет неуклонно возрастали. На сессии ВНС в 2009 г. в Конституцию КНДР были внесены поправки, в соответствии с которыми Комитет был выведен из формального подчинения парламенту и объявлен **высшим органом власти в Северной Корее**.

В результате – законодательные, судебные, исполнительские властные полномочия, вопросы обеспечения безопасности и обороны оказались сконцентрированы в одном месте. Все властные структуры играют на деле роль «приводных ремней» для реализации решений верховного правителя – Ким Чен Ира и его ближайших помощников по ГКО.

Такая система власти не устойчива. Существует риск того, что при тех или иных неожиданных колебаниях все может рухнуть.

Проблема еще и в том, что **корейский чиновничий аппарат, как гражданский, так и военный**, давно отучен не только от самоорганизации, но и от принятия самостоятельных решений и ориентирован исключительно на правильное исполнение указаний вышестоящих инстанций, вместо которых сейчас по сути дела работает одна – ГКО.

Еще одна проблема – отсутствие кадрового резерва. Большинство руководителей КНДР – люди за 70 лет. За ними нет слоя дееспособных управленцев.

В этой ситуации смерть или недееспособность лидера, физический уход из жизни его стареющих соратников может привести **к полному параличу власти и распаду системы управления страной**.

Возникает реальная угроза образования в Северной Корее неконтролируемой зоны безвластия и бандитизма. Или – распада страны на несколько регионов с местными вождями во главе.

Внутриполитические полюсы силы находятся в состоянии скрытого противоборства друг с другом.

Их деление на прагматичных «технократов» и традиционалистов-«догматиков» сегодня не правомерно.

Более правильным представляется другой вариант разделения властных элит, обладающих реальной властью:

на **тех, кто имеет постоянный выход за рубеж** и знает, что такое рынок, доллары и т.п.,

и **тех, кто такого выхода не имеет.**

Внешнеторговый оборот КНДР в 2009 г. превысил 5 млрд. долл. (около 3 млрд. долл. – торговля с Китаем и около 2 млрд. долл. – с Южной Кореей). Это в 2-2,5 раза больше, чем в 1980-е годы – тогда главные потоки шли из бывшего СССР и КНР – двух стран с

нерыночной на тот момент экономикой.

Сейчас вся торговля осуществляется на рыночных принципах. В КНДР сложилась ***большая группа лиц, которая эти торговые и финансовые потоки обслуживает.***

В тоталитарной КНДР связи с заграницей осуществляются под контролем и при прямом участии ***спецслужб.*** Это – **первая группа** из противоборствующих силовых структур.

Ким Чен Нам, имеющий бизнес в Макао, – наиболее известный ее политический представитель.

Другая группа – ***военные***, лишенные постоянного широкого выхода за рубеж, но опирающиеся на власть Комитета государственной обороны. Они могут проталкивать в своих интересах и юного Ким Чен Ына, которого во внутренней пропаганде называют «Генерал», или кого-то еще.

Противоборство между этими группами резко обострится и его исход станет решающим для будущего страны в случае смерти Ким Чен Ира.

Внешний аспект проблемы связан с фактором Китая.

Шестисторонние переговоры в тупике.

Более того – они нацелены на ложную цель – прямое ядерной разоружение Пхеньяна через экономические уступки.

Тогда как главный путь к миру – изменение характера северокорейского режима в рыночном направлении. Это – приведет к автоматическому решению проблем ядерной безопасности.

Путь к смене режима видится через ***политику «вовлечения» КНДР*** в рыночные отношения, экономическую и информационную открытость.

Пять стран-участниц шестисторонних переговоров не обсуждают между собой скоординированной план политики «вовлечения». В этом – ***главная слабость позиции пятерки.***

В таких условиях **Китай** в одиночку приступил к реализации:

- реальной политики вовлечения – *в ожидании скорой смерти Ким Чен Ира*, и
- формированию в Северной Корее представительной и влиятельной группы своих «агентов влияния», знающих, что такое рынок, доллар и власть.

В 2010 г. китайскими государственными банками создан фонд на 10 млрд. долл. для развития в Северной Корее инфраструктуры и создания отдельных экономических анклавов, работающих на рыночных принципах. Это и есть вклад в **«после-Ким Чен Ировское»** будущее.

Участие Южной Кореи и других стран в «китайском проекте вовлечения Севера» задает оптимистичный вариант выхода Северной Кореи из всеохватывающего системного кризиса.

Реальные изменения внутривнутриполитической ситуации

– как по негативному сценарию гражданской войны и превращения КНДР в бесконтрольную территорию хаоса и бандитизма,

так и по позитивному – трансформация режима в направлении рыночных отношений и открытости –

начнутся сразу после смерти Ким Чен Ира, а его здоровье неуклонно слабеет.

Примечание

¹В. Лим «Взлет без посадки. Тайна гибели южнокорейского самолета KE-007», Москва, «Луч», 1992, стр. 153-154.

ФЕДОРОВСКИЙ А.Н. ДВУСТОРОННЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Метаморфоза советско/российско-южнокорейских отношений, произошедшая за последние двадцать лет весьма знаменательна. В этом процессе в концентрированном виде выражены те фундаментальные изменения, которые произошли как на двустороннем уровне, так и в международной политике на региональном и глобальном уровнях. В условиях благоприятной внешнеполитической обстановки по взаимному стремлению сторон было покончено с враждебностью и отчужденностью двух народов, что принесло положительные результаты во всех областях российско-южнокорейских отношений, а также благоприятно сказалось на ситуации на Корейском полуострове.

Мотивы, побудившие две страны к обоюдному сближению многогранны. Тем не менее, особо следует выделить их стремление развивать деловое взаимовыгодное взаимодействие. Экономический фактор оказался весьма значим еще на первом этапе налаживания официальных связей между Москвой и Сеулом. В еще большей мере он определит долгосрочные перспективы развития российско-южнокорейских отношений во всех областях двусторонних отношений.

Экономические приоритеты

На рубеже 1990-х годов были широко распространены оптимистические ожидания относительно советско-южнокорейского, а затем и российско-южнокорейского экономического сотрудничества. Лидеры Российской Федерации и Республики Кореи в качестве реальной задачи считали увеличение взаимной торговли к 2000 г. до 10 млрд. долл.

Как полагали многие российские и южнокорейские эксперты, залогом динамичного развития двусторонних связей должна была стать взаимодополняемость двух экономик. Быстро развивавшаяся Республика Корея рассчитывала получать в значительных объемах топливо и сырье, продукцию лесной и химической промышленности, взамен поставляя в Россию бытовую и промышленную электронику, автомобили, морские суда, изделия легкой промышленности и другие потребительские товары. Значительные ожидания были связаны с инвестиционными и научно-техническими обменами.

Как внутренние, так и международные условия развития российско-южнокорейских экономических связей менялись в 1990-е годы, особенно во второй половине десятилетия, а также в начале нового столетия. В частности, экономические кризисы в Республике Корея и России в 1997-1998 гг. подорвали развивавшиеся в первой половине 1990-х годов экономические отношения между двумя странами. Кроме того, резкая активизация региональных связей в Восточной Азии, изменение их содержания, не могли не отразиться на характере и перспективах российско-южнокорейского партнерства.

В первой половине 1990-х годов двусторонний товарооборот вырос почти в 4 раза, увеличившись до 3,8 млрд. долл. в 1996 г. При таких темпах роста взаимной торговли казалось реальным достижение цели, поставленной руководством двух стран. Однако в 1997-1998 гг. произошло снижение объемов торговли до 2 млрд. долл. (См.: таблицу 1).

Таблица 1. Торговля России с Республикой Корея (млрд. долл.)

	1991	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2005	2006	2008	2009
Экспорт	0,5	1,9	1,5	1,0	1,6	2,1	1,9	2,2	3,9	4,6	7,8	5,7
Импорт	0,6	1,4	1,8	1,1	0,6	0,8	0,9	1,1	3,9	5,2	10,5	4,9
Оборот	1,1	3,3	3,3	2,1	2,2	2,9	2,8	3,2	7,8	9,8	18,3	10,6
Сальдо	-0,1	0,5	-0,3	-0,1	1,0	1,3	1,0	1,1	0	-0,6	-2,7	0,8

Рассчитано по: Korea Statistical Yearbook. 2006/ National Statistical Office. Seoul, 2007.
р. 510-511. Данные ФТС за соответствующие годы.

Торгово-экономические связи России с Республикой Корея, переживавшие в 1997-1999 гг. стагнацию, связанную с внутренними кризисными явлениями, не смогли набрать давно прогнозируемого динамизма и соответствовать современным тенденциям в мировой и региональной экономике. Однако кризисными процессами не могут объясняться все проблемы двусторонних отношений.

К факторам, лимитирующим двусторонний товарооборот, можно отнести сложность таможенных процедур в России, вынуждающих южнокорейский бизнес искать новые пути выхода на российский рынок. Например, Samsung Electronics приходилось арендовать склады в Финляндии, откуда экспортная продукция передавалась российским импортерам, которые уже самостоятельно решали таможенные проблемы¹. И сейчас, по признанию официальных российских властей, неэффективное функционирование таможни остается самым серьезным препятствием не только для осуществления внешнеторговых операций, но и для инвестиционной деятельности иностранных компаний в России. Как отмечал в связи с этим президент Д.А. Медведев «Издержки, связанные с пересечением таможенной границы, носят подчас непредсказуемый характер и приводят к отказу от размещения в России новых производств»².

В российско-южнокорейской торговле с обеих сторон доминируют крупные компании. Следует признать, что именно активность крупного бизнеса определила вектор экономического сотрудничества двух стран. Вместе с тем трудности в развитии двусторонних связей привели к постепенному ослаблению позиций малого и среднего бизнеса, который играл заметную роль в двусторонней торговле в первой половине 1990-х годов, когда на его долю приходилось до половины всего товарооборота. Между тем, опыт российско-китайской торговли показывает, что стабильное расширение связей на уровне малого бизнеса приносит устойчивый рост взаимной торговли.

Кроме того, так и не удалось в полной мере задействовать внешнеторговый потенциал Сибири и Дальнего Востока. Основная вина за сложившееся положение лежит на российской стороне. Для южнокорейских инвесторов остается непонятной стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока России, место и роль дальневосточной экономики в хозяйственном комплексе Российской Федерации. Не ясны цели социально-экономической политики, приоритеты в развитии отдельных отраслей, регионов, не уточняются роль и возможности участия в этих процессах внешних экономических партнеров.

Ссылки на наличие долгосрочной правительственной программы не убеждают крупный бизнес Республики Корея. Во-первых, для южнокорейских предпринимателей недоступно цельное представление об этой программе в силу ее закрытости и внесения в нее бесконечных изменений; во-вторых, непонятно в какой мере федеральный центр и местные органы власти в своей конкретной политике руководствуются содержанием этих программ; в-третьих, трудно определить конкретный механизм подключения инвесторов к такого рода

программам и то, насколько для них это может быть выгодно. Нет четкой увязки программ развития Дальнего Востока с перспективами его интеграции в экономику АТР.

Вместе с тем, при всей существенности упомянутых выше проблем, они не могут в полной мере объяснить нынешний низкий уровень двусторонних торгово-экономических отношений, поскольку многие европейские и американские партнеры России смогли более успешно преодолеть аналогичные трудности и активнее, чем Южная Корея, развивать с Россией двусторонние связи.

Видимо, необходимо учитывать другие аспекты российско-корейских отношений. Например, недостаточно полное представление российских и южнокорейских бизнесменов о возможности друг друга, слабую информированность о характере сложившейся в наших странах деловой практики. Отсюда – резкие перепады в настроениях в деловом мире Республики Корея относительно ведения дел в России: от эйфории и завышенных ожиданий начала 1990-х годов, до пессимизма и разочарований второй половины 1990-х годов и новых оптимистических ожиданий в 2000-е годы.

Остро сказывается недостаточный опыт двустороннего экономического сотрудничества, слабая информационно-аналитическая поддержка российского и корейского бизнеса с обеих сторон. Поэтому двусторонние деловые связи все еще во многом носят архаичный характер, ограничиваясь, в основном, лишь торговыми операциями.

Насущной необходимостью становится совместный поиск перспективных направлений сотрудничества, способных придать ему устойчивость и масштабность.

С самого начала нового века Южная Корея стремится перестроить сложившиеся торгово-экономические связи с Россией с учетом предшествующего опыта и проявившимися новыми приоритетами южнокорейского государства и бизнеса.

Представление о том какими видятся изменения в подходе к России со стороны Республики Корея, дает предложение о заключении «Российско-южнокорейского соглашения о комплексном экономическом партнерстве», выдвинутое правительственным Корейским институтом внешнеэкономической политики на российско-южнокорейском экономическом форуме в январе 2005 г. Содержащиеся в нем положения свидетельствуют о переходе от пассивной политики реализации возможностей, которые дает взаимодополняемость хозяйственных комплексов, к формированию благоприятных условий (экономических, правовых, политических), способствующих сближению двух экономик на направлениях, перспективных с точки зрения интересов Республики Корея.

Как отмечает С. Суслина, речь идет о применении к российско-южнокорейским отношениям формулы «ВТО+». Она означает, что институциональное оформление комплексного экономического сотрудничества и координация политики, включая открытие рынков, согласование торговых норм и правил выходят за рамки действующих правил ВТО³. В материалах южнокорейского института подчеркивается, что предлагаемые России принципы взаимодействия аналогичны положениям, закладываемым Южной Кореей в соглашения о свободной торговле с Японией и другими странами.

В этом контексте заслуживает упоминания примечательный вывод, сделанный сотрудником Института экономических исследований компании Samsung Хон Ван Суком по результатам анализа состояния и перспектив российско-южнокорейского экономического сотрудничества: «Если (Южная) Корея сумеет выстроить взаимовыгодное партнерство с Россией, растущая экономика которой опирается на неограниченный энергетический потенциал и расширяющийся спрос со стороны 145 млн. своих граждан, то, обладая доступом к этому развивающемуся рынку, Республика Корея будет способна в реальности реализовать мечту о превращении в «узел развития» Восточной Азии»⁴.

Сопоставляя это высказывание с упомянутой инициативой правительственного института, участвующего в выработке внешнеэкономической политики, можно сделать, по крайней мере, два вывода.

● Во-первых, очевидно проявление заинтересованности со стороны южнокорейского государства и крупного бизнеса в экономическом сотрудничестве с Россией.

● Во-вторых, отчетливо проявляется стремление южнокорейской стороны встроить отношения с Россией в общую внешнеэкономическую стратегию Республики Корея в Северо-Восточной Азии. Иными словами, без втягивания России в процессы регионального взаимодействия, структура международного экономического сотрудничества в СВА с точки зрения Южной Кореи не является оптимальной.

Интенсификации международного сотрудничества в восточноазиатском регионе в значительной степени способствовало то, что внешнеэкономические приоритеты Республики Кореи в 1990-е годы сконцентрировались на развитии сотрудничества с Китаем, Японией, а также странами АСЕАН. Все эти факторы необходимо принимать во внимание, коль скоро речь идет о поиске возможностей активизации двусторонних отношений между Москвой и Сеулом.

В ходе российско-южнокорейского саммита в Москве в сентябре 2004 г. между президентами Путиным и Но Му Хёном была достигнута договоренность о необходимости формирования новой концепции сотрудничества. А в ноябре 2005 г. во время визита президента Путина в Южную Корею был подписан «План действий в области торгово-экономического сотрудничества». В рамках этого плана предусматривалась реализация мер, позволяющих сфокусировать сотрудничество двух стран в таких областях, как энергетика, транспорт, машиностроение, научные исследования и космос.

В политике Республики Корея в отношении России просматривается стремление использовать положительный опыт, накопленный во взаимоотношениях со странами СВА. Например, итоги развития двусторонних отношений показали, насколько острой проблемой остается дефицит информации о положении дел в экономиках двух стран, о существующих возможностях развития двусторонних отношений.

С другой стороны, коммерческие структуры России и Южной Кореи все еще не располагают данными о тех реальных проблемах, с которыми они могут столкнуться, проникая на незнакомый для них рынок. Поэтому в 2005 г. на уровне руководителей государств принято решение ежегодно проводить двусторонние экономические семинары, на которых предполагается обсуждение общих вопросов экономического сотрудничества.

Помимо этого была достигнута договоренность о регулярных целевых мероприятиях с участием представителей правительства, бизнеса и экспертного сообщества двух стран. В том числе – российско-корейские инвестиционные форумы с тем, чтобы оказывать содействие заинтересованным деловым структурам. Кроме того, решено создать совместную экспертную группу по расширению перспективных форм сотрудничества (которая, правда, начнет действовать только после присоединения России к ВТО). Однако реализуются эти правильные решения все еще очень медленно.

Тем не менее, несмотря на все трудности, Республика Корея стала важным внешнеэкономическим партнером России на тихоокеанском направлении. После экономического кризиса 1997-1998 гг. двусторонние торгово-экономические отношения имеют устойчивую позитивную тенденцию. Совместными усилиями удалось урегулировать долговую проблему, взаимная торговля динамично развивается и в 2008 г. составила около 20 млрд. долл.

Мировой кризис привел к падению товарооборота в 2009 г. вдвое – до 10 млрд. долл., но есть основания полагать, что уже в ближайшее время положительная динамика российско-южнокорейских торгово-экономических связей восстановится. Данные за первое полугодие 2010 г. показывают рост торговых поставок на 80%. Позитивный прогноз основывается на достаточно высокой инвестиционной активности южнокорейских компаний, а также на сохранении стабильного спроса на товары южнокорейского производства в России и на товары российского экспорта на рынке РК.

Однако ни в России, ни в Республике Корея нынешний уровень двусторонних отношений не вызывает удовлетворения. Примечательно, что, приступая к своим обязанностям в начале 2010 г., южнокорейский посол в Российской Федерации г-н Ли Юн Хо своей первоочередной задачей назвал увеличение объема торговли между Россией и Республикой Корея в ближайшие три-четыре года в четыре-пять раз⁵.

Слабой стороной двусторонних отношений остается неадекватный потенциалу двух стран уровень инвестиционных обменов. В последнее время южнокорейские капиталовложения в России растут, особенно в бытовую электронику, нефтепереработку и гостиничный бизнес. К 2010 г. их накопленный объем превысил 2 млрд. долл., а в ближайшей перспективе может выйти и на уровень 4 млрд. долл. и более.

В то же время на фоне активного роста прямых инвестиций из России в европейскую и американскую экономики, российские капиталовложения в Республике Корея крайне малы. С одной стороны, это свидетельство недостаточной готовности российского бизнеса к расширению своего присутствия на рынках Северо-Восточной Азии, его слабой осведомленности о местном деловом климате, условиях ведения коммерческих операций. С другой стороны, южнокорейский бизнес и государство еще осторожно относятся к российским инвесторам, недостаточно ясно представляя их цели и возможности. Правовые и административные условия проникновения российского бизнеса на рынки стран СВА проработаны недостаточно.

Существует реальная угроза затухания темпов развития торгово-экономических обменов между Россией и Южной Кореей, если не будут найдены новые возможности для их расширения. Российскому государству и бизнесу предстоит найти пути укрепления своих позиций на рынке Республики Корея, учитывая ее реальный потенциал и возможности в качестве транспортного, логистического и информационно-консалтингового узла торгово-инвестиционных операции в СВА. Сотрудничество с Республикой Кореей важно для отстаивания российских глобальных интересов в АТЭС, а в перспективе – и в рамках ВТО.

В настоящее время российское правительство приступило к подготовке реализации очередной программы развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Ключевая роль в этой программе отводится развитию транспортной и энергетической инфраструктуры. Принципиальное значение с точки зрения определения курса России в обеспечении реальных сдвигов в экономике российского Дальнего Востока и активизации сотрудничества со странами СВА имеет строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан.

Он является стратегическим национальным проектом. А его реализация создает условия для роста смежных отраслей, стимулирует развитие реального сектора экономики и социальной инфраструктуры. Аналогичное значение по своим последствиям имеет проект подготовки Владивостока к проведению в 2012 г. саммита АТЭС. Он предусматривает модернизацию городской и региональной инфраструктуры, подъем строительной индустрии и смежных отраслей промышленности.

Появление таких проектов создает новые возможности для расширения российско-корейского сотрудничества. Однако практическое воплощение этих возможностей потребует

от российской стороны проработки мер, стимулирующих участие иностранных (в том числе южнокорейских) инвесторов в модернизации российского Дальнего Востока.

Между тем состояние российско-южнокорейских связей в таких областях как научно-исследовательские работы, образование, медицина не отвечает потребностям и возможностям двух стран. В сфере научного исследования имеются положительные примеры, например, деятельность Исследовательского центра компании Самсунг в Москве. Правда, таких примеров пока не очень много, включая участие в отдельных проектах научных институтов Санкт-Петербурга и Новосибирска. Между тем совместные усилия российских, корейских и, возможно, других инвесторов смогли бы создать в российской провинции эффективные научные проекты (например, в Томске), способные не остаться в тени «Сколково».

Таким образом, в двусторонних отношениях сохраняются проблемы, негативно влияющие на развитие торгово-экономических обменов. Это – небольшой объем российских инвестиций в РК, узость товарной номенклатуры российского экспорта, неадекватный уровень сотрудничества на уровне корпораций и ряд других проблем.

Однако российско-южнокорейские экономические отношения имеют и существенный резерв роста. По-прежнему на повестке дня стоит вопрос о диверсификации двусторонних экономических отношений за счет подключения южнокорейского бизнеса к реализации планов развития Дальнего Востока и Забайкалья. Вместе с тем российской стороне необходимо последовательно знакомить южнокорейских партнеров с возможностями других российских регионов. Этот процесс может упрочить потенциал расширения сотрудничества между Москвой и Сеулом.

На протяжении двух прошедших десятилетий эксперты и политики постоянно отмечали, что колебания в отношениях между Северной и Южной Кореей оказывает непосредственное влияние на перспективы российской политики на корейском направлении, в том числе на развитие российско-южнокорейских экономических отношений.

Вместе с тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что основные резервы роста торгово-экономических связей заключены либо в развитии двусторонних обменов между РФ и РК, либо в их совместном участии в региональных интеграционных процессах в Северо-Восточной Азии. Трехстороннее сотрудничество России, Республики Корея и КНДР пока, к сожалению, не стоит на повестке дня.

Российско-северокорейские экономические отношения уже длительное время находятся в состоянии стагнации. Характерной приметой нынешнего периода является то, что Россия снизила активность по лоббированию своего участия в техническом перевооружении северокорейской промышленности и развитию инфраструктуры.

С каждым годом становится все труднее сравнивать экономические связи России с Республикой Корея и с КНДР, а также пытаться увязать экономические подходы России к Северной Корее с развитием российско-южнокорейского сотрудничества. Различия в экономических связях России с обеими Кореей носят как количественный, так и, что самое главное, качественный характер. Поэтому можно говорить, что векторы развития отношений между Москвой и Сеулом и Москвой и Пхеньяном не совпадают. Эти несовпадения усиливают факторы политического характера.

Россия, как на государственном уровне, так и на уровне частного бизнеса не удовлетворена условиями сотрудничества с КНДР в сфере экономики. В первую очередь, это касается крупных проектов, таких как модернизация железнодорожной сети Северной Кореи или укрепление энергетического потенциала, требующих значительных финансовых ресурсов, приемлемой системы кредитного обеспечения, масштабной подготовки кадров и

других материальных и людских затрат. В результате эти проекты остаются на уровне экспертной подготовки.

Скептицизм отношения России к реализации экономических проектов в КНДР резко усилился после проведенной в Северной Корее крайне неудачно непродуманной, абсолютно нерыночной денежной реформы. Результатом этих разрушительных мер, инициированных северокаорейским руководством, стал не только удар по населению страны, включая его наиболее коммерчески активную часть, но и создание крайне неблагоприятного фона для внешнеэкономического сотрудничества.

Прошедшие события девальвировали и без того сдержанный оптимизм в отношении способности северокаорейских властей взяться за нормализацию хозяйственной системы страны. В этих условиях трудно проводить обсуждение будущего российско-северокаорейских экономических связей, поскольку возвращаться к советскому типу отношений российское руководство не может в силу объективных причин, а строить их на рыночных принципах не готова северокаорейская сторона.

Политические аспекты российско-южнокаорейских экономических отношений

Для России Республика Корея – партнер, сотрудничество с которым вписывается в контекст реализации стратегии укрепления российских позиций в Азиатско-тихоокеанском регионе. Российско-южнокаорейские отношения имеют значение не только сами по себе. Для Москвы одновременно открывается возможность за счет взаимодействия с Сеулом повышать эффективность международного сотрудничества в решении современных глобальных проблем, включая вопросы безопасности. Заметна роль Республики Кореи в формирующемся в СВА центре мировой политики и экономики, сердцевиной которого становится Китай. При этом отношения с Кореей позволяют не замыкать региональные связи России в СВА на Китае, что расширяет для российской дипломатии возможности маневра.

Ограничение возможностей для развития сотрудничества России и КНДР, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне связано с изменением политической ситуации на Корейском полуострове, с усилением международной изоляции (и самоизоляции) северокаорейского режима.

На позиции Москвы в отношении Пхеньяна не могло не отразиться та новая политическая атмосфера вокруг Северной Кореи, которая отчетливо проявилась после принятия в 2009 г. решения Совета Безопасности ООН об осуждении действий КНДР, нарушающих резолюцию, одобренную Советом Безопасности и сдерживающую ракетные амбиции Пхеньяна.

Строить какие-либо, а тем более масштабные, инвестиционные планы в отношении КНДР, которая балансирует на грани между «холодной» и «горячей» войной, представляется занятием весьма авантюрным.

Оценивая политику России на корейском направлении, можно сказать, что никогда еще Москва не была так близка к позиции, занимаемой не только Пекином, но и Сеулом, Вашингтоном и Токио. Все эти страны, несмотря на отдельные оттенки в их позиции поддерживают тесное взаимодействие в рамках противодействия возможному обострению ситуации на Корейском полуострове и сдерживают военные амбиции КНДР.

При этом необходимо подчеркнуть, что речь не идет о полном согласии «пятерки» по корейской проблеме. В частности, руководство России все еще озабоченно тем, чтобы «не загонять Пхеньян в угол». Однако нацеленная на шантаж и конфронтацию, негибкая и

неконструктивная, изживенческая позиция КНДР дает все меньше основания российскому руководству оглядываться на Пхеньян и побуждает предлагать своим партнерам искать компромиссные решения тех сложных вопросов безопасности, которые отягощают политическую ситуацию на Корейском полуострове.

Дальнейшее сближение позиций Москвы и Сеула по урегулированию ситуации на Корейском полуострове будет зависеть от взаимопонимания РФ и РК относительно будущей региональной системы безопасности, базовых принципов поддержания стабильности и политического диалога.

Россия и Республика Корея должны быть готовы ко всевозможным вариантам развития событий в КНДР в случае ухода с политической арены Ким Чен Ира. При этом задача состоит в недопущении возникновения конфликтных очагов, в связи с чем сохраняет актуальность поддержание регулярных консультаций по северокорейской проблематике с США, Китаем и Японией на двусторонней и многосторонней основе, в том числе в рамках ООН.

И Москва и регионы российского Дальнего Востока чрезвычайно заинтересованы в культурных и гуманитарных обменах с Республикой Корея. На этом направлении обе стороны уже сделали немало, включая оказание поддержки в организации выставок и кинофестивалей, гастролей творческих коллективов и отдельных исполнителей, создание центров изучения русского языка в Республике Корея и корейского языка в России.

Республика Корея на протяжении последних двадцати лет убедительно показала значение активной реализации культурной политики, которая оказало огромное позитивное воздействие на развитие экономических, социальных и внешнеполитических процессов. Поэтому совместная выработка и реализация гуманитарных проектов расширяет возможности не только культурных обменов России с Республикой Корея, но и создает основу сближения двух стран во многих областях сотрудничества, в которых заинтересованы как власти и бизнесмены, так и жители двух стран.

□

□

□

После установления дипломатических отношений России и Республика Корея связывали надежды на сотрудничество с практической реализацией концепции «взаимодополняемости экономик». Она позволила сформировать достаточно масштабные торгово-экономические связи, но на современном этапе развития двусторонних отношений исчерпала себя.

В самой постановке вопроса о взаимодополняемости как бы подразумевался соблазнительный, но оказавшийся нереальным тезис об автоматизме позитивного развития торгово-экономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея. Положение усугублялось тем, что южнокорейский бизнес, включая ведущие чэболь, оказался мало знаком с российскими реалиями, а потому гораздо менее (по сравнению с американскими и европейскими конкурентами) приспособляемым к рыночным условиям, сложившимся в России в пореформенный период.

Кроме того, взаимодополняемость – категория непостоянная. Изменения в структуре хозяйства одной страны могут в значительной степени повлиять на характер и динамику экономических обменов. Опыт показал, что достижение широкомасштабного экономического сотрудничества между двумя странами требует постоянной кропотливой и

взаимосвязанной работы коммерческих структур, правительственных организаций, политических деятелей, общественных организаций и ученых двух стран.

Следует подчеркнуть, что Южная Корея на уровне государственных институтов и частного бизнеса смогла критически проанализировать опыт торгово-экономического сотрудничества с Россией и внести в свою политику существенные коррективы. Рост торгового оборота и появление крупных южнокорейских инвестиционных проектов в России в середине текущего десятилетия позволяет говорить о реальных перспективах подъема двустороннего сотрудничества. Однако успех в развитии российско-южнокорейских экономических связей зависит также от адекватного ответа российской стороны.

В связи с этим некоторые тенденции в двусторонних отношениях вызывают тревогу. Речь идет не только о традиционном для российской бюрократии спаде активности в реализации принятых решений после завершения переговоров на высшем уровне, что негативно сказывается на двусторонних отношениях.

Обращает на себя внимание отсутствие паритетного ответа с российской стороны в построении адекватных институтов двустороннего сотрудничества. Во многом это связано с тем обстоятельством, что российский бизнес и его организации, включая крупнейшую из них – РСПП, не проявляет должного внимания к налаживанию партнерских отношений с Южной Кореей, явно недооценивая как потенциал собственно южнокорейской экономики, так и активную роль этой страны и ее бизнеса в интеграционных процессах в СВА.

Между тем в интересах российских коммерческих структур – искать многообразные пути подключения к динамичным экономическим процессам, происходящим как в Республике Корея, так и в СВА в целом, в том числе, за счет сотрудничества с южнокорейским крупным бизнесом.

В этих условиях концепция стратегического партнерства между Россией и Республикой Корея, по-прежнему, представляется скорее заявленной целью российско-южнокорейских отношений, чем внешнеполитической реальностью.

Касаясь перспектив трехстороннего сотрудничества, следует подчеркнуть, что без кардинального изменения ситуации внутри Северной Кореи нельзя рассчитывать на значительные перемены в российско-северокорейских отношениях. Поэтому нет оснований ожидать в ближайшей перспективе создания условий для масштабного трехстороннего сотрудничества с участием России, КНДР и Республики Корея.

Позиции РФ и РК в деле упрочения позитивных тенденций в СВА объективно близки и это будет подталкивать их к более тесному политическому и экономическому сотрудничеству на двустороннем и многостороннем уровне. Сумеют ли Москва и Сеул в должной мере реализовать имеющиеся возможности взаимодействия и наполнить тезис о стратегическом партнерстве полноценным содержанием, зависит от активности и продуманности мер, проводимых государством и бизнесом двух стран.

Примечания

¹О Ен Иль. Прямые южнокорейские инвестиции в Российской Федерации: состояние и перспективы. Восток, 2002, № 6, стр. 64.

²Рубченко М. Проигрыш на таможне. Эксперт. 2010, № 33, стр. 37.

³Суслина С. С. «Прорывные» решения в развитии экономического сотрудничества между Россией и Республикой Корея в 21 веке//КорпусForum. 2005/06 (№.25), стр. 133.

⁴Hong Wan-Suk. What Does Russia Mean to 21st Century Korea?

(http://www.seriworld.org/pu/puBokP.html?g_menu=0401&g_regseq=200509120001)

⁵http://www.polpred.com/?ns=1&ns_id=209496&PHPSESSID=51kcgcaf11624a7ual

ПОЛЕВОЙ Л. Л. *КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ*

К началу 60-х годов XIX века Россия, в рамках осуществлявшейся политики экспансии в восточном направлении, вернула уступленные в конце XVII века Китаю районы Приамурья и присоединила Уссурийский край. С этого времени Корея стала сопредельной с Россией страной, что создало предпосылки для последующего установления сначала эпизодических, а затем и регулярных связей между двумя странами. С тех пор Корейский полуостров занял особое положение во внешней политике России.

Вся история российско-корейских отношений, которая насчитывает без малого 130 лет (официальные сношения были установлены в 1884 г.) фактически не знала периода, который можно было бы назвать ровным и спокойным. В каждом из них двусторонние связи имели свое специфическое наполнение, а их развитие в той или иной мере проходило через преодоление внешних и внутренних трудностей и противоречий.

Хотя интерес к Корейскому полуострову то снижался почти до полного безразличия, то значительно повышался корейская политика России на всех этапах формировалась под влиянием быстро меняющейся обстановки вокруг Кореи и в Северо-Восточной Азии в целом. И это далеко не случайно: за редкими исключениями полуостров, находящийся в геополитически важном районе АТР, почти всегда был ареной столкновения противоборствующих сил как внутри самой Кореи, так и в лице тех крупных держав, которые либо исторически соседствовали с ней, либо связывали с ней свои стратегические цели и интересы.

Для нашей страны, вне зависимости от того, кто держал в своих руках бразды власти в императорской России, Советском Союзе или Российской Федерации, Корея представляла сложный сплав вызовов и потенциальных возможностей. С одной стороны, благодаря своему географическому положению она являлась своеобразными «воротами» во внешний мир на нашем дальневосточном фланге, но с другой – полуостров, всегда представлявший туго переплетенный узел международных противоречий, традиционно служил источником конфликтов, а то и военной угрозы, затрагивающих в большинстве случаев и интересы России.

Военно-политическое противостояние в Корее или вокруг нее различных сил, будь-то внешние державы или две корейские стороны, в период после второй мировой войны иногда устраивало Россию, позволяя ей вести свою дипломатическую игру (правда, чаще неудачную или с «нулевым результатом»). Однако на всех этапах для нее важно было не допустить перерастания соперничества в Корее или за Корею в опасный для всего региона, и прежде всего для самой России военный конфликт.

Такая линия поведения была присуща политике России в конце XIX века, когда перед царской дипломатией была поставлена задача – не дать Японии возможности воспользоваться плодами победы над Китаем, чтобы не допустить ее чрезмерного доминирования в Корее и Маньчжурии. Точно также во второй половине XX века Советский Союз стремился избежать ситуации, когда бы весь Корейский полуостров перешел под контроль США и одновременно вел тихое и тщательно скрываемое противоборство с маоистским Китаем, чтобы не допустить укрепления его позиций на Севере Кореи.

Чаще всего такая политика вела к ощутимым политическим, военным и материальным издержкам. Вольное или невольное (об этом можно бесконечно спорить) втягивание России в корейские дела на рубеже XIX и XX веков вылилось в русско-японскую войну 1905-1907 гг., в которой царская империя потерпела сокрушительное поражение, что в конечном итоге послужило одной из причин краха самодержавия.

В Корейской войне 1950-1953 гг. Советский Союз принял, скорее, не прямое, а косвенное участие, уступив инициативу Китаю. Однако, встав на сторону КНДР в этом конфликте, Москва сыграла немаловажную роль в достижении того «ничейного» результата, с которым он завершился. Практически все современное вооружение и военная техника для Корейской народной армии были направлены из нашей страны, а общая сумма военных поставок, по самым скромным подсчетам, превысила цифру в 2 млрд. рублей.

В сражениях на земле Кореи советские военнослужащие не участвовали, однако 64-й истребительный авиационный корпус, базировавшийся на китайской территории, осуществлял прикрытие с воздуха стратегических объектов на территории КНР, а в небе над КНДР советские летчики сражались с американскими ассами. По некоторым данным, через корейскую войну, так или иначе, прошли не менее 40 тыс. советских военнослужащих.

Объективности ради следует сказать, что в политике России на корейском направлении было мало чистого альтруизма, однако упрекать ее в проведении захватнической политики в Корее также, видимо, безосновательно. Ни на одном из этапов Россия не ставила перед собой цель присоединить к себе Корею или добиваться одностороннего преобладания на полуострове в ущерб интересам корейского народа или соседних держав. Кстати этот факт (чаще молчаливо, чем открыто) признается в обоих корейских государствах.

Даже в самые благоприятные для себя моменты Москва проявляла разумную сдержанность и достаточность в своей политике. Например, когда Ван Коджон укрывался в русской миссии в Сеуле, Россия не пыталась использовать этот фактор для укрепления своего влияния и не предприняла ничего похожего на то, что сделала Япония, аннексировавшая Корею в 1910 г.

Что же касается корейской войны 1950-1953 гг., несмотря на многочисленные утверждения о прямой причастности к ее возникновению, факты и доступные исследователям документы указывают на то, что Советскому Союзу этот конфликт был абсолютно не нужен, и советское руководство не ставило перед собой цели «завоевания» всего Корейского полуострова.

Естественно, когда конфликт между двумя корейскими сторонами перешел в «горячую фазу», а на Юге Кореи высадились иностранные войска под флагом ООН, Москва волей обстоятельств была вынуждена приложить максимум усилий для поддержки своего «детища» – КНДР, опять же с целью не допустить возможности выхода американских войск на границы Кореи с Китаем и Советским Союзом.

Однако, как только в корейском конфликте установилось равновесие между противоборствующими сторонами тогдашнее советское руководство начало активно подталкивать и Пхеньян, и Пекин к поиску мирного выхода из него, что в конечном итоге и привело к заключению соглашения о перемирии.

Конечно, в Корее, как Северной, так и Южной, существует мнение, что Россия, наряду с другими внешними державами, сначала в XIX веке вела борьбу за захват Кореи, а после второй мировой войны Советский Союз договорился с Соединенными Штатами о разделе Кореи на «сферы влияния».

Рамки этой статьи не позволяют вступать в развернутую дискуссию с оппонентами, придерживающимися такой точки зрения. Можно лишь сказать, что история российской/советской политики в отношении Корейского полуострова сложна и многослойна – в ней было все: и ошибки, и негативные моменты, но не было чувств враждебности к корейскому народу, стремлений лишить его того, что принадлежит ему по праву. Поэтому любые попытки представить действия России/СССР, причем на любом

этапе, исключительно в черно-белом свете, явились бы искажением исторической правды.

В конце XIX века стабильность и независимость Кореи была тесно связана с необходимостью для России спокойно освоить сравнительно недавно приобретенные дальневосточные владения, уберечь их от враждебных поползновений других стран. В советский период Москве по многим причинам не удалось добиться цели, которая и с позиций сегодняшнего дня представляется оптимальной для интересов Советского Союза – создания в Корее единого нейтрального государства, напоминающего Австрию, что служило бы важным гарантом безопасности нашей страны на Дальнем Востоке.

В настоящее время на Корейском полуострове сложилась принципиально новая диспозиция: с отказом большинства мировых держав от политики внешней гегемонии, с распадом биполярной структуры мира оба корейских государства – КНДР и РК – впервые обрели возможность выступать в качестве субъектов, а не объектов в мировой политике. В свою очередь, Россия, располагая дипломатическими отношениями с двумя корейскими государствами, существенно расширяет диапазон своих политических и экономических возможностей на Корейском полуострове, что создает дополнительные благоприятные предпосылки для вовлечения российского Дальнего Востока в процессы многостороннего экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии, а через нее в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Эти изменения, безусловно, можно характеризовать со знаком «плюс». Однако на другой «чаше весов» – появление новых вызовов и угроз, исходящих с Корейского полуострова, относящихся уже к эпохе после «холодной войны» и которые, пожалуй, впервые в истории связаны не столько с политикой великих держав в регионе, сколько с самостоятельными действиями суверенных корейских государств.

Опасность для интересов безопасности России представляют следующие факторы:

 неурегулированность последствий корейской войны и отсутствие на полуострове прочной системы мира.

Заключенное в июле 1953 г. соглашение о перемирии, которое подвело черту под войной, с самого начала рассматривалось как временный документ, «пролог» к подписанию фундаментального документа, например Договора о мире, заложившего бы политические и иные гарантии невозможности возникновения нового военного конфликта в Корее. Однако, несмотря на неоднократные попытки начать переговоры по этому вопросу, начиная с Женевской конференции 1954 г., дело так и не сдвинулось с «мертвой точки».

Вполне очевидно, что в настоящее время соглашение, заключенное почти 60 лет назад, неспособно в условиях нынешних реалий выполнять роль регулятора мира на полуострове, тем более, что его основные механизмы – военная комиссия по перемирию и комиссия нейтральных стран по наблюдению за перемирием в 90-е гг. прошлого века были разрушены.

Основная проблема здесь видится в отсутствии четких и общепризнанных международно-правовых механизмов взаимоотношений между КНДР и РК. Между ними не существует границы, а только линия демаркации, нет Основного договора, нет взаимного признания в качестве суверенных государств.

В таких условиях власти как Севера, так и Юга рассматривают себя в качестве единственного законного представителя всего народа Кореи и, по крайней мере, де-юре распространяют свой суверенитет на весь Корейский полуостров, что, кстати, в той или иной форме закреплено в их конституциях.

Именно эти факторы служат причиной повышенной конфликтности на Корейском

полуострове, где обоюдная борьба за самоутверждение и легитимность принимает порой самые причудливые, но вместе с тем и крайне острые формы, чреватые последствиями не только для Кореи, но и для окружающих стран региона.

Нестабильность в межкорейских отношениях проявляется в том, что периоды относительно спокойного сосуществования, диалога и сотрудничества чередуются с внезапными вспышками враждебности и конфронтации, сопровождаемыми ограниченными (на данном этапе) конфликтами и вооруженными инцидентами. Последний эпизод такого рода – загадочное потопление корвета ВМС РК «Чхонан» в Желтом море в марте этого года. Вину за это южнокорейская сторона возлагает исключительно на КНДР.

Данный эпизод выявил ту печальную истину, что все положительные достижения и договоренности между Сеулом и Пхеньяном на официальном уровне имеют шаткую основу и обладают обратимостью: после резкой взаимной пикировки в связи с инцидентом с «Чхонаном» обе стороны не только полностью свернули диалог и контакты, но и в считанные дни практически полностью аннулировали все те соглашения о сотрудничестве и каналы связи, в том числе, по военной линии, которые создавались на протяжении последних двадцати лет.

✶ **сверхмилитаризованность Корейского полуострова**, где друг другу противостоят с Юга и Севера одни из самых многочисленных армий мира.

В Корейской народной армии (КНДР) – от 800 до 900 тыс. человек. Кроме того, весьма значительными войсковыми формированиями располагают министерства охраны государственной безопасности и народной безопасности. Эти структуры, наряду с полувоенными формированиями в лице «молодежной», а также «рабоче-крестьянской» гвардии, «охранных отрядов», насчитывают, по оценочным данным, более 4 млн. человек.

При этом более 70% военного потенциала КНДР размещено в непосредственной близости от ДМЗ. Здесь же расположены десятки тысяч артиллерийских и ракетных установок, которые потенциально способны испепелить Сеул, северные окраины которого находятся всего в 45-50 км от границы.

Вооруженные силы Южной Кореи располагают порядка 700 тыс. военнослужащих, а также хорошо обученным резервом (в том числе 3 млн. резервистов первой очереди). Хотя в Сеуле принято ссылаться на численное превосходство северокорейской армии, вооруженные силы РК в отличие от КНА оснащены самыми современными видами военной техники, в т.ч. наступательной. Это обстоятельство не только уравнивает силы противостоящих сторон, но и дает Югу весомые преимущества, особенно в случае затяжного конфликта.

Иными словами, положение напоминает пирамиду, балансирующую на острие. В условиях отсутствия контактов и мер доверия по военной линии возникает ситуация, при которой любой, пусть даже мелкий инцидент (даже вследствие случайного выстрела), легко может перерасти в крупное боестолкновение, а то и в полномасштабную войну с применением всех сил и средств, имеющихся у сторон.

✶ **наличие на полуострове оружия массового уничтожения и ракетной техники как среднего, так и дальнего радиуса действия.**

Как известно, КНДР еще в 2005 г. официально провозгласила себя ядерной державой. Благодаря наличию ядерного реактора-наработчика плутония, а также соответствующих перерабатывающих мощностей Пхеньян в принципе имеет возможности получения оружейных ядерных материалов. В подтверждение своей заявки на ядерный статус Пхеньян в 2006 и 2009 гг. провел два подземных испытания, которые соседними странами, включая и Россию, были интерпретированы как ядерные.

По имеющейся информации, в настоящее время КНДР располагает плутонием,

достаточным для производства 6-10 ядерных взрывных устройств, хотя многими экспертами оспариваются возможности этой страны реально создать заряды, годные для боевого применения. По непроверенным данным, Северная Корея также располагает немалыми запасами химического и биологического оружия, точное количество, характеристики и условия хранения которого точно не установлены (Пхеньян официально не подтверждает и не опровергает эту информацию).

Наличие у КНДР ракетной техники, пусть и в ограниченных количествах, создает дополнительный фактор риска. Дело в том, что ввиду несовершенства ракетной техники этой страны существует опасность отхода траектории ее полета от заданного направления и падения обломков или сброса токсичного топлива в любом районе, в том числе и на территории или в экономической морской зоне нашей страны.

Южная Корея еще в декабре 1991 г. объявила о выводе со своей территории принадлежащего США ядерного оружия и с тех пор утверждает, что в стране осуществляется только мирная атомная деятельность. Однако факт отсутствия ядерного оружия никогда и никем не был верифицирован.

Известно и то, что МАГАТЭ некоторое время тому назад уличало Сеул в проведении тайных экспериментов с обогащением урана, пусть даже в лабораторных масштабах. Согласно официальной версии, впоследствии принятой Агентством, исследования проводились в период с 2000 г. по 2004 г. по инициативе группы ученых и правительство не было своевременно поставлено об этом в известность.

Настораживает и то, что в ответ на усилия Северной Кореи в ракетно-ядерной области Южная Корея готова предпринять собственные шаги. Так, например, в стране уже проходят испытания крылатые ракеты с дальностью полета до одной тыс. км. После прихода к руководству администрации Ли Мен Бака власти активно добиваются снятия ограничений, предусмотренных режимом контроля за ракетными технологиями (РКРТ) и двусторонними соглашениями с США, запрещающими создание баллистических ракет с дальностью полета, превышающей 300 км и полезной нагрузкой свыше 500 кг.

Одновременно Южная Корея настаивает на отмене договоренностей с Вашингтоном, не позволяющими ей создавать мощности по переработке отработавшего ядерного топлива – продуктов жизнедеятельности АЭС, на том основании, что имеющиеся в стране хранилища близки к полному заполнению, а создание новых потребует значительного времени и больших материальных затрат.

☀ неустойчивость политического режима в Северной Корее и усугубление переживаемых этой страной социально-экономических трудностей.

Хотя принято считать, что ситуация в КНДР отличается завидной устойчивостью, а главное – находится под полным контролем властей и пронизывающей все органы власти и слои населения тотальной системой мониторинга со стороны многочисленных спецслужб и идеологического аппарата ТПК, реалии сегодняшнего дня рисуют картину, отличную от устоявшихся стереотипов. При всей внешней «застылости» политической и экономической ситуации здесь подспудно продолжает накапливаться потенциал внутренней нестабильности с труднопредсказуемыми последствиями, как для самой страны, так и для ее соседей.

Хронические проблемы – дефицит продовольствия, сырья и электроэнергии, износ основных фондов при отсутствии инвестиций продолжают накапливаться, в то время как попытки решить их военно-мобилизационными методами неэффективны. Сейчас власть не в состоянии справиться с процессами, которых практически не наблюдалось лет 10-12 назад: возникновение теневой экономики, воровство и коррупция во всех эшелонах управленческой пирамиды, растущая бытовая преступность.

Откровенный провал попытки в конце 2009 г. улучшить положение дел за счет реорганизации валютно-финансового сектора помимо прочего выявил тот удручающий факт, что в политическом руководстве страны уже не осталось никого, кто разбирался бы в макроэкономических вопросах и понимал бы социально-экономическую обстановку в стране в целом. Теперь почти определенно можно утверждать, что шансов на «мягкую посадку» КНДР путем проведения пусть даже ограниченных, консервативных реформ практически не осталось и будущее решение северокорейских проблем видится в реализации предельно жестких сценариев, авторы которых сейчас остаются «за кадром».

По сути, правящая верхушка отстранилась от решения любых вопросов, кроме самых критичных и которые напрямую не связаны с задачами физического выживания существующего режима, что неизбежно ведет к дальнейшей деградации и постепенному расшатыванию устоев.

Проблемы осложняются действием факторов субъективного характера: слабым состоянием здоровья быстро стареющего лидера КНДР Ким Чен Ира и трудностями с обеспечением преемственности власти.

Продвижение наверх 27-летнего младшего сына вождя Ким Чен Ына, осуществляемого в скрытом режиме, оставляет много вопросов:

- сможет ли молодой человек, малоизвестный в стране и без должного опыта руководства в масштабах всего государства удержать в своих руках бразды власти и обеспечить постепенную трансформацию страны;

- удастся ли ему сформировать в ограниченные сроки собственную монолитную и компетентную команду единомышленников (и будут ли у нее вообще какие-либо креативные идеи?), а также мощную базу влияния в стране, на которую он смог бы опираться;

- как поведут себя в «чрезвычайной ситуации» другие влиятельные группировки, отражающие интересы военной, партийной и хозяйственной бюрократии.

Наихудший сценарий, который вполне реален, это межклановая борьба за власть, способная перерасти в гражданскую войну с перспективой гуманитарной катастрофы и полной потерей управляемости страной на фоне имеющегося в Северной Корее оружия массового уничтожения. В последнем варианте интернационализация эвентуального внутреннего конфликта на Севере Кореи практически неизбежна, а риски проявления угрозы российским интересам на Дальнем Востоке возрастают многократно.

Естественно, мы далеки от мысли абсолютизировать те факторы потенциально возможных, обозначенных выше вызовов, исходящих от Корейского полуострова. Скорее, речь идет о тенденциях, которые в принципе могут проявиться, и которые следует учитывать при выстраивании стратегии и политической линии России в отношении двух корейских государств.

На примере Кореи, как никакой другой страны видно, что исторические события происходят в силу своей внутренней логики и, порой, вопреки, казалось бы, самым дальновидным калькуляциям и прогнозам профессионалов.

Еще в конце 1970-х гг. Г. Киссинджер, пытаясь сконструировать модель безопасного и равновесного сосуществования двух корейских государств, предлагал осуществить «перекрестное дипломатическое признание» КНДР и РК соответственно Вашингтоном и Токио, с одной стороны, Москвой и Пекином, с другой – с последующим развитием нормальных отношений по обе стороны демилитаризованной зоны.

Эта идея тогда не встретила поддержки, прежде всего, из-за сопротивления двух корейских государств (наиболее яростно против подобной схемы выступал Пхеньян), для

которых ее принятие означало утрату тех преимуществ, которыми они располагали при существовании биполярной модели противостояния на Корейском полуострове, базирующейся на поддержке своих великих соседей и союзников.

Окончание холодной войны внесло серьезные коррективы в эту ситуацию: Москва, а вслед за ней и Пекин, не дожидаясь встречных действий со стороны союзников Южной Кореи, установили с ней дипломатические отношения, приступили к налаживанию торгово-экономического сотрудничества.

Параллельно с этим военная, политическая и экономическая поддержка, оказываемая КНДР, фактически сошла на нет. Страна, привыкшая жить за счет регулярного поступления внешней помощи, оказалась в бедственном состоянии, а проводимая ей политика «опоры на собственные силы», продемонстрировала полную несостоятельность, отбросила страну в плане социально-экономического развития далеко назад и усугубила ее национальную замкнутость.

И, наоборот, – Южная Корея, полностью преодолевшая изолированность в регионе, сумела совершить гигантский экономический рывок вперед, создав предпосылки для своего превращения в своего рода «мини-центр силы» в Северо-Восточной Азии.

В прошедший с тех пор период политика Москвы в отношении Корейского полуострова и двух корейских государств испытывала частые и порой неожиданные флуктуации, сопровождаемые глубокими колебаниями в попытке выбора оптимальной стратегии. Следует признать, что зачастую такие движения носили импульсивный и не всегда продуманный характер, будучи продиктованы текущей конъюнктурой или субъективными политическими решениями тех, кто стоял у «руля управления» страной в тот или иной период.

На начальном этапе это выразилось в быстром свертывании (а точнее говоря, распаде) всех сколько-нибудь значимых связей с КНДР, нашим бывшим союзником и, как утверждали в свое время, «дальневосточным флангом социализма». Мотивов было много: казалось, что в условиях происходившего улучшения российско-американских отношений, фантома «деидеологизации» международных отношений, стремительного сокращения российского военного присутствия на Дальнем Востоке Северная Корея навсегда утрачивала свою стратегическую значимость для России.

В глазах российских демократов подчеркнутое отчуждение от одиозного пхеньянского режима, вставшего к тому же на путь возвращения своих ядерных амбиций, символизировал разрыв с собственным тоталитарным прошлым, что должно было облегчить Москве путь к вступлению в «клуб цивилизованных государств мира». Перевод же торгово-экономического сотрудничества с идеологической на коммерческую основу при расчетах в свободно конвертируемой валюте (СКВ) полностью «подрубил» эту сферу отношений. Не имея возможности воспроизвести полную картину происшедшего в тот период, сошлемся только на один показатель – в начале 1990-х гг. взаимный товарооборот сократился более чем на порядок: с 700-800 до 40-50 млн. долл.

Конечно, вполне правомерно теоретизировать насчет неэффективности северокорейской экономической системы, но фактом остается и то, что произошедший «обвал» российско-северокорейских отношений по всем азимутам, чего в принципе можно было избежать, привел к катастрофическим последствиям как для социально-экономического положения в КНДР, так и для отношений России с этой страной.

С другой стороны, Москва сделала явно завышенную ставку на развитие всесторонних отношений с Республикой Корея. Страна, которая еще не так давно рисовалась кремлевскими идеологами как «марионеточный диктаторский режим», территория,

находящаяся под «иностранной оккупацией», в одночасье превратилась в свою полную противоположность и теперь идеализировалась как «образец» демократии в АТР и процветающей рыночной экономики, связи с которой вроде бы сулили России самые блестящие перспективы.

Соответственно возникли устойчивые и широко распространенные ожидания (причем не только в политической и бизнес-элите, но и среди населения), что именно Южная Корея станет той страной, с помощью которой Россия сможет решить задачу своего экономического подъема, по крайней мере, на российском Дальнем Востоке. Большие надежды возлагались на соединение достижений советской/российской фундаментальной науки с корейскими инновационными технологиями.

Подспудно зрели надежды и на то, что Сеул поделится с нами своими «сокровенными» рецептами достижения быстрого экономического роста, которые Россия сможет перенять для решения собственных проблем. Этого, однако, не произошло, по крайней мере, в тех масштабах, на которые рассчитывали российские партнеры.

В 1990-х годах южнокорейцы, пользуясь бедственным положением российской науки, не мудрствуя лукаво, попросту скупили многие наши передовые научные разработки, а если это было по каким-то причинам невозможно – то «головы» наших наиболее талантливых ученых. Даже по официальной статистике, учитывающей далеко не все, в настоящее время на Юге Кореи в крупнейших корпорациях на длительной основе трудятся не менее 200 российских исследователей.

Не вдаваясь в пространные философские рассуждения, отметим, однако, что идеализм плох тем, что основан на слабом или поверхностном знании предмета. Суть проблемы заключалась в том, что в сложных материях Корейского полуострова ориентировалось лишь малое число экспертов, мнение которых практически не учитывалось фигурами, ответственными за принятие государственных решений. В расчет не принималось и то обстоятельство, что не только Россия, но и РК имеет в отношении нашей страны свои специфические и четко выраженные интересы, которые могут перекликаться, но могут и не совпадать с российскими.

Правда заключается в том, что Россия и Республика Корея не являются противниками или даже конкурентами в регионе, между нашими странами практически нет политических противоречий, а на международной арене они тесно и в целом продуктивно сотрудничают. Начиная со времени установления дипломатических отношений, 20-летие которых отмечается в этом году, Россия неплохо уживалась со всеми южнокорейскими администрациями и, не тратя время на взаимную «притирку», неторопливо, но последовательно продвигала вперед тот потенциал сотрудничества и взаимных наработок, который создавался в предшествующий период.

К этому следует добавить, что, несмотря на тесные военно-политические связи с США, большая часть южнокорейской политической и бизнес-элиты, население страны относятся к России вполне дружелюбно, видя в ее лице, скорее, партнера, а не источник каких-либо угроз. Существуют, правда, вопросы, корни которых уходят в прошлое: такие как раздел Кореи в 1945 г., помощь КНДР во время корейской войны или уничтожение южнокорейского авиалайнера в 1983 г., но не они сейчас «делают погоду» в отношениях между Россией и РК.

Здесь уместно сказать, что президент Ли Мен Бак, договорившись с Д.А. Медведевым о выводе двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства, по сути дела на официальном уровне поставил «точку» в этих сюжетах. Во всяком случае, российская сторона вправе исходить именно из такого понимания.

Вместе с тем Южная Корея связывает с политикой на российском направлении собственные прагматические расчеты.

■ Во-первых, это обеспечение поддержки Москвой политической линии Сеула в отношениях с КНДР и использование возможностей России для оказания сдерживающего влияния на Пхеньян. В последнее время этот момент наиболее выпукло обозначился в инциденте с гибелью корвета ВМС РК «Чхонан», вину за которую Сеул пытается возложить на Северную Корею.

Добиваясь от России безусловного осуждения действий КНДР, южнокорейские власти ставят вопрос ребром: позиция, занятая Москвой в этом вопросе станет наглядным свидетельством того, является ли Россия на деле страной, дружественной Республике Корея.

■ Во-вторых, это получение максимально широкого доступа к российским природным ресурсам. В настоящий момент Российская Федерация воспринимается руководством Южной Кореи в первую очередь как «сверхдержава природных ресурсов». Известны высказывания влиятельных деятелей этой страны, что территориальный конфликт Токио с Москвой отвечает интересам Сеула, поскольку в этих условиях японцам трудно полноценно участвовать в проектах разработки Сибири.

Такой подход обеспечивает отсталую и несбалансированную структуру внешней торговли между двумя странами, при которой российский экспорт более чем на 80% представлен поставками минерального сырья, металлов и древесины, а импорт – машинотехнической продукцией и бытовой электротехникой, автомобилями. Характерно при этом, что объем нашего товарооборота с Южной Кореей как минимум на порядок уступает ее торговле с Китаем, Японией или США.

■ В-третьих, это целенаправленная работа с общинами этнических корейцев, проживающими на территории России (около 200 тыс. человек). Цель – обеспечение их лояльного отношения к РК и проводимой ей политике, а также содействие переселению в Россию, предпочтительно, в дальневосточный регион среднеазиатских корейцев, и создание там компактных корейских анклавов, ориентированных на тесные связи с исторической родиной, естественно, в лице Южной Кореи.

Понятно, что за последние два десятилетия многое в корейской политике России подверглось переосмыслению, и она претерпела значительную эволюцию. После «блиц-визита» В. Путина в Пхеньян в 2000 г. и двух «железнодорожных» визитов Ким Чен Ира в Россию наши дипломаты стали заявлять о необходимости проведения то ли «сбалансированной», то ли «равноудаленной» политики по отношению к государствам Корейского полуострова.

Нечеткость этих определений требует некоторых разъяснений, которые, чаще всего, сводятся к тому, что, дескать, российский подход к Корее должен стоять «на двух ногах», имея в виду прочные и доверительные отношения как с РК, так и с КНДР. При этом, по мнению ряда аналитиков, следует установить жесткую увязку между нашими шагами и политической линией на обоих корейских направлениях с тем, чтобы прогресс на одном из них сопровождался аналогичной динамикой и на другом.

Прежде всего, подобные концептуальные построения никак не объясняют долгосрочных целей российской политики на Корейском полуострове, а во-вторых, создают искусственные ограничители для российской политики, заставляя соизмерять каждый шаг в развитии отношений с одним корейским государством с состоянием дел на другом направлении. В итоге Москва будет вынуждена либо искусственно притормаживать связи, даже если имеется перспектива их выгодного развития, либо включать неоправданный

форсаж там, где для этого нет никаких предпосылок.

В этом плане гораздо более перспективной представляется мысль о том, что никакого формального баланса, устанавливающего некие ограничители в корейской политике России быть не должно. Ее исходный посыл мог бы состоять в том, что и РК, и КНДР в равной мере являются нашими самоценными партнерами, и Россия будет стремиться развивать с ними связи и сотрудничество (не подпадающее под международные санкции) так, как к этому будут готовы оба корейских государства, а также в той степени, насколько это будет отвечать интересам самой России.

Вполне естественно, что в силу объективных причин сотрудничество России с РК будет более динамичным и разносторонним, чем отношения с КНДР, которые в обозримой перспективе имеют мало шансов на достижение «стратегических прорывов».

Тем не менее, было бы неправильно и ошибочно утверждать, что Северная Корея не входит в сферу внешнеполитических интересов России. Ведь это – не только «страна-отшельник» и международный «изгой», каковым ее считают на Западе (чем дальше от Корейского полуострова, тем больше). Это – и сосед, с которым у Советского Союза/России на протяжении многих лет складывалась непростая и специфическая модель взаимодействия. Сосед, которому, по разным оценкам, за весь послевоенный период оказана помощь (в различных ее формах), в основном в советский период, на сумму от 12 до 16 млрд. долл. США.

Сейчас все это наследие, в силу российского безразличия, приходит в полный упадок. Конечно, на все есть свои объяснения и причины, но речь сейчас не о них. Вопрос состоит не только в этом. Вся корейская ситуация требует более широкого, дальновидного подхода и осмысления.

Дело в том, что пхеньянский режим, несмотря на убогость положения страны и глубокой внутриполитический и экономический кризис, уже в силу своего особого геополитического положения (на перекрестке интересов и амбиций многих влиятельных держав) постоянно притягивает к себе внимание. В силу этой объективной данности, он вряд ли в обозримой перспективе будет отброшен на «обочину» международной жизни и там забыт.

Хотя сейчас КНДР со всех сторон обложена международными и односторонними санкциями и ограничениями и находится в состоянии глубокой внешней изоляции, в перспективе нас ожидает ожесточенная борьба за влияние в этой стране между основными региональными игроками. По сути дела, уже сейчас она начинает разворачиваться, пусть и незримо для непосвященных.

В последние год-два произошла серьезная перегруппировка сил на северокорейском направлении.

После избрания на президентский пост Б. Обамы США фактически приостановили контакты с Пхеньяном, переместив центр тяжести в своей внешней политике в сторону урегулирования проблем Ближнего и Среднего Востока.

Неожиданный поворот, возможно не без американского участия, произошел в политике администрации Ли Мен Бака, которая, отказавшись от политики вовлечения, проводившейся двумя прежними президентами и принесяшей Сеулу 10-летнюю «мирную передышку» в отношениях с северным собратом, взяла курс на постепенное ограничение политических и экономических контактов с Севером. В конечном итоге это неизбежно привело к отказу от большинства уже отлаженных проектов сотрудничества.

Пассивность этих держав развязала руки Китаю, который, не теряя времени, взялся осваивать освободившуюся площадку. В последнее время становится все более заметной

нарастающая экономическая экспансия китайского бизнеса в Северной Корее, особенно в приграничных провинциях, где китайцы берут под свое «крыло» важные месторождения полезных ископаемых, перспективные промышленные объекты, в том числе и те, которые изначально предназначались для совместного использования Севером и Югом Кореи.

Торговля между двумя странами достигла внушительной цифры – порядка 2,5 млрд. долл., что составляет около 60-70% всего внешнего товарооборота КНДР. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что подобное положение дел не очень устраивает северокорейское руководство, которое опасается усиления зависимости от Китая и перехода «командных высот» в экономике в руки расчетливых бизнесменов из соседней страны.

Однако на данном этапе фактической изоляции в мировом сообществе возможности выбора у Пхеньяна практически не существует, поэтому, волей-неволей приходится удовлетворять немалые экономические аппетиты китайских партнеров, умело использующих нынешнюю ситуацию.

Логика действий Пекина в Корее предельно прагматична и даже цинична. Им явно не по душе строптивый и не вполне симпатичный северокорейский режим, да и оказание помощи северокорейцам, которые сами у себя ничего не хотят менять в системе организации экономики, китайцам явно в тягость.

Тем не менее Пекин вовсе не склонен воспринимать беды, переживаемые соседом, с которым он имеет более чем 1000-километровую общую границу, как «пожар на другой стороне реки». И дело даже не в теплых чувствах к корейцам, а в понимании того, что поддержание режима «на плаву» обойдется Китаю намного дешевле, чем крах северокорейской системы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ясно и то, что при последнем сценарии вопрос об объединении Кореи будет поставлен в практическую плоскость.

Постепенно становится очевидным, что США и РК, по сути, отказавшись от прежних теорий «мягкой посадки» или даже «кнута и пряника», сделали основную ставку на «дожимание» Пхеньяна, в качестве основной стратегии, проводимой в отношении этой страны с тем, чтобы ускорить «кончину» и затем продиктовать свои условия обустройства «посткимовской» Кореи.

Китай, естественно учитывает и такую альтернативу и на этой случай осуществляет свое планомерное продвижение на Север Кореи, насколько возможно, осваиваясь и закрепляя там свои опорные позиции.

Понятно, что Россия не будет соревноваться с Китаем или какой-либо иной страной за преобладание в Северной Корее, тем более, что подобная стратегия, проводившаяся в советское время, и опиравшаяся на недоступную теперь России материальную базу, себя абсолютно не оправдала.

Однако нельзя не признать, что российская политика на северокорейском направлении остается пассивной и во многом производной от складывающейся ситуации. Всегда вызывал удивление тот несомненный факт, что при той, безусловно, большой роли, которую Корейский полуостров занимал во внешней политике нашей страны, по крайней мере, на отдельных ее этапах, в периоды спокойного течения истории он оказывался вне зоны внимания советского, а затем и российского руководства.

Высшие руководители нашей страны до 2000 г. никогда не посещали КНДР (на контрасте – визит М.С. Горбачева в РК состоялся в апреле 1991 г, а уже в 1992 г. Б.Н. Ельцин подписал в Сеуле Договор об основах отношений между нашими странами). Однако и современная Россия не имеет четко сформулированной и рассчитанной на перспективу стратегии в отношении как Корейского полуострова в целом, так и конкретно

применительно к обоим корейским государствам. Хотя и с КНДР, и с РК подписывались многочисленные совместные заявления, декларации и другие серьезные документы, отношения катились вперед (или замедлялись) по инерции.

В этой связи вспоминается рассказ моего хорошего знакомого и незаурядного эксперта по азиатским делам, который на одном из светских раутов поинтересовался у бывшего министра иностранных дел нашей страны, как часто ему приходилось отвлекаться в своей ответственной работе на корейские дела. Ответ был честным и потому обескураживающим: «преимущественно тогда, когда корейские сюжеты будировались перед нами американцами».

Эта реплика довольно адекватно иллюстрирует тот печальный факт, что на российском «политическом олимпе» нет устойчивого государственного интереса к Корее. КНДР в глазах нашего околополитического бомонда давно уже стала преимущественно объектом саркастических высказываний и далеко не всегда оправданного злословия.

Но ведь и Южная Корея в российской внешнеполитической «табели о рангах» занимает не вполне определенное место, а шаги в отношении этой страны осуществляются главным образом за счет слабо скоординированных усилий отдельных министерств и ведомств или же частных корпораций, которые при случае готовы вступить в конкурентную борьбу друг с другом. И это при том, что в Сеуле, как, впрочем, и в Пхеньяне политика в отношении Москвы вплоть до мелочей формируется на самом верху и там осуществляют жесткий контроль за ее надлежащим исполнением.

То же касается и ситуации на Корейском полуострове в целом. В послевоенный период Россия крайне редко выступала в роли генератора стратегических идей и решений, от которых зависело бы дальнейшее развитие ситуации.

Напротив, продуманными действиями региональных, а чаще внерегиональных «игроков» на полуострове и вокруг него инициировались те или иные расклады, политические сценарии, которые служили своеобразным импульсом для развития событий в заданном направлении.

Примеров тому не счесть: это и первый ядерный кризис в Корее начала 1990-х гг., и Рамочное соглашение между КНДР и США, положившее начало деятельности КЕДО, и четырехсторонние переговоры по Корее без нашего участия, и «урановый кризис» между Вашингтоном и Пхеньяном, давший затем старт шестисторонним переговорам в Пекине.

Последний эпизод такого рода – загадочный инцидент с гибелью в Желтом море корвета ВМС РК «Чхонан», вокруг которого теперь развернулись нешуточные политические баталии.

Общим для всех этих эпизодов было то, что к их возникновению Россия никогда не имела никакого отношения, но в силу обстоятельств была вынуждена активно реагировать, чтобы подстроиться под новые политические течения и тенденции. Следует все же отметить, что временами Россия действовала инициативно, участвуя в пасьянсах, не ею раскладываемых, в которых она в лучшем случае оказывалась в положении запоздалого и в последнюю очередь приглашаемого игрока, а то и просто гостя, которого в нужный момент легко можно было попросить покинуть «игровой зал» за ненадобностью.

Думается, что перспективной задачей в политике России в Корее должна стать стратегия, позволяющая действовать на опережение, добиваясь создания своего «игрового поля». Но для этого важно понять, что Корейский полуостров – это не второстепенный «азиатский закуток», а важный политический «перекресток», где для России существуют и серьезные вызовы, и многообещающие перспективы, причем дальнейшее развитие событий в этом районе так или иначе скажется на ее интересах и потребует российской вовлеченности.

Конечно, следует отдавать отчет в том, что путь в Корею пролегает через российские дальневосточные регионы, для возрождения которых у страны пока не хватает сил. И это объективная данность, от которой никуда не денешься. Слабый в экономическом и военном отношении Дальний Восток, когда центр принятия ключевых внешнеполитических и экономических решений находится далеко на западе нашей страны, сейчас вряд ли может служить приемлемым плацдармом для «триумфального» продвижения России в Корею.

Однако, видимо, не все так плохо: потенциальная привлекательность России для корейцев, причем как северных, так и южных состоит, прежде всего, в понимании того, что Россия не является для них опасной державой. Она не несет скрытой или явной угрозы, у нее нет никаких экспансионистских планов в отношении Корейского полуострова (чем, порой, грешат другие крупные соседи Кореи).

По мнению как северокорейских, так и южнокорейских экспертов, Россия – одна из немногих стран, которую в Корее не боятся и не по причине нашего «альтруизма», но по чисто объективным критериям: Россия никому не навязывает свою идеологию и образ жизни, не претендует на чужие ресурсы, поскольку ей хватает собственных, не ставит целью создание военных или политических блоков под своим лидерством.

Такие оценки делают серьезными расчеты и Сеула, и Пхеньяна на наличие российской альтернативы, которая, хоть и не несет немедленных материальных дивидендов, но позволила бы «подравнять» отношения с чрезмерно активными соседями, с тем, чтобы не допустить чрезмерных перекосов в ту или иную сторону.

Это большое политическое преимущество, которое, опять же, потенциально способно дать России фору по сравнению с другими странами, если уметь этой форой грамотно пользоваться. В качестве координатора региональных усилий по созданию структуры мира и безопасности в Северо-Восточной Азии (миссия, закрепленная за ней участниками шестисторонних переговоров) Россия потенциально могла бы при известном дипломатическом искусстве сыграть роль одной из ключевых стабилизирующих сил в этом районе, уравнивающей возможное негативное влияние других игроков, между которыми намечаются признаки соперничества.

ЛАРИН В.Л. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПЛАЦДАРМ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Политическая платформа

Дальний Восток занимает особое место в современных отношениях между Россией и Республикой Корея. Обусловлено это несколькими обстоятельствами.

⇒ Во-первых, их географической близостью.

⇒ Во-вторых, тем, что в отношениях с Россией политические и стратегические интересы Кореи преобладают над экономическими. Один из главных приоритетов Сеула – решение корейской проблемы: на нынешнем этапе – борьба против ядерной программы КНДР, а в дальнейшем – воссоединение двух государств. И в этом Россия и ее дальневосточные территории, особенно Приморский край, имеющий общую границу с КНДР и давние традиции приграничных отношений, могут сыграть существенную роль.

⇒ В-третьих, наличием на Дальнем Востоке значительной корейской диаспоры¹.

⇒ Наконец, общностью истории: государство «Бохай», которое корейцы считают важным элементом своей истории и культуры, частью своей располагалось на территории нынешнего Приморского края, а в конце XIX – начале XX вв. юг Дальнего Востока стал прибежищем для многих корейцев, вынужденных искать лучшей доли за пределами своей истерзанной войнами и японской агрессией страны, фактически превратился в одну из баз корейского освободительного движения.

Существенную роль в развитии взаимодействия играют и экономические мотивы: большая заинтересованность Кореи в сырьевых и энергетических ресурсах Дальнего Востока, с одной стороны, и намерение России привлечь Корею к реализации своих планов по развитию восточных районов, с другой.

Не удивительно, что платформа дальневосточно-корейского взаимодействия начала создаваться на самом высоком уровне уже вскоре после установления дипломатических отношений между двумя государствами. В марте 1991 г. президент РК Ро Дэ У назвал «совместное освоение богатых природных ресурсов в СССР» одним из главных приоритетов двусторонних отношений, имея, в частности, в виду природный газ Сахалина, нефть и газ Якутии, лесные ресурсы Приморья².

Сразу после визита в Москву и переговоров с Б.Ельциным, состоявшихся в пору резкого обострения кризиса на Корейском полуострове, 7 июня 1994 г. президент Кореи Ким Ён Сам посетил г. Владивосток. Этот визит сам по себе продемонстрировал внимание, уделяемое в Сеуле российскому Приморью, при этом во время официального обеда Ким Ён Сам счел необходимым подчеркнуть, что Приморский край «начинает превращаться в центр корейско-российского сотрудничества»³.

Тем не менее, в последующие несколько лет в развитии отношений наблюдался некоторый застой. С одной стороны, смерть Ким Ир Сена в 1994 г. породила у руководства Южной Кореи надежды на решение корейской проблемы собственными силами. С другой – не оправдались многие надежды корейского бизнеса, связанные с Россией: инвестиционные риски на ее территории оказались слишком велики⁴. И хотя линия на закрепление на Дальнем Востоке корейского бизнеса (даже в сложных для него условиях) и поддержку корейской диаспоры оставалась главной в политике Сеула в отношении Дальнего Востока, прорыв произошел только в начале нового века.

Очередные попытки продвинуть интересы Кореи на Востоке России были предприняты корейской стороной на рубеже XX-XXI веков. Провозглашенная президентом

Ким Дэ Чжуном «политика вовлечения» в отношении КНДР, продолженная его преемником на посту президента Но Му Хёном уже как «политика мира и процветания», одним из трех своих принципов провозглашала развитие экономического сотрудничества с Севером в целях создания условий для мирного объединения Кореи и превращения Корейского полуострова в экономический центр региона.

Производным от этой политики стали намерения корейской стороны с помощью трехсторонних российско-корейских проектов вовлечь КНДР в экономическое сотрудничество. Дальневосточным территориям отводилась в этих проектах важная роль. Южнокорейским внешнеполитическим предпочтениям отвечали идеи президента РФ В. Путина о необходимости активных действий по интеграции России в экономическое пространство АТР и развитию Дальнего Востока.

И если визит Ким Дэ Чжуна в Москву в мае 1999 г. только подтвердил особые интересы Кореи в регионе⁵, то уже в сентябре 2000 г., во время встречи В. Путина и Ким Дэ Чжуна (состоявшейся на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, вскоре после исторического саммита Ким Дэ Чжун – Ким Чен Ир) стороны уже достигли принципиальной договоренности о сотрудничестве в создании Транскорейской железнодорожной магистрали (ТКМ).

Во время визита президента РК Но Му Хёна в Москву в сентябре 2004 г. российская сторона представила проект из четырех пунктов, предлагавший Южной Корее принять участие в экономическом развитии Дальнего Востока, в том числе посредством строительства ТКМ, газопровода, проходящего из России в Республику Корея и соединения российских и южнокорейских электрических сетей.

Как свидетельствует официальная декларация, подписанная по итогам встречи, стороны согласились активизировать взаимодействие в реализации крупномасштабных двусторонних и международных экономических проектов, в том числе связанных с освоением и транспортировкой нефти и газа углеводородных месторождений дальневосточного и сибирского регионов России⁶.

Хотя, возвратившись в Сеул, Но Му Хён заявил, что визит в Россию не привел к появлению ясных договоренностей об участии Южной Кореи в разработке российских нефтяных, газовых и иных природных ресурсов⁷, сотрудничество набирало обороты.

Российско-Корейский совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества, подписанный 19 ноября 2005 г. в г. Пусане, предполагал взаимодействие сторон в области энергетики и природных ресурсов, в том числе подготовку долгосрочных программ поставок российского природного газа в РК, сотрудничество в области освоения нефтегазовых ресурсов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, совместные разработки в сфере электроэнергетики, включая строительство линии электропередачи между Россией, Северной и Южной Кореей⁸.

Подтверждая позиции Сеула в отношении восточных районов России, министр иностранных дел и торговли РК Сон Мин Сун убеждал министра иностранных дел С.Лаврова в августе 2007 г., что «Республика Корея будет для России лучшим партнером в развитии Сибири и Дальнего Востока»⁹.

Использование ресурсного потенциала восточных регионов России для развития корейской экономики, а также трехсторонних экономических проектов как одного из путей втягивания КНДР в процесс мирного объединения страны остается одним из приоритетов и нынешней администрации Сеула, несмотря на ее формальный отказ от «политики вовлечения».

Одним из первых внешних шагов Ли Мён Бака стала отправка в январе 2008 г. в Москву специального представителя, который заявил о планах нового правительства РК развивать экономические отношения с Россией и сделать Восточную Сибирь и Дальний Восток регионом взаимовыгодного международного сотрудничества¹⁰.

Эти планы нашли поддержку у президента России Д. Медведева, который во время встречи на высшем уровне в Москве в сентябре 2008 г. отметил «обоюдную заинтересованность сторон» в продвижении «таких важных проектов, как Транскорейская железная дорога и её соединение с Транссибирской магистралью», участии корейского бизнеса в развитии промышленного потенциала Восточной Сибири и Дальнего Востока и подготовке России к саммиту АТЭС»¹¹.

В результате российско-южнокорейские переговоры завершились договоренностями о совместном освоении Западно-Камчатского шельфа, участии корейских предпринимателей в развитии Сибири и Дальнего Востока, разработке проектов, связанных с поставками российского природного газа на Корейский полуостров, соединением Транскорейской железной дороги с Транссибом, развитием портовой сети в Сибири и на Дальнем Востоке и др.¹².

В сентябре 2008 г. во время официального визита в Россию Ли Мён Бак провозгласил свою концепцию «трех главных новых шелковых путей» – «железного», «энергетического» и «зеленого», каждый из которых неизбежно проходит через Дальний Восток России¹³.

Приступивший к своим обязанностям с марта 2010 г. посол РК в России Ли Юн Хо посвятил значительную часть своего интервью именно дальневосточному плацдарму России в развитии двусторонних отношений, напрямую рассматривая перспективы развития этих отношений с решением корейской проблемы. «Если в решении северокорейской ядерной проблемы будет прогресс и Россия сможет сотрудничать с Югом и Севером Кореи по газопроводу, – заявил посол, – то легко можно найти развязку проблем соединения Транскорейской железной дороги с Транссибом и связывания энергетических сетей России и Южной Кореи»¹⁴.

Для укрепления политической платформы корейско-дальневосточного сотрудничества сегодня более активно используется и административно-политический потенциал самих восточных районов России. В августе 2009 г. по поручению главы российского государства в Сеуле побывала делегация во главе с полномочным представителем президента РФ в Дальневосточном федеральном округе В. Ишаевым.

В ходе встречи В. Ишаева с Ли Мён Баком обсуждались вопросы трехстороннего взаимодействия между РФ, КНДР и РК (в схеме «ресурсы России, технологии Южной Кореи и трудовые ресурсы Северной Кореи»), сотрудничество в сфере нефтегазодобычи, развития угольных месторождений, строительства нефте- и газопроводов, железной дороги из России через Корейский полуостров¹⁵.

Наконец, существует и постоянно действующий организационный формат, служащий обоим государствам для определения направлений и перспектив экономического взаимодействия – Российско-Корейской совместная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству и ее специальный Комитет по Дальнему Востоку и Сибири.

Очередное 9-е заседание Комиссии состоялось в Сеуле 1 июля 2009 г., на котором особое внимание было уделено вопросам участия корейских компаний в строительстве объектов, возводимых в ходе подготовке к саммиту АТЭС 2012 г. во Владивостоке¹⁶. Рекомендации были конкретизированы в ходе Пятого заседания Комитета по Дальнему Востоку и Сибири, которое состоялось 8-9 сентября 2009 г. в Хабаровске¹⁷.

Экономические отношения Двусторонняя торговля

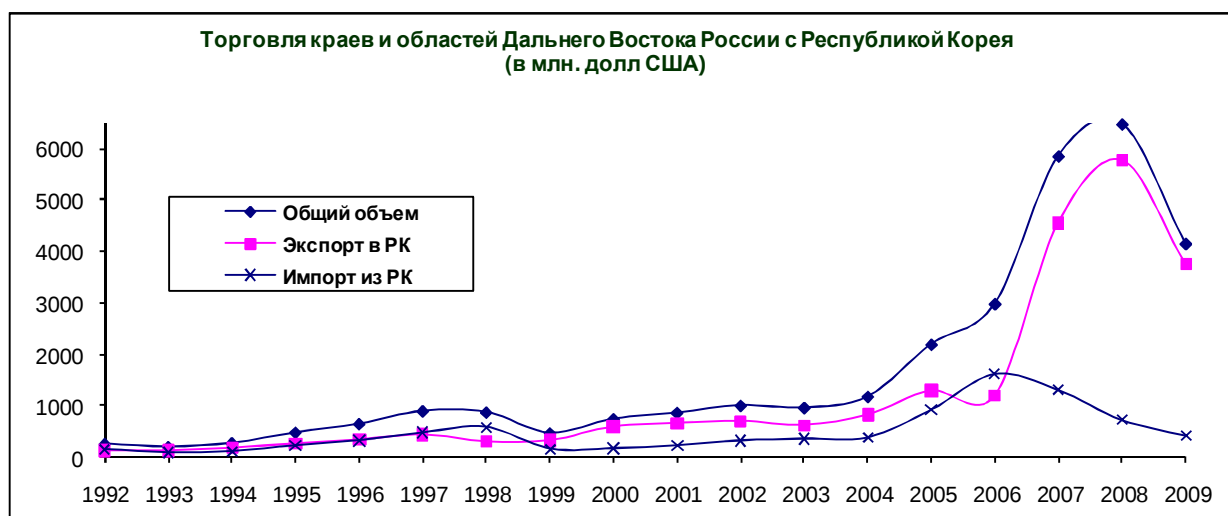
В 1990-е годы торговля с Южной Кореей играла для Дальнего Востока существенную роль. Республика Корея стала одним из трех (наряду с Японией и КНР) главных внешнеэкономических партнеров региона (рис. 1). В 1992-1998 гг. на ее долю пришлось 17% всего дальневосточного импорта (на долю Китая – 19%, США – 16,6%, Японии – 13%)¹⁸.

Рис. 1.

Кроме того, большое значение играл в те годы импорт корейского ширпотреба по линии «челночного бизнеса» (ежегодный объем последнего составлял, по неофициальным подсчетам, 250-300 млн. долл., т.е. был больше официального импорта Дальнего Востока из Кореи)¹⁹, а также нелегальный экспорт в Корею морепродуктов. В этих условиях статистика показывала заниженные цифры товарооборота Дальнего Востока с Кореей, который с 1995 по 2003 гг. по официальным данным увеличился лишь вдвое, с 466 до 950 млн. долл. (Рис. 2).

Рис. 2.

Последующий быстрый рост взаимной торговли обусловлен преимущественного активизацией участия корейской стороны в реализации энергетических проектов на Сахалине: сначала поставками оборудования и материалов, осуществляемыми в рамках материально-технического обеспечения шельфовых проектов и, прежде всего, строительства завода СПГ, а затем – началом экспорта нефти в Корею (с 2007 г.). В результате сначала заметно вырос объем импорта Дальнего Востока из Кореи, а с 2007 г. скакнули вверх и масштабы экспорта. Объем торговли Дальнего Востока с Кореей увеличился с 2003 г. по 2008 г. в 7 раз.

**Таблица 1. Торговля краев и областей Дальнего Востока с Республикой Корея
(2008 г., в млн. долл.)**

Край/область	Экспорт	Импорт	Объем торговли	Доля в общем объеме внешней торговли территории (%)
Амурская обл.	3	4	7	0,9
ЕАО	-	-	-	-
Камчатская обл.	358	19	377	53,9
Приморский край	357	515	873	12,2
Магаданская обл.	43	5	48	14,2
Саха-Якутия	12	21	33	0,6
Сахалинская обл.	4650	77	4727	48,4
Хабаровский край	347	82	429	14,7
Чукотка	6	1	7	0,4
Дальний Восток	5773	724	6 501	26,7

Составлено по: 2008 нэн росиа кёкуто-но кайкоку бёэки (Внешняя торговля Дальнего Востока России в 2008 г.) JETRO. 2009, сентябрь. стр. 9-10.

В общем объеме товарооборота между Россией и Южной Кореей (18 млрд. долл. в 2008 г.) на Дальний Восток пришлось свыше трети (6,5 млрд.), а в российском экспорте в Корею (около 9,8 млрд. долл.) доля Дальнего Востока составила уже 59%. При этом почти три четверти стоимостного объема торговли региона с РК (72% или 4,7 млрд. долл. в 2008 г.) и 81% его экспорта в Корею пришлось на Сахалинскую область. А вот в импорте из РК доля Дальнего Востока составила чуть более 6,5%. Обусловленное экономическим кризисом резкое падение двусторонней торговли в 2009 г. (до 10,5 млрд. долл.) привело к тому, что доля Дальнего Востока увеличилась в двустороннем товарообороте до 39%, а в экспорте России – до 66%²⁰.

Сегодня Республика Корея потребляет 5,8% всего дальневосточного экспорта леса, почти 45% – рыбы и морепродуктов, 49% продукции топливно-энергетического комплекса (54% сырой нефти, 13,2% нефтепродуктов и 2,2% угля). Почти 90% дальневосточного экспорта в Корею – это нефть (77,4%) и рыбопродукция (12,7%). Импорт из Кореи представлен продукцией машиностроения (42%), продукцией химической (24%), легкой и пищевой промышленности (10,9%), металлургии (9,8%)²¹.

Взаимодействие в сфере энергетики

В российско-корейском сотрудничестве в области энергетики тесно переплетены экономические, политические и стратегические цели и интересы сторон. Существенное значение в нем играют задачи обеспечения энергетической безопасности Кореи, поиск путей решения проблемы воссоединения Корейского государства, фактор третьих стран (Китая), общие проблемы модернизации российской экономики в целом и Дальнего Востока, в частности, поиск Россией своего места и роли в АТР и Восточной Азии.

В 2008 г. объем поставок нефти из России в Корею – в основном с месторождений Сахалин-1 и Сахалин-2 – стал заметным, приблизившись к 5 млн. т²². Импортируя более 70% нефти с беспокойного Ближнего Востока, Сеул вынужден обеспечивать свою экономическую безопасность через изменение географии поставок нефти, в том числе развивая отношения с Россией.

Как заметил Генеральный консул РК во Владивостоке Ким Му Ён, появившаяся у Кореи возможность покупать энергоресурсы, добытые на месторождениях, расположенных географически близко, «позволяет сократить время доставки и избежать многих рисков, которые существуют в случае транспортировки энергоносителей из стран Ближнего Востока»²³.

В 2010 г. начались поставки в Республику Корею восточносибирской нефти через запущенный в эксплуатацию 28 декабря 2009 г. нефтепорт Козьмино – дочернее предприятие ОАО «АК «Транснефть». По состоянию на 11 мая 2010 г. через этот порт в страны АТР уже было отправлено более 5 млн. т нефти, из них почти 40% – в Южную Корею²⁴.

Разведочные работы на камчатском шельфе продолжает вести группа корейских компаний во главе с Korea National Oil Company (KNOK)²⁵, которая рассчитывает начать добычу нефти в 2012 г.²⁶.

Резкое увеличение стоимости энергоресурсов в 2004 г. и растущая конкуренция за нефть с другими странами региона, особенно с Китаем, заставили Сеул активизировать свои действия, направленные на снижение уровня энергетической зависимости от нефти, увеличение потребления природного газа и освоение альтернативных источников энергии²⁷.

С 1995 г. группа южнокорейских компаний продвигала идею поставки газа с Ковыктинского месторождения в Иркутской области и прорабатывала проект строительства

газопровода по маршруту Иркутск – Монголия – Китай – КНДР – РК. Как утверждают корейские специалисты, под давлением Китая маршрут был изменен и приобрел новую конфигурацию: Иркутск – Харбин – Даньдун – Пхеньян – Южная Корея²⁸.

Замышляя проект, корейские политики намеревались не только решить проблему газификации Южной Кореи, но также и оказать содействие в преодолении энергетического голода на Севере полуострова, создать еще одно условие для прекращения ядерных программ Пхеньяна и ослабить противоречия между Севером и Югом.

И хотя некоторые эксперты утверждают, что в ноябре 2005 г. на саммите АТЭС этот проект был окончательно похоронен²⁹, видимо, как под грузом разногласий между тремя его потенциальными участниками, так и в связи с невозможностью его реализации при нынешнем положении дел в КНДР, тем не менее, южнокорейская сторона не оставляет надежд на участие в освоении Ковыктинского месторождения и продолжает рассматривать строительство газопровода как важнейшее средство решения политических проблем.

Как заявил посол РК в России Ли Юн Хо, «проект строительства газопровода, пролегающего из России через Северную Корею в Республику Корея – это не просто газовый проект, а «мирная деятельность», которая принесет стабильность и мир как для Корейского полуострова, так и для Северо-Восточной Азии»³⁰.

Сегодня корейская сторона строит расчеты на магистральный газопровод Сахалин – Хабаровск – Владивосток, который должен быть построен до 2015 г. и может найти продолжение на Корейском полуострове. Тогда Республика Корея будет закупать газа в объеме 7,5 млн.т СПГ в год, благодаря чему доля российского газа в структуре импорта страны увеличится с нынешних 6% до 30%³¹.

Начиная с 2009 г. Корейская газовая корпорация (KOGAS) закупает также 1,5 млн.т в год СПГ, производимого на заводе по сжижению газа компании Sakhalin Energy в пос. Пригородное в рамках проекта Сахалин-2³².

Инвестиции

Еще до установления дипломатических отношений южнокорейские бизнесмены начали вынашивать планы масштабных инвестиций в Россию, и уже тогда главной зоной их внимания были районы Дальнего Востока. При этом географическая близость региона и наличие 60 тысяч этнических корейцев, живших на Дальнем Востоке, рассматривались как благоприятные условия для осуществления капиталовложений³³. Первоначальный энтузиазм дальневосточников и их южнокорейских коллег способствовал обсуждению десятков потенциальных проектов, реализовано из которых за прошедшие два десятилетия было немного.

Первоначально в 1990-е годы почти 100% южнокорейских инвестиций направлялись в Приморский край³⁴. Одним из первых масштабных проектов стало российско-корейское лесозаготовительное предприятие «Светлая», созданное в июне 1989 г. корпорацией «Хёндэ» (50% капитала) и российскими предприятиями «Приморсклеспром» и «Тернейлес» (по 25% капитала). Вторым крупным проектом «Хёндэ» стал 12-этажный бизнес-центр с одноименным названием в г. Владивостоке, который был открыт в 1997 г. Одним из успешных примеров капиталовложений южнокорейского бизнеса стала ОАО "Новая телефонная компания" (НТК), основанная в 1992 г.

Однако многочисленные проблемы, с которыми столкнулись эти и другие компании при реализации своих проектов – от высоких налогов и вымогательства чиновников до

протестов аборигенных народов и экологов – стали серьезным тормозом для других инвесторов³⁵.

Уже к 1994 г. «оптимизм южнокорейцев в отношении России в основном иссяк», однако «Южная Корея продолжала считать, что Россия ей необходима»³⁶. В этих условиях экономические дивиденды приносились в жертву политическим результатам, и правительство Республики Корея продолжало поддерживать активность бизнесменов, готовых рисковать в бурном море российских реформ.

В результате, несмотря на все трудности, был реализован еще ряд успешных корейских проектов в легкой промышленности и сфере средств связи в Приморском крае. На 1 января 2001 г. корейские инвестиции составили 37% от общего объема накопленных иностранных инвестиций в Приморье. В крае действовали 62 российско-корейских предприятия³⁷.

Интересным проектом, созданным для обхода рогаток, возведенных правительством США на пути южнокорейского экспорта, стало создание на территории Приморского края серии швейных фабрик, работавших на корейском сырье. Готовая продукция – мужские рубашки, футболки и другой текстиль экспортировались в США уже как российская продукция. В 2003 г. в Приморье действовали 23 швейные фабрики и 2 предприятия по производству упаковок для швейных изделий, на которых было занято 9700 рабочих, в том числе 900 – из Китая³⁸.

Однако ужесточение американских требований, введение с 1 января 2004 г. в России нового Таможенного кодекса, другие чисто внутренние российские проблемы привели к закрытию (!) всех этих фабрик.

С начала нового века Республика Корея стала больше средств вкладывать в развитие других территорий Дальнего Востока. К 2006 г. общий объем заявленных корейских инвестиций в регионе составил 210, а вложенных – почти 89 млн. долл.³⁹. В течение 2007-2008 гг. они увеличились еще на 210 млн. долл. Львиная доля этих инвестиций пошла на Сахалин (127,7 млн. долл.) и Камчатку (48 млн. долл.)⁴⁰. Они вкладывались преимущественно в нефтегазовую отрасль.

Однако более половины дальневосточных капиталовложений Южной Кореи (162,4 млн. долл. на конец 2009 г.) по-прежнему сосредоточены в Приморье. Это составляет 11% от всех иностранных инвестиций в крае, что позволяет РК входить в четверку его крупнейших зарубежных инвесторов⁴¹.

Долго вынашивался, но так и не заработал проект технопарка в Находка: соглашение о совместной работе по созданию южнокорейского технопарка было подписано в сентябре 1994 г.⁴², затем его ратифицировала Национальная Ассамблея Республики Корея, но он не был одобрен Государственной Думой России.

Тем не менее, корейский бизнес не опускает руки. Корейскую философию в этом вопросе изложил Генеральный консул РК во Владивостоке Ким Му Ён: «Условия ведения бизнеса в России можно назвать достаточно трудными, иногда даже спартанскими. Но не стоит дожидаться пока эти условия станут парниковыми или просто изумительными. Нужно приходить сейчас и начинать работать, чтобы достичь определенных высот в России.

В этом плане характер корейского предпринимателя во многом схож с характером российского бизнесмена»⁴³. Поэтому в той же Находке уже сегодня реализуются проекты по строительству контейнерного терминала на базе Находкинского рыбного порта⁴⁴ и судовой верфи⁴⁵, во Владивостоке – промышленная сборка автомобилей «Ssang Yong» на базе «Дальзавода»⁴⁶, в Приморском крае – проект корпорации «Hyundai Heavy Industries Co., Ltd.» по выращиванию сои и кукурузы⁴⁷.

Гуманитарные связи

Важность дальневосточного «плацдарма» российско-корейских отношений обусловлена еще одним фактором: давними симпатиями дальневосточников к Корее и корейцам. В отличие от представителей других азиатских культур, прежде всего Китая и Японии, они уже давно стали как бы своими.

Замечено, что еще в конце XIX в. восприятие славянами представителей различных восточноазиатских культур (аборигенов, китайцев, японцев и корейцев) шло не столько через призму их непохожести (культурного отличия), сколько через восприятие стоявшей за ними государственности и готовности их к ассимиляции русскими. Именно это обстоятельство определяло различное – негативное к китайцам и положительное к корейцам – отношение на этапе освоения и заселения Приамурья⁴⁸.

Не удивительно, что даже несмотря на депортацию более 200 тыс. корейцев с Дальнего Востока в 1936-1938 гг., они остаются одной из основных этнических групп населения региона и являются типичным (в отличие от китайцев или японцев) компонентом местной культуры.

Соседство с Корейским полуостровом заставляло дальневосточников острее переживать за его непростую судьбу и сочувствовать его народу, регулярно становившемуся жертвой внешних экспансий. Отсюда – их особое отношение к Северной Корее и готовность к сотрудничеству с Южной.

Видимо, исходя из этих причин, уже на первом этапе развития отношений с Россией Сеул в целях укрепления своего престижа и продвижения корейских интересов на Дальнем Востоке активно пытался задействовать ресурс народной дипломатии. Одним из важных шагов в этом направлении стала активная поддержка корейской диаспоры на Дальнем Востоке, в частности, начинаний по возвращению корейцев из Центральной Азии в Приморье и идеи создания в крае корейской национальной автономии⁴⁹.

Явное нежелание корейцев из Центральной Азии в массовом порядке возвращаться на свою «вторую родину», с одной стороны⁵⁰, а также отрицательная реакция власти и населения Приморья на предложения о создании автономии, с другой, поставили крест на этих начинаниях, и проект, в конечном счете, свелся к строительству для переселенцев «корейской деревни» в районе г. Уссурийска.

Вопрос о создании деревни обсуждался на встрече приморского губернатора Е. Наздратенко и президента РК Ким Дэ Чжуна в 1999 г. в Сеуле, а в мае 2000 г. состоялась торжественная церемония закладки фундамента первого дома, на которой присутствовали Генеральный консул РК в г. Владивостоке Тэ Сок Вон и председатель Ассоциации жилищного строительства Кореи Пак Гиль Хун⁵¹.

Администрации Приморского края и Михайловского района выделили около 2 тыс. га земли, а Ассоциация жилищного строительства Кореи взяла на себя финансирование строительства⁵². Правда, после того, как на возведение 31 дома первой очереди ушло средств вдвое больше запланированного, а на бюрократов и взяточников – в 2,5 раза больше денег, чем на само строительство, южнокорейские инвесторы решили проект законсервировать. 24 дома заселили корейцы-переселенцы, оставшиеся 8 – местные бюджетники⁵³.

В ряду других гуманитарных проектов Республики Корея на Дальнем Востоке – активная деятельность корейской христианской церкви на Дальнем Востоке⁵⁴, поддержка научных мероприятий по изучению истории государства «Бохай» (археологических экспедиций, научных конференций, совместных исследований), изучения корейского языка и культуры.

Одной из самых заметных и важных акций, предпринятых в этом направлении, было создание в рамках Дальневосточного государственного университета Высшего колледжа корееведения, построенного в 1995 г. на деньги компании «КОНАР». Сегодня в стенах колледжа, который считается одним из лучших в России центров по изучению Кореи, обучаются около 250 студентов.

Не менее активно изучение Кореи идет на Сахалине. Еще в 1993 г. при содействии правительства РК в г. Южно-Сахалинске был создан Центр просвещения Республики Корея. Позднее там же состоялось открытие Корейского культурного центра. В настоящее время в 11-ти общеобразовательных школах области более 1,5 тысяч ребят изучают корейский язык. Более 60 лет на Сахалине издается старейшая в России общественно-политическая газета на корейском языке «Сэ коре синмун». На одном из областных телеканалов в эфир регулярно выходят программы на корейском языке.

Одно из направлений гуманитарного обмена – туризм, хотя особых достижений на этом направлении достигнуто не было. Только в апреле 2005 г. во Владивостоке было открыто представительство Национальной организации туризма Кореи (НОТК). По утверждению директора этого представительства Пак Хюн Бона, в 2008 г. Республику Корея посетили более 13 тыс. дальневосточников, из Южной Кореи на Дальний Восток России приехали менее 8 тыс. человек. И главный тормоз для развития корейского туризма лежит на российской стороне – неразвитая инфраструктура, низкий уровень сервиса, бюрократия на границе⁵⁵.

Основная часть туристического потока с обеих сторон концентрируется на линии Владивосток – Сеул, причем Приморский край в последние годы стабильно формирует более трети всего туристического потока из России на Корейский полуостров. Все большей популярностью пользуется т.н. «медицинский туризм», в рамках которого все больше дальневосточников выезжает на лечение в Южную Корею.

Открытие международной судоходной линия Донхэ (Корея) – Сакаиминато (Япония) – Владивосток (Россия) (7 июля 2009 г.), впервые связавшая сразу три страны Азиатско-Тихоокеанского региона, наверняка будет способствовать развитию экономики, туризма и гуманитарных связей в регионе⁵⁶.

Таблица 2. Российско-корейский туризм (чел.)

	Годы			
	2006	2007	2008	2009
Выезд туристов из России в РК	28 911	32 573	49 414	58 704
Выезд туристов из Приморья в РК	11 050	10 165	13 739	22 618
Доля туристов из Приморья в общем числе российских туристов в РК, %	38,2	31,2	27,8	38,5
Въезд граждан РК в Россию	42 951	48 825	47 343	35 200
Въезд граждан РК в Приморье	8316	6991	7808	4935
Доля Приморья в числа корейских туристов в РФ, %	19,4	14,3	16,5	14,0

Составлено по: <http://www.russiatourism.ru/>; справки департамента туризма Приморского края.

Перспективы

На сегодня в достаточно сложном комплексе отношений России со странами АТР в целом и восточных районов России, в частности, перспективы их взаимодействия со странами Корейского полуострова кажутся наиболее оптимистичными.

✱ Во-первых, в отношениях между ними отсутствуют какие-либо заметные и, тем более, принципиальные противоречия.

✱ Во-вторых, налицо общие интересы трех государств, которые в значительной степени фокусируются на территории Дальнего Востока. Первый по важности – развязывание «корейского узла» как критического условия обеспечения успешного развития Кореи – в будущем единого и независимого государства, вносящего свой вклад в обеспечение региональной безопасности в СВА.

✱ В-третьих, историческая память также не предполагает наличия «подводных камней» и скрытых обид. В ее багаже положительный массив значительно перевешивает пропагандистские войны и отдельные эксцессы времен «холодной войны», а географическая близость двух государств заставляет их бережно относиться к отношениям с соседом, какие бы партии не разыгрывались другими участниками большой шахматной игры на просторах АТР.

Один из важнейших путей решения проблемы, объективно работающий на интересы всех четырех сторон (включая специфические интересы Тихоокеанской России) – их вовлеченность в общие экономические проекты.

В числе таких проектов – соединение Транскорейской и транссибирской железнодорожных магистралей⁵⁷, строительство нефте- и газопроводов⁵⁸ и линий поставки электроэнергии, производство сельхозпродукции (преимущественно экологически чистой) на территории Приморского края.

Новая и достаточно смелая идея (если она, конечно, не предложена российской власти Сеулом из чисто тактических соображений) – готовность РК в случае воссоединения Корейского полуострова признать Дальний Восток в качестве «перспективного хаба товарооборота в Северо-Восточной Азии».

В этом случае, как заметил посол РК в России Ли Юн Хо, «Республика Корея может помочь в строительстве инфраструктуры, в которой нуждается Россия, в том числе железных дорог, портов, автодорог», хотя и без этого она готова участвовать и в освоении ее природных ресурсов, и в создании «промышленности для увеличения добавленной стоимости». Существует и возможность участия Республики Корея в сельском хозяйстве, рыболовстве и переработке морепродуктов, в судостроении⁵⁹.

Эти намерения совпадают с желанием и Москвы, которая надеется, что «в перспективе Республика Корея может стать источником крупных капиталовложений в экономику России, а также поставщиком на российский рынок, прежде всего в сибирский и дальневосточный регионы, современной техники и технологий»⁶⁰.

В этом же заинтересованы и дальневосточные территории, которые имеют свои виды на Корейский полуостров. По мнению полпреда президента по ДВФО В. Ишаева, высказанному на пресс-конференции после его визита в Сеул, перспективными направлениями для развития отношений дальневосточных территорий России с Кореей являются создание и эксплуатация деревоперерабатывающего комплекса на территории российского Дальнего Востока, освоение биоресурсов, а также крупнотоннажное судостроение (строительство танкеров, судов по перевозке сжиженного газа, нефтяных платформ)⁶¹.

Сегодня восточный форпост России стремится стать плацдармом российского экономического, политического и гуманитарного присутствия в регионе. Республика Корея, похоже, в этом также заинтересована. Взаимная заинтересованность двух позволяет надеяться на дальнейшее развитие сотрудничества.

Примечания

¹По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. на Дальнем Востоке проживали 61,9 тыс. корейцев, являясь четвертой по численности (после русских, якутов и украинцев) этнической группой населения региона (Национальный состав населения, владение языками и гражданство в Дальневосточном федеральном округе. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический сборник. Владивосток: Примкрайстат, 2008, стр. 6).

²От конфронтации к сотрудничеству. Беседа с президентом Республики Корея Ро Дэ У // Известия. 1991, 23 марта.

³Владивосток. 1994, 8 июня. Не удивительно, что еще в 1992 г именно во Владивостоке открылись Генеральное консульство Республики Корея и Представительство Корейского агентства по развитию торговли и инвестиций (KOTRA), которое обслуживает все регионы Сибири и Дальнего Востока и выполняет функции коммерческого отдела Генконсульства РК.

⁴Во время визита Ким Ён Сама во Владивосток сопровождавшие его корейские бизнесмены выражали опасения за судьбу корейских инвестиций в крае, ссылаясь на неотлаженное налогообложение, нечеткие правовые нормы, отсутствие государственного страхования инвестиций и другие проблемы (см.: Корейское урегулирование и интересы России. М.: Русская панорама, 2008, стр. 98).

⁵В своей речи в Московском университете Ким Дэ Чжун заявил об «огромном интересе Республики Корея к развитию Восточной Сибири и Приморского края», особенно в сфере создания индустриального комплекса в г. Находка и освоении природных ресурсов – Address by President Kim Dae-jung at Moscow State University // Korea and World Affairs. 1999. Vol. XXIII. No.2, p. 285.

⁶Российско-корейская Совместная декларация (<http://www.kremlin.ru/text/docs/2004/09>)

⁷Kim Samuel S. The Two Koreas and the Great Powers. N.Y.: Cambridge Univ. Press., 2007, p. 140.

⁸Российско-Корейский совместный план действий в области торгово-экономического сотрудничества (<http://www.Russian-embassy.org/Press/Plan.htm>)

⁹<http://www.mofat.go.kr/index.jsp>

¹⁰S. Korea, Russia discuss joint development of Russian Far East (http://www.kois.go.kr/news/News/newsView.asp?serial_no=20080124001)

¹¹Заявления для прессы по итогам российско-южнокорейских переговоров (http://www.kremlin.ru/appears/2008/09/29/1725_type63377type63380_207006.shtml)

¹²См.: Совместное заявление Российской Федерации и Республики Корея (<http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/09/207020.shtml>)

¹³«Железный шелковый путь» – соединение Транскорейской и Транссибирской железнодорожных магистралей; «энергетический шелковый путь» – усиление сотрудничества в сфере энергетики посредством «соединения богатых ресурсов России с корейскими технологиями и опытом создания инфраструктуры»; «зеленый шелковый путь» – создание «зеленого пояса», простирающегося от Тихого океана до Центральной Азии

посредством приложения корейских аграрных технологий и эффективного менеджмента к обширным сельскохозяйственным угодьям Приморского края (см.: 2009 Diplomatic White Paper. Seoul: Ministry of Foreign Affairs and Trade, 2010, p. 59).

¹⁴<http://www.rian.ru/politics/20100428/227801150.html>

¹⁵См.: Российский Дальний Восток и Республика Корея выступают за тесное экономическое сотрудничество (<http://vostokmedia.ru/n54054.html>). Делегацию, в которую также входили губернаторы Приморского края С. Дарькин, Хабаровского края В. Шпорт и Сахалинской области А. Хорошавин, другие официальные лица и представители деловых кругов, помимо этого принимали министр иностранных дел и внешней торговли Ю Мён Хван, министр инновационной экономики Ли Юн Хо, министр государственных территорий и морских дел Чон Чжон Хван, президент корпорации «STX group», президент Корейской ассоциации международной торговли Са Гон Иль.

¹⁶http://www.minregion.ru/activities/international_relations/interstate_coop/Korea/137.html

¹⁷См.: Итоговый доклад Пятого заседания Комитета по Дальнему Востоку и Сибири Российско-корейской совместной Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству и Четвертого Дальневосточного международного экономического форума. 8-9 сентября 2009 г., Хабаровск. Seoul: Ministry of Foreign Affairs and Trade, 2010.

¹⁸Рассчитано по: Monthly Bulletin on Trade with Russia & East Europe. July 2000, p. 120-143.

¹⁹Как писала в 1995 г. газета «Владивосток», «среднестатистический житель Владивостока носит корейский спортивный костюм «Монтана», корейские кроссовки «Адидас», пользуется корейской туалетной бумагой, чистит зубы корейской зубной пастой, пьет корейскую «Кока-колу», закусывая «Чоко-паям». Только ленивый не торгует с Кореей» (Степченко А. Под «крышей» дела своего // Владивосток. 1995. 18 марта). Большая часть этих товаров поступала по линии «челночной торговли».

²⁰Рассчитано по: Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам (<http://www.customs.ru/stats/archiv-stats-new/popup/php?id286=632>)

²¹Деваева Е.И., Котова Т.Е. Внешняя торговля Дальнего Востока России: современное состояние и тенденции развития // Пространственная экономика. 2009. № 4, стр. 48-50.

²²Коржубаев А. О стратегии взаимодействия России со странами АТР в нефтегазовой сфере // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2, стр. 74.

²³Шелковые пути сотрудничества (<http://www.zrpress.ru/zr/2010/26/6>)

²⁴<http://www.smnpru/news/newsitem/?id=3705>. Оставшиеся 20% были отгружены в Японию, 14% – в США, 11% – в Китай, 8% – в Таиланд, по 4% – в Тайвань и Сингапур.

²⁵В числе этих компаний – KeangNam Enterprise, Daesung Industrial Co., Ltd., SK Gas. Корейским компаниям принадлежит по 50% акций в первых двух проектах и 40% – в третьем. Разведка ведется на лицензионных участках Тигил, Ича и Западно-камчатский на основе соглашений, подписанных в ноябре-декабре 2005 г. с ООО «Петро-камчатка» и «Транснефть». (См.: http://www.knoc.co.kr/ENG/sub03_1_4_1.jsp)

²⁶2007 Diplomatic White Paper. Seoul: Ministry of Foreign Affairs and Trade, 2007, p. 75.

²⁷Kim Samuel S. The Two Koreas and the Great Powers. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2007, p. 146.

²⁸Kim Euikon. Northeast Asian Energy Cooperation: The Irkutsk Pipeline Project // Pacific Focus. 2004. Vol. XIX, No. 2, p. 179.

²⁹См.: Хон Ван Сок, Белокурова Г. Российско-южнокорейское сотрудничество: перспективы и ограничения // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 3, стр. 103.

³⁰<http://www.rian.ru/politics/20100428/227801150.html>

³¹Шелковые пути сотрудничества (<http://www.zrpress.ru/zr/2010/26/6>).

³²Завод был запущен 18 февраля 2009 г. В церемонии открытия принял участие министр инновационной экономики Южной Кореи Ли Юн Хо. За 2009 г. завод отгрузил св. 5,5 млн. т сжиженного природного газа. Основная доля (более 50%) поступила в Японию, оставшаяся – в Южную Корею, Индию, Кувейт, КНР и на Тайвань.

³³Joo Seung-No. ROK-Russian Economic Relations, 1992-2001 // Korea and World Affairs. 2001. Vol. XXV. No. 3, p. 375.

³⁴Сун Ил Сок. Экономическое сотрудничество между Востоком России и Южной Кореей в топливно-энергетическом секторе для эффективного экономического развития Востока России // Третий Дальневосточный международный экономический форум. Хабаровск, 2008. Т. 4, стр. 143.

³⁵Подробнее см.: Забровская Л.В. Южнокорейские инвестиции в России // Вестник ДВО РАН. 1996. № 6, стр. 56-66.

³⁶Rozman Gilbert. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, p. 167.

³⁷Приморский край в 2000 году. Владивосток: Примкрайстат, 2001, стр. 126, 175.

³⁸Дробышева И. Корейский ориентир // Дальневосточный капитал. 2004. № 1. (<http://dvkapital.ru/subjnum/2004/0101.asp>).

³⁹Сун Ил Сок. Указ. соч. стр. 144.

⁴⁰2008 нэн-но росиа кёкуто-но кайкоку то:си (Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке в 2008 г.). JETRO: 2009. Сентябрь, стр. 10-20.

⁴¹Об иностранных инвестициях в экономику Приморского края в 2009 году. Аналитическая записка. Владивосток: Приморскстат, 2010, стр. 5.

⁴²Соглашение по Корейскому технопарку в свободной экономической зоне «Находка» было парафировано в Сеуле на заседании российско-корейской экономической комиссии. Предполагалось, что технопарк будет располагаться на территории в 330 га, которая передается южнокорейской стороне в аренду на 49 лет. В технопарке планировалось разместить не менее 100 южнокорейских фирм и создать 15 тыс. рабочих мест. Производства было рассчитано на выпуск пищевой продукции, изделий электронной и легкой промышленности, глубокую переработку леса. На территории корейского технопарка планировался выпуск изделий не менее чем на 2 млрд. долл. в год. В мае 1999 г. было подписано межправительственное соглашение о создании российско-корейского промышленного комплекса в СЭЗ Находка, а по итогам саммита в Москве Б.Н. Ельцин и Ким Дэ Чжун подписали 28 мая 1999 г. Совместное заявление, в котором создание этого комплекса рассматривалось как «важный проект для развития экономического сотрудничества между двумя странами» (См.: Joint Statement Issued after the Summit Meetings between President Kim Dae-jung and Russian President Boris Eltsin // Korea and World Affairs. 1999. Vol. XXIII. No. 2, p. 281).

⁴³Генеральный консул Республики Корея во Владивостоке Ким Му Ён – о саммите АТЭС-2012, медицине, туризме и бизнесе (http://www.dv-reclama.ru/dvbusiness/interview/detail.php?ELEMENT_ID=11695)

⁴⁴На создание специализированного комплекса по переработке 400 тыс. контейнеров в год для доставки корейских грузов через Россию в Европу владелец порта – «Дальневосточная транспортная группа» и управляющая компания порта Пусан «Busan Port Authority» (BPA) намерены затратить около \$90 млн. долл. (2,25 млрд. руб.) Для реализации проекта BPA создала совместное предприятие с Glovis Co., Daewoo Logistics Corp. и Sinokor Merchant Marine Co. Основные средства на модернизацию порта должны быть привлечены от

иностранных инвесторов (Рыбный порт поставят на контейнерный поток // Коммерсантъ (Хабаровск). 2008. 3 апреля).

⁴⁵ООО «Роскор» было основано 20 апреля 2009 г. Учредители – ОАО «Приморский завод» и «Hanaro Shipbuilding Co., Ltd», каждому из которых принадлежит по 50% уставного капитала. Предприятие предназначено для строительства судов рыбопромыслового флота (6-7 крупнотоннажных или 20-24 среднетоннажных в год), модернизации судов и производства металлоконструкций. 1 апреля 2010 г. завод представил потенциальным заказчикам эскизный проект среднего траулера для ознакомления, обсуждения и выработки обобщенных предложений по нему, а также определения необходимого потребителям количества судов этого типа и механизма финансирования их постройки (<http://www.fishnet.ru/news/news-16233.html?show=free>).

⁴⁶Старейший на Дальнем Востоке судоремонтный завод, оказавшийся в годы реформ на грани банкротства, сегодня известен тем, что на его базе создан первый на Дальнем Востоке автомобильный завод, где компания «Солерс» намерена собирать автомобили марок SsangYong, УАЗ Patriot, японские грузовики Isuzu и спецавтомобили на базе Fiat Ducato. Производственные мощности предприятия в 2010 г. составят 15 тыс. автомобилей в год (из них 10 тыс. – SsangYong) с дальнейшим расширением к 2012 г. до 40 тыс. автомобилей, которые будут сбываться по всей России. Завод открыл 29 декабря 2009 г. премьер-министр России В. Путин, который лично протестировал первый сошедший с конвейера автомобиль «УАЗ Патриот», а потом подарил его премьер-министру Италии С. Берлускони. В марте 2010 г. на заводе был собран тысячный экземпляр SsangYong Kyron, а в середине апреля началась сборка новой для завода модели SsangYong – Actyon, а с 11 июня – рамный внедорожник SsangYong Rexton II.

⁴⁷В этот проект вложены более 15 млн. долл., под посевами заняты около 3 тыс. га, а рынками сбыта продукции должны стать как Россия, так и – после ее первичной переработки – Корея.

⁴⁸См.: Ларин В.Л. Хрупкая граница: тихоокеанское побережье России и восточноазиатские культуры и цивилизации // Российские соотечественники в Азиатско-тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества. Владивосток: «Комсомолка-ДВ», 2003, стр. 12-14.

⁴⁹Вопрос о возвращении в Приморье депортированных корейцев встал после того, как в начале 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов». Уже в феврале того года руководители Всесоюзной организации советских корейцев выступили с инициативой о переселении 500 тыс. корейцев из Центральной Азии в Приморье, а в январе 1992 г. – с предложением создать «корейскую экономическую зону» на восточном побережье края, переселив туда 80-100 тыс. корейцев.

⁵⁰Подробнее см.: Ващук А.С. Корейская диаспора в Приморье через призму миграций (90-е годы XX в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1999. № 3, стр. 42-51.

⁵¹В феврале 2001 г. Пак Гиль Хун вместе с еще шестью гражданами РК был награжден орденом Дружбы «за большой личный вклад в становление и развитие российско-корейских межгосударственных отношений».

⁵²http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_704_aId_24756.html. Амбициозный проект предполагал строительство 1000 индивидуальных домов, двух детсадов, школы, больницы, аптеки, клуба, кафе, магазина, комбината бытового обслуживания и административного здания.

⁵³Подробнее о коллизиях строительства см.: Пак О. Судьба корейской Дружбы // Золотой Рог. 2006. 19 сент.

⁵⁴В конце 1990-х годов только в Приморском крае насчитывалось более 30 южнокорейских общин христианского толка, которые возглавлялись корейскими миссионерами.

⁵⁵http://www.dv-reclama.ru/dvbussines/companynews/detail.php?ELEMENT_ID=11407

⁵⁶Пассажирско-грузовой паром «Eastern Dream» имеет тоннаж 15 тыс. т, длину – 140 м, ширину – 20 м, скорость – 22 узла. Перевозит 500 пассажиров, 66 автомобилей, до 130 контейнеров (по 20 футов).

⁵⁷Сеул рассчитывает, что пуск в эксплуатацию транскорейской магистрали позволит к 2025 г. доставлять по ней более 5 млн. т грузов в год (2007 Diplomatic White Paper. Seoul: Ministry of Foreign Affairs and Trade, 2007, р. 75).

⁵⁸Корея может стать одним из главных потребителей российских энергоресурсов на Востоке. По некоторым расчетам, к 2030 г. в Корею может поставляться 30 млн.т нефти и 35 млрд. куб.м газа в год (Коржубаев А. Указ. соч. стр. 72-73).

⁵⁹<http://www.rian.ru/politics/20100428/227801150.html>

⁶⁰Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года. М.: Минэкономразвития России, 2008, стр. 29.

⁶¹<http://vostokmedia.ru/n54054.html>

АМИРОВ В.Б. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Россия в Северо-Восточной Азии

Отношения России с Южной Кореей (впрочем, с обоими корейскими государствами) испытывали естественное воздействие изменений в связях РФ с другими восточноазиатскими соседями и перемен в общей обстановке в регионе, прежде всего, в Северо-Восточной Азии (СВА).

Эволюцию взаимодействия России с Республикой Корея характеризовали развитие, расширение всего комплекса двусторонних связей, рост взаимопонимания и общее улучшение атмосферы отношений между странами – все это отмечено выше в других статьях сборника, и здесь нет нужды повторяться.

Напротив, в отношениях России с КНДР не получилось, по разным причинам, но главным образом из-за принципиальной нереформируемости северокорейского режима, найти способы, пути к укреплению в новой российской ситуации двусторонних связей, особенно экономических и, особенно, с подключением к ним Южной Кореи. А именно в развитии трехсторонних связей России с Южной и Северной Кореей был заложен, видимо, наибольший потенциал установления взаимодействия между Россией и Севером полуострова в новых условиях после распада СССР.

Помимо Южной Кореи России удалось существенно расширить спектр своих отношений с крупнейшими региональными державами – Китаем и Японией. Заметно улучшилась и атмосфера для развития двусторонних связей.

Россия – Китай. Отношения с Китаем переведены в разряд стратегического партнерства, решены, по крайней мере, на среднесрочную перспективу, проблемы территориального размежевания, резко вырос взаимный товарооборот, получило заметное развитие военно-техническое сотрудничество, осуществляется координация (согласование) позиций по различным международным вопросам и т.п.

Есть проблемы дальнейшего развития отношений, их нового наполнения – и экономического, и политического. Но это уже задачи иного уровня, несравнимые с теми, что были в начале 1990-х годов, когда речь шла об укреплении процесса нормализации двусторонних связей, фактически начатой визитом М. Горбачева в Пекин в 1989 г., и расчистке завалов периода напряженности в советско-китайских отношениях.

Россия – Япония. Российско-японские отношения уже в 1990-е годы получили развитие в тех областях, где в годы Советского Союза они были просто немыслимы. По крайней мере, в нынешних масштабах. Это и гуманитарные контакты, и внешнеполитическое взаимодействие, и обмены по военной линии, что, может быть, особенно важно с точки зрения укрепления взаимного доверия.

1990-е годы оказались периодом стагнации торгово-экономических связей. Однако в первое десятилетие XXI в. двусторонняя торговля значительно выросла. Появились и первые крупные инвестиционные проекты на российской территории с участием японского капитала. По известной территориальной проблеме позиции России и Японии фактически не сблизились, но она в меньшей степени мешает развитию двусторонних связей, чем могла бы.

Хотя периодически те или иные шаги Японии по поводу «северных территорий» на некоторое время портят атмосферу двусторонних отношений.

Тем не менее, постепенное продвижение российско-японского экономического сотрудничества, в т.ч. с участием регионов российского Дальнего Востока служат укреплению экономической базы двусторонних отношений, что в любом случае крайне важно для их стабильного развития.

Еще один важный момент, касающийся связей России с регионом – поворот российского Дальнего Востока к внешнеэкономическим связям со странами АТР, прежде всего, с соседями по СВА. Если раньше внешнеэкономический обмен с ними шел «через Москву», то «открытие» Дальнего Востока позволило в короткие сроки нарастить разного рода контакты с Азиатско-тихоокеанским регионом, особенно в экономической области.

В целом, при всех отмеченных выше, в других статьях сборника, проблемах, отношения России с соседями по Северо-Восточной Азии существенно расширились. Обстановка для их дальнейшего развития существенно улучшилась, и место Российской Федерации в СВА стало более заметным, а характер ее присутствия в региональной экономике и политике стал намного более позитивным, чем во времена СССР.

На ситуацию в Северо-Восточной Азии (как и в целом в АТР) традиционно мощное экономическое и военно-политическое воздействие оказывает присутствие в регионе Соединенных Штатов.

Для России, да и для укрепления региональной безопасности, было бы важным наладить российско-американский диалог по транстихоокеанской проблематике, в том числе по ситуации в Северо-Восточной Азии.

Приход администрации президента Б. Обамы способствовал переменам, прежде всего, в атмосфере российско-американских отношений. Они, как известно, дошли до низшей точки после конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Впрочем, и сам конфликт во многом явился результатом последовательного ухудшения американо-российских отношений в период президентства Дж. Буша мл.

Его никак не исправила т.н. Сочинская декларация – Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений, подписанная 6 апреля 2008 г. в Сочи на встрече В. Путина и Дж. Буша за месяц до вступления в должность избранного президента Д. Медведева и в разгар предвыборной кампании в Соединенных Штатах. В Декларации в очередной раз подтверждалось, «что эра, когда Россия и США рассматривали друг друга как врага или как стратегическую угрозу, закончилась». В ней говорилось, что обе страны «...полны решимости работать вместе ... для решения задач, связанных с глобальными вызовами 21-го века, переводя российско-американские отношения из состояния стратегического соперничества в стратегическое партнерство». Там же, где между Россией и Соединенными Штатами есть разногласия, обе стороны заявили, что будут «работать вместе для их урегулирования в духе взаимоуважения»¹.

В реальности же Соединенные Штаты продолжали курс на ограничение маневра России на постсоветском пространстве и сдерживание ее «вновь обретенной напористости», иногда, правда, переходящей в самоуверенность на основе завышенной оценки внешнеполитических возможностей, исходящих из энергетической роли России в мире.

Как известно, новая администрация США выступила с идеей т.н. «перезагрузки» американо-российских отношений. По первому впечатлению, она касается именно изменения атмосферы двусторонних отношений. И кое-что в этом плане за истекшие

примерно полтора года удалось сделать. Резко снизилась острота полемики, появился рабочий настрой на решение ряда вопросов на основе учета взаимных интересов. Администрацию же Буша учет интересов России не очень интересовал. (Как, впрочем, и администрацию Б. Клинтона).

В результате визита Б. Обамы в Россию в 2009 г. намечен целый ряд направлений сотрудничества: от стратегических вооружений до экономики и гуманитарных вопросов, по которым созданы двусторонние рабочие группы в рамках общей российско-американской Президентской комиссии. Это сотрудничество получило свое подкрепление в результате ответного визита президента Медведева в США в июне 2010 г. Он добавил новые идеи. Среди них – программа модернизации России, объявленная Д. Медведевым и возможности сотрудничества с Соединенными Штатами в сфере внедрения новых технологий в российскую экономику (пример Кремниевой долины).

Сейчас стороны, как известно, находятся в процессе ратификации подписанного в апреле с.г. в Праге российско-американского Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). В принципе само сокращение двух крупнейших в мире арсеналов стратегических вооружений важно. Может быть, прежде всего для того, чтобы не давать повода другим государствам наращивать свои средства массового поражения. И это напрямую относится и к Северо-Восточной Азии.

Конечно, остается проблема противоракетной обороны (ПРО), ее увязки с ограничением наступательных вооружений. Однако решение Б. Обамы отказаться от развертывания третьего позиционного района в Восточной Европе позволяет вести поиск форм сотрудничества и в этой области, как на уровне экспертов, так и ответственных за соответствующие направления государственной политики бюрократов.

Проблема развития ПРО, в данном случае ПРО ТВД (театра военных действий) также имеет прямое отношение к ситуации в СВА. Американо-японское сотрудничество в этой сфере, нацеленное, в частности, на сдерживание ракетного потенциала КНДР, вызывает озабоченность в КНР и не может не оказывать влияние на китайско-японские и китайско-американские отношения, порождая дополнительную напряженность в военно-политической области.

Администрация Б. Обамы уже первым зарубежным визитом госсекретаря Х. Клинтон давала сигнал о том, что проблемы Восточной Азии и шире – Азиатско-тихоокеанского региона вновь займут важное место в американской внешней политике. Все же занятость Афганистаном и рядом других острых проблем создает впечатление, что в полной мере пока администрации США «возврат» в указанный регион осуществить не удастся (только один пример: дважды отмененный визит Б. Обамы в Австралию, являющуюся одним из ближайших союзников Вашингтона в регионе, в первой половине 2010 г.).

Тем не менее, при всей растущей роли Китая Соединенные Штаты остаются важнейшим стратегическим (военно-политическим и экономическим) игроком в регионе.

В свою очередь, Россия пытается активизировать свои связи, прежде всего, с Северо-Восточной Азией с целью подъема экономики дальневосточных регионов страны. Россия также жизненно заинтересована в сохранении стабильной международной обстановки в этом районе.

К сожалению, диалог по чисто тихоокеанской проблематике между Россией и США пока особого развития не получил.

Однако, по крайней мере, *три проблемы* представляют интерес для такого диалога: перспективы развития ситуации на Корейском полуострове; китайско-американские

отношения и мониторинг гонки вооружений в регионе (региональная система ПРО, противостояние ВМФ различных стран и т.п.):

■ Корейский полуостров – здесь необходима координация усилий по поощрению возвращения Северной Кореи за стол шестисторонних переговоров. Есть и более широкий вопрос – как побудить северокорейский режим приступить к постепенным шагам по изменению его экономических основ.

■ Китайско-американские отношения становятся все более масштабными и комплексными, и Россию, естественно, интересует сочетание сотрудничества и соперничества двух крупнейших экономик мира, соотношение их военно-политических приоритетов.

■ Гонка вооружений в регионе может быть серьезным источником подрыва стабильности и также требует двустороннего и многосторонних диалогов.

Посткризисные вызовы для безопасности в Восточной Азии

Понятие безопасности неизбежно расширяется с усложнением ситуации в мире в целом, на региональном уровне и в конкретных странах, со сменой приоритетов и т.п.

В качестве примера исключительно расширительного толкования понятия безопасности можно привести утвержденную в мае 2009 г. Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.

В ней говорится не только о национальной обороне, государственной и общественной безопасности, но и о: повышении качества жизни российских граждан; экономическом росте; науке, технологиях и образовании; здравоохранении и культуре; экология живых систем и рациональном природопользовании. Наконец, в заключении в документе говорится также о стратегической стабильности и равноправном стратегическом партнерстве². Поэтому вопросов, относящихся к безопасности, будь это страновой, региональный или глобальный уровень оказывается достаточно много.

Экономическая безопасность

Естественно, что нынешний глобальный финансово-экономический кризис вывел на первый план вопросы экономической безопасности. Его характер и глубина, хотя первоначально, возможно, и преувеличенная, помимо мер немедленной реакции на последствия кризиса с целью их смягчения и облегчения последующего выхода из него, поставили и более долгосрочные проблемы. Среди них: мониторинг возникающих рисков, внесение изменений в валютно-финансовое регулирование, мировую валютную систему, в т.ч. в соотношение роли резервных валют, устранение сложившихся дисбалансов в мировой торговле и финансах и т.д. – что в совокупности говорит о необходимости корректировки, пусть постепенной, мировой финансовой и экономической архитектуры.

На самом деле схожие проблемы, только на региональном уровне, поставил в 1997-1998 гг. структурно-финансовый кризис в Восточной Азии. Но тогда казалось, что это все имеет отношение только к конкретному региону. Прошло десять лет – и содрогнулись, в той или иной степени, экономики всего мира.

Как известно, Китай довольно часто приводится в качестве положительного примера продолжающегося экономического роста, хотя и не без наличия серьезных проблем, в том

числе носящих долгосрочный, структурный характер. Бóльшая степень устойчивости, продемонстрированная на этот раз национальными хозяйствами Китая и ряда других стран АТР, вызвала надежды на их положительное влияние на экономическую динамику в мире в целом.

Тем не менее, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао на пресс-конференции в начале 2010 г. по итогам 3-й сессии ВСНП 11-го созыва справедливо указал на то, что Китай оказался в сложной экономической ситуации, которая характеризуется наличием множества неопределенных факторов, главные противоречия и главные проблемы мировой экономики пока еще не удалось полностью преодолеть. Аналогичные заявления, предупреждения о сохранении во многом неопределенной ситуации делают и лидеры других государств.

Не вполне понятно пока дальнейшее течение нынешнего глобального финансово-экономического кризиса. Достаточно много предупреждений о том, что:

- ⇒ даже острая фаза кризиса пока еще частично в силе;
- ⇒ что возможна вторая волна кризиса;
- ⇒ последствия кризиса будут рассасываться достаточно длительное время, например, всплеск безработицы.

Кроме того, есть значительная разница, как мы видим, в положении отдельных стран – разница между регионами и разница между странами внутри отдельных регионов.

Ситуация в Восточной Азии или чуть шире – в Тихоокеанской Азии (Восточная Азия + Дальний Восток России, Австралия и Новая Зеландия) – считается более благоприятной, страны региона в основном оказались в меньшей степени затронуты кризисом, особенно если судить по динамике ВВП, чем Европа или Северная Америка.

В результате разной ситуации в отдельных регионах и субрегионах обостряется вопрос соотношения регионального и глобального. Скажем, вновь появляются идеи региональных валютных фондов, как это было во время азиатского структурно-финансового кризиса 1997-1998 гг.

Конечно, соотношение глобализации, региональных интересов и интересов отдельных стран окажут влияние на решения, вырабатываемые в рамках 20-ки (G-20). Реальные проблемы заключаются в том, чтобы:

- не затормозить развитие благоприятной среды для экономического взаимодействия на глобальном уровне;
- постараться достичь оптимального, по возможности, соотношения мировой и региональной финансовой архитектуры.

Отдельные страны выражают озабоченность, что возможные договоренности в рамках новой глобальной финансовой структуры окажут излишнее давление на их собственные регулирующие возможности, будут их неоправданно ограничивать.

На региональном уровне естественен вопрос о дальнейших перспективах экономического сотрудничества в Тихоокеанской Азии. Мы видели, как после азиатского кризиса 1997-1998 гг. активизировались различные формы межгосударственного экономического взаимодействия в регионе:

- ❖ в рамках «тройки» государств Северо-Восточной Азии (Китай, Япония и Южная Корея),
- ❖ в формате АСЕАН+3,

- ❖ в организации Восточноазиатских саммитов (ВАС, возможного прообраза Восточноазиатского сообщества),

- ❖ при осуществлении инициатив типа Чианг Май (своп-соглашения по взаимной валютной поддержке при возникающей кризисной необходимости). Серьезным шагом в ее развитии является вступление в силу (24 марта 2010 г.) соглашения о многостороннем своппуле (Чиангмайская многосторонняя инициатива – ЧММИ). Это знаменует собой следующий, качественный шаг в развитии валютно-финансового сотрудничества в рамках АСЕАН+3.

- ❖ в соглашениях о зонах свободной торговли – Китай+АСЕАН, Япония+АСЕАН, между АСЕАН и Австралией, Новой Зеландией и Индией, между отдельными странами Тихоокеанской Азии: и все это – между государствами, являющимися членами Восточноазиатских саммитов (ВАС).

В последнее время появились новые идеи и предложения по формированию региональной экономической группировки с разной конфигурацией по составу и по содержанию:

- ❖ предложение бывшего премьер-министра Японии Ю. Хатоямы по поводу ограниченного только странами Восточной Азии сообщества аналогичного ЕС (хотя по составу и содержанию ВАС проявились разногласия в самом японском правительстве);

- ❖ до этого тоже бывший австралийский премьер-министр К. Рад выдвинул идею более широкого по составу Азиатско-тихоокеанского сообщества: без стран Латинской и Южной Америки (из состава АТЭС), но с привлечением Индии;

- ❖ наконец, Соединенные Штаты активизировали при администрации Обамы продвижение идеи Транстихоокеанского партнерства.

Поэтому перед ведущими странами региона стоит нелегкий выбор по согласованию всех этих идей (или выбраковки части из них), чтобы не потерять темп развития регионального сотрудничества, набранный в предкризисные годы.

При этом большое влияние будет иметь взаимодействие в рамках двух пар: Китай – США и Китай – Япония.

В рамках пары Китай – США в последнее время наблюдалось некоторое напряжение, вызванное, прежде всего, стремлением Вашингтона скорректировать дисбалансы в торговле и валютных отношениях. Правда, взаимодействие Китая и США имеет гораздо больше измерений. Но здесь можно особо отметить проблему изменения соотношения сил между Китаем и Соединенными Штатами на региональном уровне – в Тихоокеанской Азии: как в таких условиях будут сочетаться конкуренция и сотрудничество в рамках двойки, и как они будут влиять на развитие формата и на содержание регионального экономического сотрудничества?

Другая важная пара с точки зрения влияния на ситуацию в регионе: Китай – Япония. Потенциал дальнейшего количественного роста взаимодействия в торговле, инвестициях, передаче технологий и т.п. – огромен. Согласование позиций Пекина и Токио имеет решающее значение для претворения в жизнь любого многостороннего проекта институционального оформления развития регионального экономического сотрудничества. Вопрос к этой паре также заключается в соотношении кооперации и конкуренции, но ее

отличие от пары Китай – США состоит в том, что от Пекина и Токио в особой мере зависит именно внутрорегиональное сотрудничество.

В свою очередь, Россия сделала в последние несколько лет известные шаги по повышению внимания к развитию районов Дальнего Востока и Забайкалья. Среди них – принятие целого ряда федеральных программ:

- ✦ уточненная программа социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г.;

- ✦ стратегия развития указанных регионов до 2025 г.;

- ✦ намеченное проведение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и отдельная госпрограмма по инвестициям в инфраструктуру, связанную не только с проведением саммита, но и повышением привлекательности Владивостока и Приморья в целом в качестве центров международного сотрудничества. Среди партнеров по такому сотрудничеству имеются в виду, прежде всего, соседи по Северо-Восточной Азии.

Россия не мыслит подъема экономики своих тихоокеанских территорий без сотрудничества с соседями. Естественно, что ее вклад в ресурсное обеспечение их экономического роста имеет потенциал к серьезному увеличению – прежде всего, через поставку энергоресурсов – не только в виде нефти, природного газа и угля, но также путем экспорта электроэнергии и энергоемкой промышленной продукции. Конечно, Россия заинтересована также и в диверсификации экономики ее тихоокеанских районов и их экспорта и будет предпринимать к этому в ближайшие годы все усилия.

На Совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-тихоокеанского региона в июле 2010 г. в Хабаровске президент Медведев особо подчеркнул, что: «На новый уровень должно выйти экономическое взаимодействие региона и всей России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. До конца текущего года Правительство должно представить на утверждение Программу действий по укреплению позиций России в регионе. Она должна содержать прогноз долгосрочного развития Дальнего Востока с учётом потенциала наших восточных районов и тех интеграционных процессов, которые идут в АТР»³.

Вопросы международной безопасности в регионе

Главная текущая угроза международной безопасности в регионе – ситуация вокруг Северной Кореи.

Одна часть проблемы – это, как известно, ракетная и ядерная программы, осуществляемые Пхеньяном. По ракетной программе – особая озабоченность по поводу пусков ракет, которые при утрате контроля над траекторией их полетов могут приземлиться на территориях соседей, т.е. представлять для них непреднамеренную угрозу⁴.

По ядерной программе – нет точных открытых данных, что Северная Корея провела в 2009 г. реальное испытание ядерного устройства. При этом есть озабоченность состоянием ядерных объектов Северной Кореи, их безопасностью. Проблему ракетной и ядерной программ Пхеньяна объединяют и усугубляют его вызванные тяжелой экономической ситуацией в стране попытки, как утверждают, прежде всего, США, заработать твердую валюту на нелегальном экспорте ракетных и ядерных технологий и материалов.

В последнее время обостряется и проблема собственно выживаемости северокорейского государства, которая гораздо глубже и гораздо острее, чем собственно

ракетная и ядерные проблемы. Для соседних государств все актуальнее становится вопрос побуждения Северной Кореи к экономическим реформам для предотвращения возможного коллапса этого государства и возникновения широкого потока беженцев в сторону Китая, а также России – там, где защищенность границы гораздо ниже, чем на южном направлении.

В ответ на соответствующие шаги Пхеньян мог бы получить экономическую помощь и гарантии безопасности (естественно, при участии Соединенных Штатов), что сделало бы его «ракетные и ядерные усилия» менее актуальными с точки зрения, по крайней мере, части северокорейской элиты.

Таким образом, при всей важности ракетно-ядерной проблематики, улучшения климата межкорейских отношений, вообще снижения напряженности обстановки вокруг КНДР, главным вопросом на ближайшее время остается судьба режима и возможные последствия его смены или экономического (и политического) коллапса страны. Это непосредственно затронет трех ближайших соседей КНДР – Южную Корею, Китай и Россию. И было бы разумным наладить между ними трехсторонний диалог по оценкам возможного развития событий на Севере полуострова, в т.ч. по вопросам оказания срочной продовольственной и иной помощи населению КНДР.

К сожалению, слишком много усилий замыкается на *формат* прерванных или окончательно остановленных *шестисторонних переговоров*. Пять заинтересованных, хотя и в разной степени и при известных нюансах, в поддержании региональной стабильности государств не смогли пока в достаточной мере скоординировать свою политику за пределами этого формата. Причем – не только по отношению к проблемам, связанным с Северной Кореей, но и в рамках подготовки почвы для создания не в отдаленной перспективе давно обсуждаемой субрегиональной организации. Такая организация, при различных возможных ее форматах, имела бы дело с гораздо более широким спектром вопросов безопасности в Северо-Восточной Азии, чем только ситуация в Северной Корее.

Например, одной из тем для обсуждения могло бы быть сотрудничество США и Японии в сфере противоракетной обороны и реакция (в виде озабоченности) на эти планы России и Китая.

Интерес России к проблеме региональной безопасности заключается в развитии связей с СВА и шире – с АТР, направленных на использование инвестиционных, научно-технологических и прочих ресурсов региона «для обеспечения нормальной жизни на нашем Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, для перевода нашей экономики на инновационный путь», для обеспечения «безопасности наших восточных рубежей и содействие укреплению здесь мира и стабильности»⁵.

Очень важно следовать принципу неделимости региональной безопасности, укреплять в регионе меры доверия, особенно в военной сфере, совершенствовать механизмы урегулирования споров и превентивной дипломатии, двигаясь в сторону формирования комплексной архитектуры региональной безопасности.

Примечания

¹Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений, Сочи, 6 апреля 2008 года. (<http://www.mid.ru/ns-rsam.nsf/1f773bcd33ec925d432569e7004196dd/432569d80021825ec3257424005394ea?OpenDocument>).

²Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 (<http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>).

³Стенографический отчёт о Совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-тихоокеанского региона 2 июля 2010 года, Хабаровск (<http://www.kremlin.ru/transcripts/8234>).

⁴Так, в частности, в интервью телеканалу Russia Today вице-премьер правительства РФ С.Б. Иванов выразил опасения по поводу того, что корейские ракетные испытания «ненадежны с технической точки зрения». При этом он подчеркнул, что речь идет не об испытаниях межконтинентальных баллистических ракет, а о вооружениях ближнего и среднего радиуса действия. «Существует большая доля вероятности того, что в один прекрасный день запущенная КНДР ракета, конечно же без боеголовки и уж, конечно, без всяких злых умыслов в отношении России, может приземлиться на нашей территории», - заявил Иванов. По его словам, быть готовыми к этому и предотвратить подобное развитие событий – «важнейшая задача, стоящая перед Вооруженными силами Российской Федерации». (<http://www.lenta.ru/news/2010/06/09/straymissiles/>).

⁵Д. Медведев. Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях. 12 июля 2010 года, Москва. (<http://www.kremlin.ru/transcripts/8325>).

МИХЕЕВ В.В., ФЕДОРОВСКИЙ А.Н. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юбилейные даты традиционно рассматриваются как удачный повод для подведения итогов и выдвижения перспективных оценок. В этом смысле двадцатилетие установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом стало событием, позволяющим трезво оценить немалые достижения, а также выявить новые возможности российской внешней политики на корейском направлении.

Оценки и воспоминания участников событий двадцатилетней давности, приводимые в настоящем сборнике, дают представление о том низком старте, с которого начиналось двустороннее сотрудничество. Его характеризовали: мизерный товарооборот, да и то через третьи страны; отчужденность, инерционность мышления и стереотипы во взаимной оценке со стороны политических элит; крайне слабая информированность общественности двух государств о реальных возможностях нового партнера.

Учитывая эти обстоятельства, стоит высоко оценить огромный прорыв в двусторонних отношениях, достигнутый в сжатые сроки, отдать дань тем политикам, общественным деятелям и бизнесменам, кто внес свой вклад в формирование атмосферы доверия и сотрудничества.

В развитии российско-южнокорейских торгово-экономических связей произошли заметные сдвиги, особенно в первое десятилетие нового века. Южнокорейский бизнес зримо представлен на российском рынке автомобилей и бытовой техники. Растет его присутствие в инвестиционных проектах в том же автомобилестроении, а кроме того – в добыче энергетических ресурсов, нефтехимии.

В свою очередь, Россия превратилась в крупного поставщика на южнокорейский рынок сжиженного газа, других энергетических ресурсов, минеральных удобрений, продукции цветной металлургии, лесной и рыбной промышленности.

Развитие прямых российско-южнокорейских контактов способствовало оптимизации внешнеэкономических связей российского Дальнего Востока, приобретшего дополнительный эффективный канал сбыта своей традиционной продукции и получившего доступ к новому источнику инвестиций, а также высококачественной промышленной и потребительской продукции.

Вместе с тем, очевидно, что перспективы экономического сотрудничества двух стран зависят от совместных усилий по поиску новых форм и методов делового взаимодействия. Наметившийся рост южнокорейских инвестиций в российскую экономику еще далек от потенциальных возможностей. В свою очередь, ни масштаб, ни характер российских капиталовложений в Республику Корея не соответствуют задаче обеспечения сбалансированности торгово-экономических обменов с этой страной.

Сотрудничество с Республикой Кореей могло бы внести немалую лепту в развитие экономического потенциала российского Дальнего Востока, в повышение качества жизни его жителей. В связи с этим российской стороне предстоит определить приоритеты своей политики развития Дальнего Востока, а среди них – установить порядок подключения зарубежных (в том числе и южнокорейских партнеров) к реализации намечаемых или уже осуществляемых региональных программ.

В особой поддержке нуждается внешнеэкономическая активность малого и среднего бизнеса двух стран, способного внести заметный вклад в развитие сотрудничества между Россией и Республикой Корея.

В конечном итоге потребуются серьезные согласованные действия государства, бизнеса и экспертного сообщества с тем, чтобы вывести двусторонние отношения на новый

уровень. А для этого придется существенно поднять качество информационного и аналитического обеспечения влиятельных политических и предпринимательских кругов двух стран, которые должны получать исчерпывающую информацию о проблемах и возможностях развития двусторонних отношений.

Собственно говоря, в последнее время на различных двусторонних форумах, включая регулярно проводимые саммиты, высшие руководители России и Республики Корея обращали внимание на эту проблему и давали соответствующие поручения, предполагающие меры по организации адекватной информационно-аналитической системы, содействующей принятию и согласованию необходимых решений.

Поскольку в полной мере выполнить намеченное пока не удалось, на повестке дня сохраняется задача выработки экономической политики на базе формирования механизма учета интересов двух стран, с участием представителей государства, бизнеса и экспертного сообщества.

Задача эта тем актуальнее, что поиск путей дальнейшего расширения торгово-экономических связей между Россией и Республикой Корея должен учитывать, с одной стороны, потребности развития двусторонних отношений, а с другой – интеграционные процессы в Восточной Азии. Кроме того, выход из нынешнего глобального кризиса видится лидерам мировой экономики в лице «двадцатки» (куда входят РФ и РК) на пути обеспечения своим странам выхода на новый уровень социально-экономического развития.

Не менее масштабные задачи стоят перед Россией и Республикой Кореей в политической сфере. Практически все эксперты отмечают высокий уровень политических отношений двух государств, достигнутый всего лишь за два десятилетия. Однако развитие международной ситуации, как на региональном, так и глобальном уровнях побуждают Москву и Сеул совместно искать развязки сложных политических узлов, без чего невозможна нормализация ситуации на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.

Одной из ключевых задач укрепления взаимодействия Москвы и Сеула становится создание благоприятных условий для развития межкорейских отношений, имея в виду появления в перспективе объединенной Кореи.

Таким образом, России и Республике Корея, наряду с другими заинтересованными странами, предстоит внести свою лепту в обеспечение такого политического климата вокруг Корейского полуострова, который способствовал бы осуществлению поэтапного сближения двух стран.

Причем характер этого сближения, ориентированного на конечное объединение Кореи, должен учитывать политические, экономические и гуманитарные интересы корейской нации и, в то же время, избегать появления любой потенциальной угрозы безопасности какой-либо из стран-соседей Кореи.

В конечном счете, объединение Кореи на рыночно-демократической основе автоматически решит ядерную проблему Пхеньяна, а, значит, внесет свой позитивный вклад в международные процессы. Объединение не приведет к конфликту с Китаем или Японией – также заинтересованных в том, чтобы ядерная Северная Корея не мешала нормальному развитию региона. Объединение, наконец, создаст дополнительный мотив для углубления интеграционного взаимодействия стран СВА.

Хотя гуманитарные обмены между Россией и Республикой Кореей неизмеримо выросли за минувшее двадцатилетие, сфера образования, науки и культуры по-прежнему содержит в себе большие неиспользованные резервы. Между тем российско-южнокорейские отношения нуждаются в дополнительных ресурсах развития. Отсюда – задача стимулирования сотрудничества в гуманитарной области как условия укрепления

человеческих контактов, упрочения взаимного доверия и создания благоприятных возможностей для расширения кооперации в развитии инновационной экономики.

Экспертные оценки позволяют прийти к выводу, что в минувший период Россия и Республика Корея накопили положительный опыт развития взаимовыгодных связей. Энергичные и комплексные по своему характеру совместные усилия двух стран должны стать залогом успеха двустороннего сотрудничества в предстоящем двадцатилетии, гарантом формирования стабильных и долгосрочных партнерских отношений.

Авторы

Амиров Вячеслав Борисович – старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Дынкин Александр Александрович – академик РАН, директор ИМЭМО РАН.

Кунадзе Георгий Фридрихович – к.и.н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. Заместитель министра иностранных дел России в 1991-1994 годах, Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Корея в 1994-1997 гг.

Ларин Виктор Лаврентьевич – д.и.н., директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, главный редактор журнала «Россия и АТР».

Левченко Геннадий Яковлевич – в 1990 г. – ответственный работник Министерства внешней торговли СССР. В 1990-2000-е годы – главный специалист-советник Министерства экономического развития и торговли РФ, в 1996-2008 гг. – ответственный секретарь российских частей Межправительственных комиссий по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и РК, РФ и КНДР.

Лукин Владимир Петрович – д.и.н., профессор, уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. В 1990 г. – председатель Комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР, член Президиума Верховного Совета РСФСР.

Михеев Василий Васильевич – член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН.

Полевой Леонид Леонидович – независимый политолог.

Федоровский Александр Николаевич – д.э.н., заведующий сектором ИМЭМО РАН.